

МАТЕРИАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА
ВОСТОКА

МОСКВА - 1999

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ВОСТОКА

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОКА

Сборник статей

Москва 1999

ББК 63.5 (5)
М34

М34 **Материальная культура Востока: Сборник статей /**
Государственный Музей Востока. – М.: Компания
Спутник +, 1999. – 256 с.

ISBN 5-93406-022-8

Сборник печатается по решению
Редакционно-издательского Совета
Государственного Музея Востока.

Редакторы: Носкова Л.М.,
Мкртычев Т.К.

Художественное оформление: Сурвилло Н.С.,
Куркина Е.А.

Технический редактор: Трейнер У.И.

ISBN 5-93406-022-8

ББК 63.5 (5)
М34

© Государственный Музей Востока, 1999

Проблемы изучения ритонов из Старой Нисы

В 1948 году, во время раскопок на городище Старая Ниса так называемого «квадратного дома», был найден большой комплекс изделий из слоновой кости, значительное количество которых составляли ритоны [1].

Несмотря на то, что прошло уже сорок лет с момента их публикации в известной монографии М.Е. Массона и Г.А. Пугаченковой [2], и то, что практически все авторы, которые писали о восточном эллинизме упоминали о них, целый ряд принципиальных вопросов, связанных с нисийскими ритонами, не получил до сих пор аргументированных ответов. В настоящей статье автор подводит итог 40-летнего пребывания ритонов в научном обиходе и выделяет основные нерешенные проблемы изучения нисийских ритонов, предлагая возможные направления для их дальнейшего исследования.

Проблема первая: происхождение ритонов. Первые исследователи, опубликовавшие ритоны, определили их как «чисто парфянские, хотя и собравшие отовсюду немало сходственных черт» [3]. Однако, вскоре их парфянское происхождение поставил под сомнение Р. Гиршман, который выдвинул версию об их изготовлении в греко-бактрийском регионе [4]. Его точку зрения поддержали Р. Барне и П. Бернар [5]. На основании ряда иконографических черт Б.Я. Ставиский предположил, что ритоны были импортированы из индо-греческого региона, имея ввиду не только Бактрию, но и, возможно, Гандхару [6]. Помимо того, ряд исследователей считает возможным изготовление этих сосудов в западных провинциях эллинистического мира. М. Пфроммер, относя ритоны Нисы к «leaf calyx class» отмечает, что этот тип сосудов не является изобретением эллинистических мастерских Парфянской империи. Будучи хорошо известным и распространенным, он просто использовался за пределами

Ближнего Востока, откуда происходит основное количество находок предметов этой группы [7]. Г.А. Кошеленко высказал предположение об их изготовлении в одном из эллинистических городов, возможно, в Селевкии-на-Тигре [8].

В последние годы учеными, занимающимися археологическим изучением Старой Нисы, были высказаны две противоположные точки зрения на этот вопрос. А. Инверницци считает возможным изготовление ритонов на Старой Нисе. Об этом, по его мнению, говорит ярко выраженный эллинистический характер всего комплекса городища. Таким образом, получила развитие первоначальная точка зрения, высказанная М.Е. Массоном и Г.А. Пугаченковой. Исследования, проведенные В.Н. Пилипко, позволили ему предположить, что ритоны сделаны в среде с иными вкусами и эстетическими установками, нежели чем те, которые восстанавливаются в результате раскопок на Старой Нисе [9].

На фоне приведенных выше мнений, показательна точка зрения крупного исследователя эллинизма Д. Шлюмберже, который уклонился от определения места изготовления ритонов, но предположил возможность работы греческих мастеров [10].

К настоящему моменту количество материалов, которые могли бы использоваться в качестве аргументов, увеличилось незначительно. Дело осложняется тем, что эллинистические вещи, в силу общего культурного контекста, весьма схожи между собой, и «...то, что производилось в Ай-Ханум, ничем не отличалось от того, что выпускали ремесленные мастерские Александрии Египетской и Антиохии на Оронте» [11].

Очевидно, только появление новых материалов позволит внести ясность в решение данного вопроса.

Проблема вторая: технология

Общее описание технологии производства нисийских ритонов было сделано при их публикации М.Е. Массоном и Г.А. Пугаченковой. Использованные материалы и некоторые принципы сборки этих

многосоставных сосудов дают основания для более точного терминологического определения техники их изготовления.

Нисийские ритоны выточены из слоновых клыков, несколько кусков которых подбирались и обтачивались для достижения желаемого профиля и соединялись между собой приемом втулки. Кроме того, ритоны имели деревянную основу, на которую крепились фризы. Ее истлевшие остатки были обнаружены внутри некоторых из них [12]. Крепление двух сцепляемых частей ритона с деревянной основой осуществлялось с помощью штифтов из красной меди, которыми они соединялись через специально проделанные сквозные отверстия. Такими же штифтами крепились карнизы к фризам, на некоторых ритонах вырезанные на отдельных пластинах, а также крылья и ноги к скульптурным протомам. Концы штифтов расклепывались. На поверхности некоторых штифтов сохранились следы позолоты. Ряд деталей скульптурных протом и, вероятно, гладкие стволы ритонов были отделаны золотом или позолоченными серебром и бронзой. В большинстве своем эти части и обкладки утрачены в древности [13]. Глаза львогрифонов на протомах, ячейки овов и миндалевидные гнезда между скульптурными головками на карнизах были инкрустированы вставками из стекла желтого, синего и зеленоватого оттенков, цветных камней и тонкими пластинками, вырезанными из плакированного золота. Некоторые детали одежды, глаза, губы были подчеркнуты красками (сохранились следы красной и синей).

Подобная техника, сочетающая в себе резную слоновую кость, золото, инкрустацию и раскраску отдельных деталей, известна нам по описаниям монументальной храмовой скульптуры античными авторами, и носит название хрисозлефантинной.

Вещи, выполненные в хрисозлефантинной технике, в Греции имели культовый статус, но на Востоке, где золото и слоновая кость не были столь редки, они служили предметами парадного обихода, принадлежащими царю и элитным слоям общества, являясь знаком социальной значимости их обладателя. [14]. В эллинистический период

слоновая кость, оставаясь дорогим и ценным материалом, перестает быть редкостью. Имеются многочисленные письменные свидетельства о заготовке слоновой кости в Африке, о поставках ее из Индии, а также о подарках индийских слонов селевкидским правителям [15].

В эллинистическое время в греческой среде на Востоке наряду с большими идеологическими изменениями происходит и смещение акцентов между культовым и светским, которое наиболее ярко воплотилось в развитии концепции «царь-бог». Это могло отразиться и на вещах, выполненных в хрисозлефантинной технике, которые, очевидно, утрачивают свой культовый характер.

Все это подводит нас к еще одной проблеме, связанной с ритонами из Старой Нисы.

Проблема третья: назначение ритонов. М.Е. Массон и Г.А. Пугаченкова высказали предположение о культовом назначении ритонов. По их мнению, это объясняется роскошью сосудов, размерами и нахождением их в царской сокровищнице, связанной, по их предположению, с заупокойным культом Аршакидов [16].

Действительно, емкость от 0,5 до 1,5 л и наличие в некоторых протомах двух сливных отверстий, делают крайне неудобным их использование в качестве сосудов для питья [17]. Однако, эти характеристики не могут служить прямыми доказательствами их употребления в культе. Нам известны ритоны гораздо большей вместимости - так, ритон с протомой Пегаса (ГМВ) вмещает около 2,5 л. [18]. Из произведений античных трагиков известно о существовании пиршественных ритонов, вмещавших до 2 хоев (около 7 л) [19].

К тому же культовый характер сокровищницы Нисы не является доказанным фактом. Так, здание с аналогичной планировкой в Ай-Ханум служило просто царской сокровищницей и не имело сакрального значения [20]. В процессе раскопок «Квадратного дома» было установлено, что в некоторых помещениях наблюдается преобладание объектов одной категории, что дало условные названия ряду комнат: «комната монет»

(XVIII), «комната статуй» (XII), «комната мелкой скульптуры» (XVII) и др. [21]. Наличие в помещении, где были найдены ритоны, других изделий из слоновой кости (детали трона, обкладки шкатулок и др.) указывает на то, что перед нами скорее простое утилитарное хранилище, где вещи складывались по неким формальным признакам.

Важным аргументом в определении культового характера сосудов считалась процарапанная на одном из ритонов греческая надпись "Гестия". В надписи, находящейся на стволе ритона непосредственно под центральной фигурой фриза, М.Е. Массон и Г.А. Пугаченкова видят пояснение к этому образу и считают, что она указывает на принадлежность этого ритона Гестии, богине домашнего очага, образ которой на парфянской почве слился с Артемидой [22].

По мнению Г.А. Кошеленко, иконография данной фигуры не позволяет отождествить ее с Гестией. Однако поскольку ее культ в общегосударственном значении был связан с общим очагом полиса, то надпись дает свидетельство того, что ритон относится к культу «...Гестии на той его стадии, когда он в условиях Парфянского государства сливается с иранским культом огня», а помещение ритона в "царскую сокровищницу" объясняется использованием его при коронационных торжествах парфянских царей, когда зажигался особый огонь и первое возлияние Гестии, как олицетворению этого огня, осуществлялось из помеченного ритона [23].

Точку зрения об утилитарном характере ритонов высказал П. Бернар и указал на сходство ритонов с сосудами, из которых виночерпий наполняет сосуды пирующих.[24]. По его мнению, присутствие имени «Гестия» на сосуде может быть объяснено в рамках греческой традиции.

Относительно имени «Гестия» на ритоне можно отметить, что на античных сосудах имена богов в родительном падеже писались или процарапывались на видной части сосуда, обычно под венчиком [25]. Подобные надписи включают в себя имя божества и должны читаться как "(чаша) такого-то". Это вариант древней первичной формы "Я - чаша

такого-то", сокращенной до одного слова - имени, поставленного в родительном падеже. Такие сосуды имели пиршественный характер, а надписи связаны с традицией возлияния из них в домашних условиях богам, имена которых на них начертаны. Таким образом, версия П. Бернара о ритонах как пиршественной посуде выглядит наиболее убедительной.

Проблема четвертая: иконография

Авторы, писавшие об иконографии нисийских ритонов, единодушно отмечали совмещение в ней различных традиций - иранской, греческой, индийской. Данный процесс определяет суть сложения эллинистической иконографии, когда соединение различных изобразительных канонов примерно в середине I в. до н.э. привело к формированию новой иконографии.

Анализируя иконографию нисийских ритонов, можно заключить, что мастер, делавший образцы, исходил из греческой традиции изображения богов и ритуальных сцен. При этом, в своей работе он соединял как отдельные элементы внутри одного образа, сочетание которых не были приняты в классическом искусстве Греции (крылья на голове у Геры, крылья у кентавра и т.п.), так и образы разных традиций в рамках одного произведения (крылатый, рогатый львогрифон и рельефный фриз с «додекатейоном»). Обращает на себя внимание появление новых образов, несвойственных ни одной из используемых традиций, а следовательно, являющихся продуктом авторской фантазии (крылатый слон). Все это свидетельствует о том, что творчество автора нисийских ритонов не было регламентировано формирующимися эллинистическими канонами, а процесс создания ритонов в целом может быть отнесен к тем стадиям формирования эллинистической иконографии, когда отдельные разнородные элементы еще не составили единого неразделимого целого.

Это положение хорошо иллюстрирует мотив, присутствующий в оформлении карниза почти на всех ритонах - скульптурные человеческие головки. В свое время Д. Шлюмберже посчитал это "совершенно

негреческой деталью" [26]. Дж. Бордман отметил распространенность этого элемента декора повсеместно в Парфии, в архитектурном декоре Хатры [27]. Известен он также в эллинистической архитектуре Милета [28].

Между тем, этот мотив также хорошо известен в оформлении посуды в Греции. Так, две серебряные фиалы VI в. до н.э. украшены 18 бородатыми головками, напаянными на стенки сосуда [29]. Он же присутствует и в декоре двух скифосов и фиалы, найденных во Фракии, датируемых IV - нач. III в. до н.э. [30].

При том, что нам известно огромное число произведений эпохи эллинизма, найти синхронные параллели образам нисийских ритонов до сих пор не удается. Так, на фризах с изображением олимпийских богов ни иконография, ни порядок расположения персонажей не соответствуют классическим образцам. В классической ионийско-аттической трактовке как правило представлены шесть пар богов - Зевс-Гера, Посейдон-Деметра, Аполлон-Артемида, Арес-Афродита, Гермес-Афина, Гефест-Гестия [31]. Обычный же порядок расположения богов на нисийских ритонах - Зевс, Гера, Гефест, Афина, Арес, Афродита, Аполлон, Артемида, Деметра, Гермес, Гестия, Посейдон.

Что касается дионисийских сцен на нисийских ритонах, то прямые аналогии им также отсутствуют.

Вместе с тем, в ряде случаев очевидные прототипы представленным на ритонах образам датируются значительно более ранним временем, чем предполагаемое для изготовления ритонов (II в. до н.э.). Так, крылатый и рогатый львогрифон, изображенный на большинстве протом, - характерен для ахеменидского искусства VI-V вв. до н.э. Не исключено, что художник в качестве образца в данном случае использовал ахеменидскую гемму с изображением львогрифона, хождение которой в эллинистическое время весьма вероятно. Резные камни, являясь предметом роскоши, ценились и бережно хранились.

Все вышесказанное дает основание предположить существование в раннеэллинистическое время некоего художественного центра, локализация которого представляется делом будущего.

Некоторые попытки определения морфологической традиции, на которую опирались создатели (мастер и резчики) нисийских ритонов, базируются на анализе группы металлических ритонов из различных музеев мира, проведенном М. Пфроммером [32].

Основными признаками для их выделения в особую группу послужило оформление перехода от протома к тулову рельефным изображением аканфовых листьев, перемежающихся остролистами, и отогнутый наружу верхний край.

Ритоны Нисы, как и приведенные М. Пфроммером металлические образцы, имеют выступающий, отогнутый наружу край горла.

Поверхность патрубка на всех ритонах украшена удлинёнными листьями аканфа (шестью или восемью) и остролиста, чередующимися между собой, и объединёнными полоской в нижней части патрубка в своеобразный двусторонний букет. Аканфы имеют выделенный рельефный центральный прожилок, расчленённый горизонтальными насечками. Лист разделен на 4-6 групп лепестков по 4 лепестка в каждой, вверху отогнут наружу. Остролисты - гладкие, с выпуклой средней прожилкой и рельефной оторочкой края.

Этот мотив повторяется на всех ритонах. Он был использован и на серебряной обкладке патрубка одного из них, найденной отдельно. Различные дополнения к базовой схеме украшения - миндалевидная петля для вставки на тонком побеге (?) над остролистом (ритоны 9,18,24,47), или аналогичный побег с миниатюрными головками людей, размещенный между аканфами вместо остролистов (ритон 12/19) или отходящий от аканфов (ритон 27/34) - также находят себе близкие аналогии в оформлении металлических ритонов [33].

По мнению М. Пфроммера, наличие аканфового оформления вокруг протомы не имеет никаких аналогов в ахеменидском и раннеэллинистическом репертуаре [34].

Ни один из анализируемых М. Пфроммером сосудов не происходит из археологического комплекса. По стилистическим особенностям он датирует их предположительно самым концом II - I вв. до н.э. Поднимая вопрос о датировке ритонов Нисы, он предлагает только очень общую дату - после 200 г. до н.э. Первыми исследователями они были датированы II в до н.э. Основанием для этого послужил нумизматический материал из Квадратного дома - в "комнате ритонов" был найден медный халк парфянского чекана из числа так называемых посвячительных монет Митридата 1 (171-138 гг. до н.э.) [35].

Проблема пятая: интерпретация декора ритонов.

При интерпретации образов на ритонах М.Е. Массон, Г.А. Пугаченкова и Л.И. Ремпель в основном пытались объяснить их в русле местных иранских культов.

Так, протомы с изображением человеко-быка соотносились либо с Гопатшахом [36], либо с Дрваспой [37] - персонажами зороастрийской мифологии. Образ крылатого кентавра, встречающийся на ряде протом, по мнению Г.А. Пугаченковой и М.Е. Массона, означает "воплощение какой-то местной темы в пластических образах эллинизма". Он связывается с авестийским персонажем Тиштрией, который является в трех видах - прекрасного витязя, золоторого быка и белоснежного коня [38]. Авторы считают, что в парфянскую эпоху образ водного бога - Тиштрии, принимавшего то конское, то человеческое обличье, получает смешанные антропоморфные черты, и в пластическом искусстве греков «филэллинское» парфянское искусство нашло подходящий иконографический образ в виде человеко-коня кентавра. Появление крыльев у кентавра - детали, которой не знало греческое искусство, авторы приписывают желанию мастера запечатлеть "небесный" характер светлого гения "Тиштрии блестящего, сверкающего" [39].

Основанием для таких отождествлений, сделанных М.Е. Массоном и Г.А. Пугаченковой, послужили собственно только сами ритоны [40], что никак не может быть аргументом в пользу такой трактовки.

Выше уже говорилось, о том, что процесс сложения эллинистической иконографии включал в себя элементы разных традиций. На протяжении многих лет в литературе господствовало мнение о существовании прямого отождествления греческих богов с иранскими, соответственно, - прямого переноса своего местного значения на чужую, привнесенную иконографию (Э.Херцфельд, Р.Гиршман, Д.Шлюмберже). Однако, исследования последнего времени доказывают, что подобная межконфессиональная корреляция была достаточно сложным явлением и не носила характера прямых переносов [41].

В тоже время, рассматривая образы протом в виде человекобыка и кентавра в русле греческого искусства, мы видим, что они хорошо укладываются в круг персонажей дионисийского культа. Так, в Греции человекобык известен как Ахелой. Семантика его образа тесно связана с водной стихией. Он также является одной из ипостасей Силена Марсия. Ахелой в образе Силена был известен в Бактрии. В частности, среди находок в храме Окса есть рельеф с изображением борьбы Геракла с Силеном (Ахелоем) на рукояти махайры [42].

Что касается кентавров, то общеизвестно их пристрастие к вину, которое вводит их в дионисийскую свиту. Таким образом, художник, очевидно, обращался не к иранской религиозной традиции, а пытался соотнести функциональное назначение вещей (сосудов для вина) и сущность персонажей, изображенных на протомах.

Появление на протомах нисийских ритонов львогрифонов, далеких от дионисийской тематики, скорее всего можно объяснить как нарочитый «азианизм», который демонстрирует унаследованное греками могущество персов. Не исключено, что многократное использование образа «царской мощи Ахеменидов» косвенно указывает на статус заказчика нисийских ритонов.

В заключении, подводя итоги сорокалетнего изучения нисийских ритонов, следует признать, что основные проблемы по-прежнему еще далеки от своего разрешения, а высказанные предположения нуждаются в дополнительной аргументации.

1. Количество ритонов около 40 (ряд фрагментов и протом не поддаются восстановлению в целые формы).
2. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы. // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. IV. Ашхабад, 1959.
3. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Указ.соч., с. 253.
4. Ghirshman R. Persian art. The Parthian and Sassanian Dynasties. N.-Y., 1962, p. 30.
5. Barnett R.D. The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus. // Iranica Antiqua, VIII. Leiden, 1968, p. 49; Bernard P. Les rhytons de Nisa: a quoi, a qui ont-ils servi? // Histoire et cultes de l'Asie Centrale preislamique. Sources ecrites et documents archeologiques. Paris, 1991.
6. Вайнберг Б.И., Ставиский Б.Я. История и культура Средней Азии в древности. М., 1994, с. 94-96.
7. Pfrommer M. Metalwork from the Hellenized East. California, 1993, p. 47
8. Эллинизм: восток и запад. М., 1992, с. 54.
9. Пилипко В.Н. Старая Ниса. Здание с квадратным залом. М., 1996, с. 40.
10. Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток., М., 1985, с. 39-42.
11. Кошеленко Г.А., Мунчаев Р.М. Новая серия монографий в изданиях французской археологической делегации в Афганистане. // Народы Азии и Африки, №4. М., 1986, с. 168.
12. Ссылка на точное количество ритонов, в которых были зафиксированы остатки основы, у Г.А. Пугаченковой, к сожалению, отсутствует: "...красноватая труха была обнаружена как в момент

- раскопок, так и при извлечении из блоков большинства ритонов".
 Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Указ. соч., с. 61.
13. Например, на ритоне 78 (нумерация по Г.А. Пугаченковой) фриз насажен на медную позолоченную основу, открытую в карнизной части; найдены серебряное навершие ритона с позолоченным выпуклым орнаментом, серебряный соединительный патрубок; из меди изготавливались накладные пояски на основных членениях ритона, отдельные детали скульптурных фигур - рога, ножка быка, позолоченное серебряное крыло грифона. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Указ. соч., с. 62.
 14. Пичикян И.Р. Культура Бактрии. М., 1991, с. 33
 15. Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, с. 223.
 16. Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана. М., 1967, с.35.
 17. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Указ. соч., с. 236-237.
 18. Приношу благодарность хранителю фонда драгметаллов ГМВ И.В. Ксенофонтовой (ГМВ) за предоставленную информацию.
 19. Виноградов Ю.Г. Филологический комментарий. // ВДИ, №2, 1997, с. 78-79.
 20. Рапен, Кл. Эллинистическая сокровищница Ай-Ханум // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987, с. 118.
 21. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Указ. соч., с.20.
 22. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Указ.соч., с. 175.
 23. Кошеленко Г.А. Греческая надпись на парфянском ритоне. // ВДИ, № 2, 1967, с. 170.
 24. Bernard P. Op. cit., p. 31-32.
 25. Яценко И.В. Кубок Гигиен. Проблемы античной культуры. М., 1986, с. 228.
 26. Шлюмберже Д. Указ. соч., с. 39.
 27. Boardman, J. The Diffusion of Classical Art in Antiquity. Washington, D.C., 1994, p. 90.

28. Кобылина М.М. Милет. М., 1965, с. 196.
29. A Greek and Roman Treasury. By Dietrich von Bothmer. // The Metropolitan Museum of Art. Bull. N.-Y., Summer 1984, p. 24, N 16,17.
30. Маразов Иван. 24 Тракийски съда. Sofia, 1980, с. 9.
31. Lexicon iconographicum mythologiae classicae. III(I), Zurich-Munchen, 1986, p. 647.
32. Pfrommer M. Metalwork from the Hellenized East. California, 1993, p. 47.
33. Pfrommer M. Op. cit., p. 178, 192.
34. Pfrommer M. Op. cit., p. 47.
35. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Указ. соч., с. 26
36. Там же, с. 227.
37. Ремпель Л.И. Цепь времен. Ташкент, 1987, илл.21, с. 52.
38. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Указ. соч., с. 224.
39. Там же, с. 225.
40. Там же, с. 226.
41. Пичикян И.Р. Указ. соч., с. 128-130.
42. Там же, с. 172-173.

Новые раскопки на Кара-тепе в Старом Термезе.

История функционирования комплекса Е

В северо-западной части городища Старый Термез (Южный Узбекистан) находится трехглавая возвышенность, широко известная в литературе по буддийской археологии Средней Азии под названием Кара-тепе. Более тридцати лет Кара-тепе является объектом изучения Совместной археологической экспедиции, бессменное руководство которой все эти годы осуществлял Б.Я.Ставиский (рис.1) [1]. С 1987 по 1991 годы одно из подразделений экспедиции - отряд Государственного музея Востока - вело работы на западе северного склона южной вершины Кара-тепе [2]. В результате раскопок вскрыт новый комплекс, который согласно принятой системе обозначения получил наименование "комплекса Е" (рис.2).

Во время изучения объекта был получен разнообразный материал, существенно дополняющий имеющиеся данные по Кара-тепе. Одним из важнейших итогов работы стала детальная стратиграфия комплекса, на основании которой удалось выделить четыре основных последовательных этапа в истории функционирования комплекса [3].

Первый этап начинается со времени возведения комплекса. Поскольку при изучении его конструкций не были зафиксированы какие-либо кардинальные перестройки, есть основание предполагать, что все сооружение строилось единовременно по определенному плану (рис.3,4). Сравнение планировки комплекса Е с планировками ранее изученных объектов южной вершины показывает, что она представляла вариант типового плана, который с небольшими изменениями использовался строителями данного буддийского культового центра.

По всей видимости, возведение комплекса Е начиналось с подготовки площадки на склоне холма, которую должен был занимать двор. С этой целью в песчаниковом склоне была вырублена горизонтальная

поверхность. На отдельных участках эту поверхность выравняли глиняной подсыпкой. Скорее всего, по первоначальному плану, двор комплекса Е предполагалось сделать квадратным, а пещерная часть должна была представлять обходной коридор с центральным устоем. В дальнем конце коридора намечалась келья (ниша?). Однако при прокладке пещерных помещений строителям не удалось реализовать первоначально намеченный план. Остался незавершенным участок в конце западной пещеры, где намечалась келья. Проходка на этом участке была прервана, и он был отделен от пещеры стеной из сырцового кирпича. Не были соединены в единый коридор северные боковые коридоры, ставшие тупиковыми отрезками. И прежде всего не был вырублен южный коридор, который должен был замыкать обходной коридор с юга. Таким образом, для того, чтобы строящееся сооружение соответствовало предполагаемому плану, строителям пришлось на площадке для двора вплотную к подтесанному песчаниковому фасаду пристраивать из сырцового кирпича сооружения, которые должны были быть вырублены в песчанике. В процессе строительства первоначальный план подвергся дальнейшей корректировке: вместо коридора были сделаны три помещения - два смежных и одно изолированное. Одновременно со строительством этих помещений была возведена стена, ограничивающая с трех сторон двор, который получился соответственно не квадратным, а прямоугольным. В результате этих изменений дверные проемы пещерной кельи и лестницы, ведущей на холм [4], оказались не во дворе, как это предполагалось по первоначальному плану, а в наземных помещениях.

Для возведения наземных сооружений каратепинские строители использовали сырцовый кирпич хорошего качества, стандартного для кушанского времени размера 32-34 x 32-34 x 10-13 см. При строительстве комплекса в проходах в восточную, западную пещеры и в пещерную келью были установлены деревянные двери на дверных коробках. По сохранившимся следам дверных коробок, можно предположить, что двери в пещеры открывались вовнутрь, а дверь кельи открывалась наружу.

На первом этапе после завершения строительства двор комплекса представлял собой ровную подпрямоугольную площадку размером 9,45(9,55) x 12,4 м. Планировочные особенности двора этого этапа наименее изучены. Это вызвано тем, что на последующих этапах большая часть двора была застроена платформами под айваны, а оставшаяся часть подверглась переделке на втором этапе. Для определения характера пола двора первого этапа был разобран небольшой участок платформы в юго-восточном углу двора. Первоначальный пол первого этапа представлял собой вырубленную в песчанике поверхность, которая была покрыта тонким слоем глиняной обмазки, а сверху выбелена ганчем. Этот пол перекрывают два более поздних уровня полов, имеющих саманно-глиняную обмазку со следами ганча. Прослойки между полами не превышали 3 см. Наличие под позднейшей платформой нескольких уровней полов позволяет говорить о ремонтных работах, фиксирующих периоды внутри первого этапа.

К первому этапу, вероятно, могут быть отнесены несколько сооружений, следы которых зафиксированы на полу двора. Это неширокое подпрямоугольное углубление шириной 34-35 см и глубиной 15-18 см, отмеченное при разборке платформы вдоль южного конца восточной стены; округлая яма диаметром 93 см и глубиной 17 см, расчищенная в центральной части двора; и углубление диаметром 1 м, расположенное в северо-западном углу двора.

Кроме того, в центральном наземном помещении, у южной стены, был открыт участок раннего пола со следами возжигания огня.

Судя по имеющимся данным, фасадная стена наземной части сооружения была оформлена во время строительства комплекса, и не менялась на протяжении всей истории его функционирования. Она была разделена двумя симметричными проходами, которые фланкировали угловые пилоны, украшенные рельефными плинтусами, карнизами и контррельефными углублениями (рис.5,1). Сложенные из сырцового кирпича пилоны своим убранством имитировали каменную архитектуру

кушанского времени. Наиболее показательны в этом отношении пилястры с контррельефными углублениями на платформе Сурх-Котала, которые демонстрируют реальную практику в кушанской архитектуре [5]. Кроме того, имеются широкие аналогии в буддийской иконографии, изображающей каменную архитектуру, в частности, колонны на рельефе «Будда с предстоящими» из Фаяз-тепе [6].

В связи с плохой сохранностью центральной части фасадной стены ее декор является предметом гипотетической реконструкции. Найденные у этого участка стены незначительные фрагменты полихромной живописи, в том числе и с изображением лица Будды, позволяют предположить, что стена была украшена живописью. По аналогии с оформлением фасадов других комплексов южной вершины не исключено, что в центре фасадной стены комплекса Е была нарисована ниша с Буддой.

Начало второго этапа связывается с проведением в комплексе капитального ремонта. Ремонтные работы этого этапа фиксируются в центральном помещении. Так, южная стена этого помещения вследствие ремонта выдвинулась на север на 4 см. На том же самом месте, где на первом этапе отмечались следы возжигания огня, сооружается пристенный очаг. Он имеет квадратное основание 60 x 60 см, составленное из четырех стандартных кушанских сырцовых кирпичей. В центре основания, между кирпичами, расположено небольшое углубление диаметром 13 см, глубиной 7,5 см. Оно обмазано глиной, которая прокалена на глубину 1,2 см. Основание фланкировали сырцовые бортики толщиной 12-15 см, которые при переходе на стену образовывали арку высотой до 90 см (рис. 6, 2). Аналогичный очаг-камин был открыт в помещении X-4 на холме над комплексом Б [7]. Очаги подобной конструкции широко известны на памятниках Бактрии еще по материалам греко-бактрийского времени [8].

В связи с тем, что дверей в проходе между наземными помещениями не было, в центральном помещении к северной стене пристраивается тамбурная стена. Она прикрывала большую часть комнаты от посторонних взглядов и сквозняков.

Результаты капитального ремонта сказались и в планировке двора комплекса. Так, вплотную к фасадной стене была пристроена невысокая платформа, которая закрыла выступающие во двор плинтуса пилонов. Платформа была сложена из сырцовых кирпичей, покрытых сверху глиняной обмазкой. Платформа выравнивала наклонный участок двора перед фасадной стеной. Ширина платформы 3,4 м. Она служила основанием под айван (рис.5,2).

Учитывая оформление фасадной стены и отсутствие деревянных дверей, которые изолировали бы наземные помещения со стороны двора, можно предположить, что перед фасадной стеной айван существовал и на первом этапе.

Наклон двора на первом этапе, очевидно, создавал сложности в поддержке перекрытия айвана. В то же время общее выравнивание песчаникового пола привело бы к тому, что при выпадении значительных осадков вода затекала бы под перекрытие айвана.

Таким образом, строительство платформы представляло идеальное решение одновременно двух задач - выравнивание пола под айван и изоляцию площади айвана от попадания на нее воды.

Судя по глиняным основаниям, которые на следующем этапе служили базами под колонны, перекрытие айвана на втором этапе опиралось на семь колонн, установленных на каменных базах. Не исключено, что сброшенная в сливную яму в начале третьего этапа каменная база была одной из тех семи баз, которые функционировали на айване на протяжении всего этапа.

Помимо утилитарных изменений в планировке, второй этап характеризуется появлением в комплексе сооружений, служивших для организации ритуального пространства.

Движение к комплексу и внутри его двора определялось вымощенной дорожкой. Она вела с севера к входу во двор, располагавшемуся в центре северной стены. Вымостка дорожки осуществлялась керамической плиткой двух размеров 35 x 35 x 4,2 см и 29 x 29 x 3,5 см. Во двор можно было

попасть, спустившись по двухступенчатой лестнице, ступени которой были также укреплены керамической плиткой. Во дворе дорожка продолжалась до входа на айван, который был оформлен ступенью, сделанной из вторично использованной каменной базы пилястра.

При входе во двор, западнее дорожки располагалась необычная конструкция. Она представляет собой керамическую форму неизвестного типа: грушевидное тулово с круглым устьем, которое служило дном формы. Устье обрамляет загнутый вверх широкий бортик, края бортика не сохранились. Верх тулова орнаментирован рельефными полосами, разделанными насечками (рис. 6,3). Форма установлена на песчаниковом полу устьем вниз между четырех керамических плиток. Отсутствие аналогий не позволяет восстановить назначение этой конструкции.

В центральной части двора, восточнее дорожки находился резервуар для омовения со стоком и сливной ямой. Резервуар квадратный в плане 1,0 x 1,04 м, выложен керамической плиткой размером 30 x 30 x 4-4,5 см. Южная стенка резервуара примыкает к платформе айвана. Ложе резервуара наклонено к северу. У северной стенки расположен сток - вымощенная керамической плиткой дорожка длиной 1 м (максимальная ширина 0,5 м), ведущая к сливной яме. Яма сделана из нижней части крупного керамического сосуда диаметром 60 см, вкопанного вниз дном на глубину 58 см от уровня двора. Верхний край ямы по кругу обложен фрагментами жженных кирпичей. Отсутствие отверстия в дне вкопанного сосуда указывает на небольшое количество воды, попадавшей в резервуар, а из него в сливную яму.

Вымощенная дорожка подводила к западной части айвана, на которой вплотную к западной стене двора располагалась конструкция, служившая, по всей видимости, для выставления даров (атрибутов?). Она состоит из прямоугольного основания 95 x 46 x 15 см, сделанного из сырцового кирпича. В центре его квадратная ниша, сложенная из двух поставленных на ребро сырцовых кирпичей, перекрытых керамической плиткой. По сохранившимся деталям, в данной конструкции было минимум два яруса

ниш, причем ниша второго яруса делилась внутренней перегородкой на два отсека. Основание конструкции выкрашено черной краской, боковые грани ниши - красной, а фасад - белой. Внутренняя поверхность ниши первого яруса, также как и частично сохранившаяся ниша второго яруса, оштукатурена и побелена (рис.6,1).

К началу второго этапа существования комплекса Е, по всей видимости, относится сооружение нового комплекса, имеющего буквенное обозначение Д [9] . При нивелировке поверхности двора этого комплекса был затронут свод пещерной кельи комплекса Е, выходящей под пол двора строящегося комплекса Д. Это привело к тому, что в своде образовалось отверстие и он начал осыпаться. Для того, чтобы закрыть отверстие и предотвратить дальнейшее разрушение свода, участок двора комплекса Д над кельей был выгорожен сырцовым кирпичом. Однако, вероятность разрушения свода оставалась слишком большой, поэтому к концу второго этапа келья оставляется ее обитателем. В это время вход на лестницу, ведущую в пещерную келью, был заложен сырцовым кирпичом. Вопрос о том, где в дальнейшем проживал монах, ранее обитавший в данной келье, из-за отсутствия данных остается открытым.

В начале следующего, третьего этапа засыпается вся пониженная часть двора. Как уже отмечалось, именно тогда в сливную яму попала сбитая база колонны. Тогда же место поврежденных каменных баз, заменить которые новыми каменными не было возможности, заняли глиняные основания под колонны. Они имеют форму невысоких параллелепипедов со сторонами от 62 до 72 см при высоте не более 20 см, со следами стволов колонн наверху. Сами глиняные основания и пол вокруг них обмазывались ганчем.

Строительство айвана на этом этапе, по всей видимости, происходило в два приема. Первоначально, после засыпки пониженной части двора, перед фасадной стеной сооружается семиколонный айван. Затем, по прошествии небольшого периода, айван возводится и вдоль восточной стены комплекса. Характерно, что в качестве баз под четыре колонны

восточного айвана были сделаны такие же глиняные основания, как перед фасадной стеной (рис.7,1).

На основании стратиграфии двора можно сделать вывод о том, что открытая часть двора была исключена из активно используемой планировки комплекса. По всей видимости, вход на этом этапе осуществлялся через северную часть восточного айвана.

Возможно, в течение третьего этапа из сырцовой стены, прикрывающей лестницу в пещерную келью, были выбраны два кирпича верхнего ряда, и в стенке образовалось отверстие. После этого заброшенная келья стала использоваться как мусорная яма, в которую обитатели комплекса сбрасывали отходы: битую посуду, кости от пищи, принесенной мирянами в дар и др.

Четвертый этап характеризуется изменением фасада комплекса. В это время на месте колоннады айвана строится пахсовая стена, в основание которой были замурованы сырцовые базы колонн. Несмотря на незначительную сохранность этой стены, можно предположить, что в результате айван превратился в Г-образный коридор (рис.7,2). К этому этапу функционирования комплекса относится верхний пол айван-коридора, который на 5-7 см выше пола предшествующего этапа. Его перекрывает тонкий пылевидный слой толщиной 3 см, который фиксирует начавшееся запустение комплекса.

Судя по стратиграфии, в последующем происходило разрушение комплекса. Таким образом, четвертый этап является последним этапом в истории существования комплекса Е в качестве буддийского монастыря.

Дальнейшая история комплекса, связанная с процессом разрушения, отмечается целым рядом археологических источников: граффити, погребения и т.д., - которые станут предметом специальных исследований.

На основании приведенных данных можно сделать некоторые общие заключения в истории функционирования комплекса Е.

Объект строился единовременно (первый этап) по плану, который использовался строителями при возведении других каратепинских комплексов. По прошествии определенного времени после сооружения в комплексе Е проводится капитальный ремонт (второй этап), который демонстрирует материальное благополучие буддийской общины, обитавшей на Кара-тепе. Можно предположить, что в то время в убранство изучаемого объекта входили детали каменной архитектуры (не только во вторичном использовании - как база пилястра, но и по своему прямому назначению - базы под колонны). Тогда же наблюдается стремление ритуализировать его архитектурное пространство. Очевидно, это был один из самых действенных способов привлечения посетителей, а, следовательно, упрочения экономической поддержки обитателей комплекса со стороны мирян.

Затем - на третьем этапе - начинают проявляться первые признаки кризиса. Каменные базы колонн айвана заменяются на глиняные. Вслед за строительством айвана вдоль восточной стены происходит сокращение площади комплекса - перестает функционировать двор.

Далее - на четвертом этапе - на месте колоннады айванов возводится стена.

К приведенным в настоящей статье данным можно добавить, что самая поздняя орнаментальная роспись в западном наземном помещении, относящаяся либо к третьему, либо к четвертому этапу, была выполнена непрофессиональными художниками. С известными допущениями можно предположить две вероятные причины такого оформления интерьера комплекса: либо регресс живописной школы, выполнявшей росписи на буддийских памятниках округи, либо отсутствие у общины средств на оплату работы художников-профессионалов. В том или ином случае налицо кризисные явления в буддийской среде Тохаристана позднекушанского времени.

Однако, судя по граффити с буддийской тематикой (изображение Будды в аскезе, Будды в позе лотоса с жестом *abhaya-mudra*), появление

которых на стенах западной пещеры скорее всего относится ко времени запустения комплекса, буддисты - проживающие в округе или путешествующие паломники - продолжали посещать заброшенный монастырь..

Начало строительства комплекса может быть датировано монетой, которая в присутствии автора статьи была извлечена из-под обмазки первого, самого раннего пола западной пещеры. По предположению А.Б.Никитина, это может быть мелкий, до сих пор не известный номинал Сотера Мегаса. Изучавший монету Е.В.Зеймаль был более сдержан в своих заключениях. Он не подтвердил, но и не опроверг предположение А.Б.Никитина, отметив необходимость более тщательного изучения данной монеты.

Время заустения комплекса фиксируется рядом погребений. Вероятно, вскоре после того, как комплекс был покинут буддистами, в центральной пещере совершается одиночное погребение по обряду трупоположения (погребение 5). Оно расположено непосредственно на песчанниковом полу. Кости погребения потревожены. Анатомический порядок сохранился лишь частично. Вероятно, костяк был ориентирован головой на восток (рис.8,1). Сопроводительный инвентарь отсутствует. После погребения вход в пещеру был заложен сырцовым кирпичом. По всей видимости, вслед за первым последовало второе погребение в центральном наземном помещении (погребение 3) (рис.9). Оно расположено непосредственно на позднем полу помещения. От погребения сохранилось незначительное количество перемещенных костей и немного мелкого сопроводительного инвентаря: низка бус (17 бусин - коралл, бирюза, сердолик, стеклянная паста, камень (?)); четыре амулета - стилизованные кулачки, сделанные из перламутра, два перламутровых (?) "разделителя" двойной низки, перламутровое кольцо [10] и бронзовый бубенчик (рис.10). Среди костей была найдена медная монета плохой сохранности. А.Б.Никитин предположительно отнес ее к кушано-

сасанидским. Частичная сохранность костей погребения 3 объясняется наличием свободного доступа в центральное наземное помещение на протяжении какого-то периода до начала разрушения помещения. Это время фиксируется слоем пылевидного накопления (толщина слоя колеблется от 3 до 12 см), который включил в себя перемещенные кости погребения 3.

Вслед за периодом накопления пылевидного слоя первоначального запустения началось интенсивное разрушение стен и перекрытия центрального наземного помещения. Оно происходило в несколько периодов, которые фиксируются соответствующими слоями. В одном из слоев на уровне 4,29 м от абсолютного репера, принятого на Кара-тепе, было обнаружено скопление перемещенных костей (погребение 4) (рис.9), среди которых была найдена медная монета. По определению А.Б.Никитина, она относится к чекану кушано-сасанидского правителя Хормизда I.

Монета кушаншаха Хормизда I была найдена еще в одном погребении комплекса Е (погребение 1). Оно зафиксировано в верхнем слое завала лестницы, ведущей на холм, на уровне 2,8 м от условного репера. Погребение выполнено по обряду трупоположения. Костяк ориентирован на север (рис.8,2). Череп не сохранился. Кроме упомянутой монеты, под правой тазовой костью был найден полотняный мешочек с двумя монетами (из-за плохой сохранности монеты не определены).

Таким образом, примерно ко второй половине IV века два наземных помещения комплекса Е были практически полностью засыпаны слоями разрушения. Несмотря на то, что скорость разрушения в этих помещениях не известна, можно предположить, что этот процесс занимал не менее 40-50 лет.

Если принять предложенное А.Б.Никитиным определение монеты, найденной под ранним полом западной пещеры, то на функционирование комплекса Е, в качестве буддийского монастыря, приходится около двухсот лет: с конца I-начала II века н.э. до первой трети IV века. Возможно, что

выделенные четыре этапа отмечают время капитальных ремонтов, которые производились в комплексе с определенной периодичностью, по мере того как происходило обветшание строений (прежде всего двора), примерно каждые 50 лет.

1. Библиография по Кара-тепе очень обширна. Основные публикации перечислены в двух библиографических указателях: Щеголев О.Н. Исследования Кара-тепе в 1961-1970 гг. в освещении печати. Аннотированная библиография. // Буддийский культовый центр в Старом Термезе. М., 1972, с. 155-164; Заднепровская Т. Исследования Кара-тепе в Старом Термезе в 1971-1985 гг. Библиографический указатель. // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии, вып.12. М., 1987, с. 118-130.
2. В указанные годы Каратепинский отряд Государственного музея Востока возглавлял автор статьи.
3. К сожалению, сохранившаяся в комплексе настенная живопись не может быть точно сопоставлена с выделенными этапами. Еще сложнее дело обстоит с фрагментами скульптуры, которая пока не реконструируется в интерьере комплекса. Поэтому изменения в живописном и скульптурном убранстве, происходящие во время функционирования комплекса, в данной статье не рассматриваются.
4. Наличие лестницы указывает на существование помещений второго этажа, расположенных на склоне холма. Скорее всего, эти сооружения имели каркасный характер.
5. Schlumberger D., Le Berre M., Fussman W. Surkh Kotal en Bactriane. // Memoires de la Delegation Archeologique Francaise en Afganistan, t. XXV. Paris, 1983, s. 77, pl. 48, 131; L VI.
6. The Oasis and Steppe Routes. Nara, 1988, № 174.
7. Ставиский Б.Я. Основные итоги изучения Кара-тепе в 1974-1977 гг. // Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982, с. 20.

8. Bernard P. Fouilles d'Ai Khanoum. // *Memoires de la Delegation archeologique francaise en Afganistan*, t. 21. Paris, 1973, pl. 81 b,a.
9. На очередность строительства указывает, в частности, соотношение стен во дворах комплексов Д и Е. Так, восточная стена двора комплекса Е после строительства комплекса Д стала западной стеной его двора. К ней впритык пристраивается северная стена, огораживающая комплекс Д с севера. Сравнение планировок этих двух комплексов позволяет сделать предположение, что в качестве плана комплекса Д был использован зеркально перевернутый вариант плана комплекса Е. О синхронизации второго этапа комплекса Е со временем возведения комплекса Д свидетельствует и наличие в центре дворов типовых резервуаров, выложенных из керамической плитки. См.: Ставиский Б.Я., Мазурина В.Н. Работы в комплексах В, Г и Д. // *Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе*. М., 1996, с. 83-84, рис. 33.
10. О том, что материалом для изготовления кольца служил перламутр, а не кость, как я считал ранее, сообщил В.А.Завьялов. К этому же типу колец относятся находки с Тепаи-шах и дальверзинского науса. См.: Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах. М., 1983, с.151, № 43; Ртвеладзе Э.В. Дальверзинский наус. // *Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана*. Ташкент, 1978, рис. 79,3.

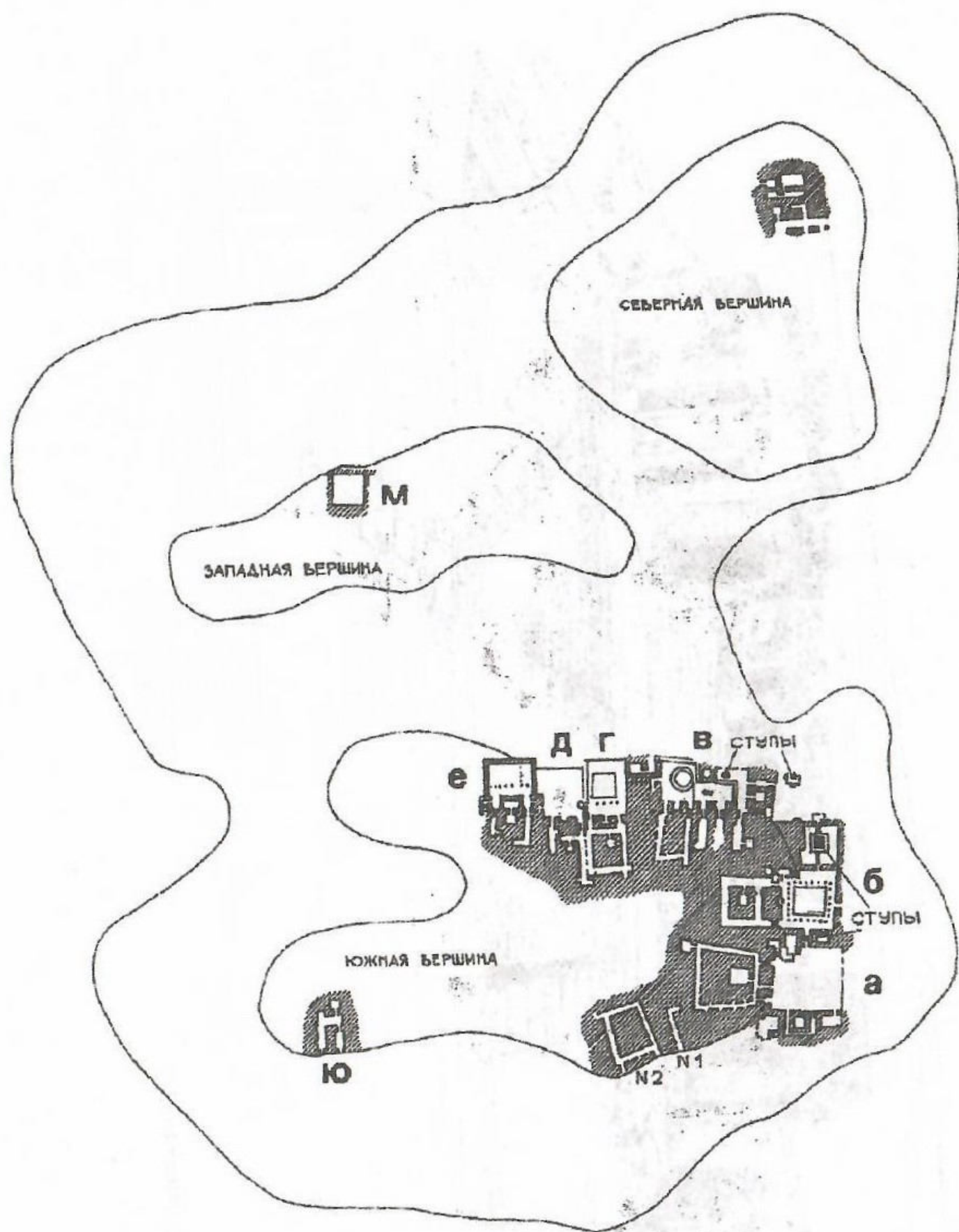

Рис. 1 Кара-тепе. Общий план раскопов

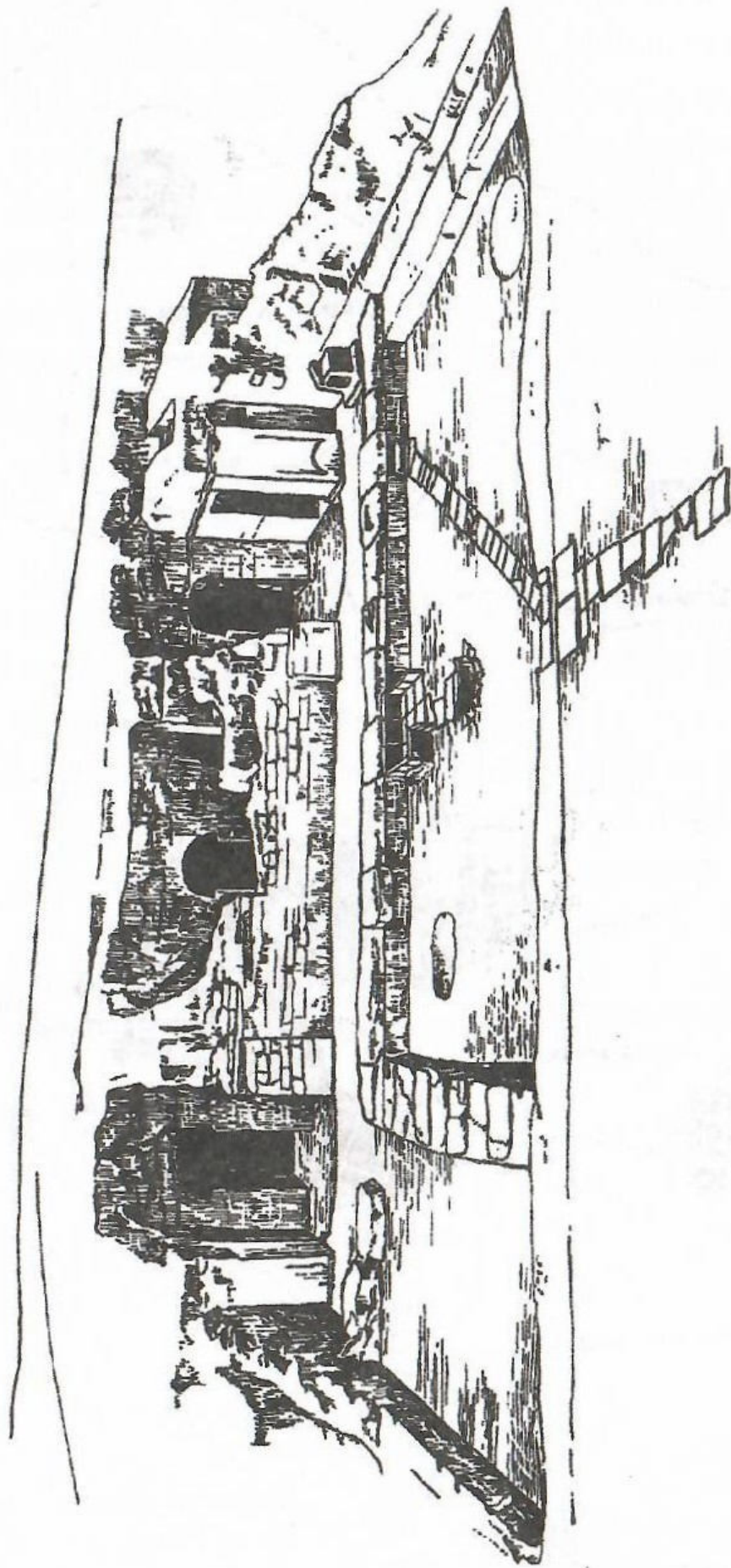

Рис. 2 Комплекс Е. Общій вид.

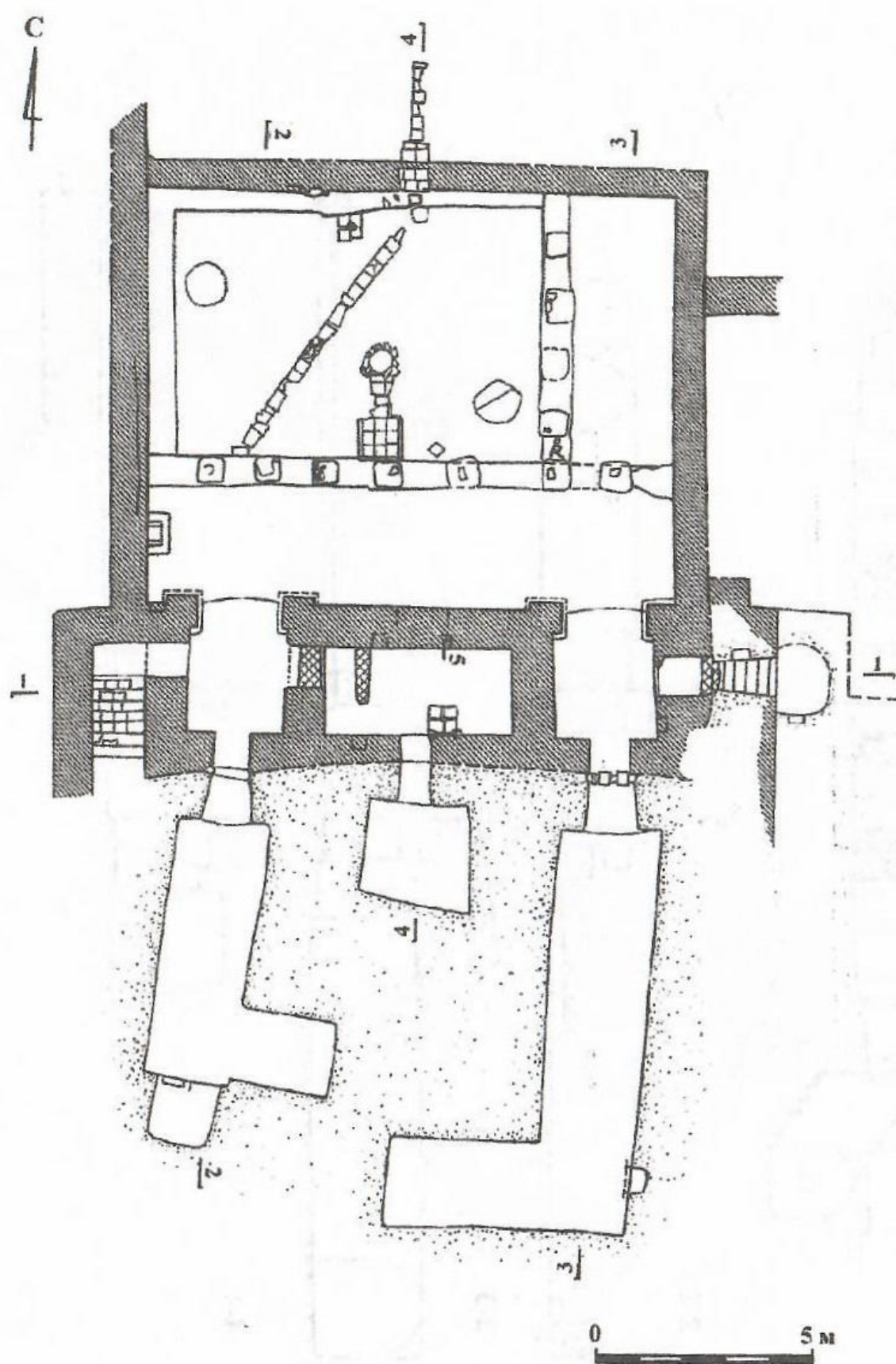

Рис.3 Комплекс Е. План.

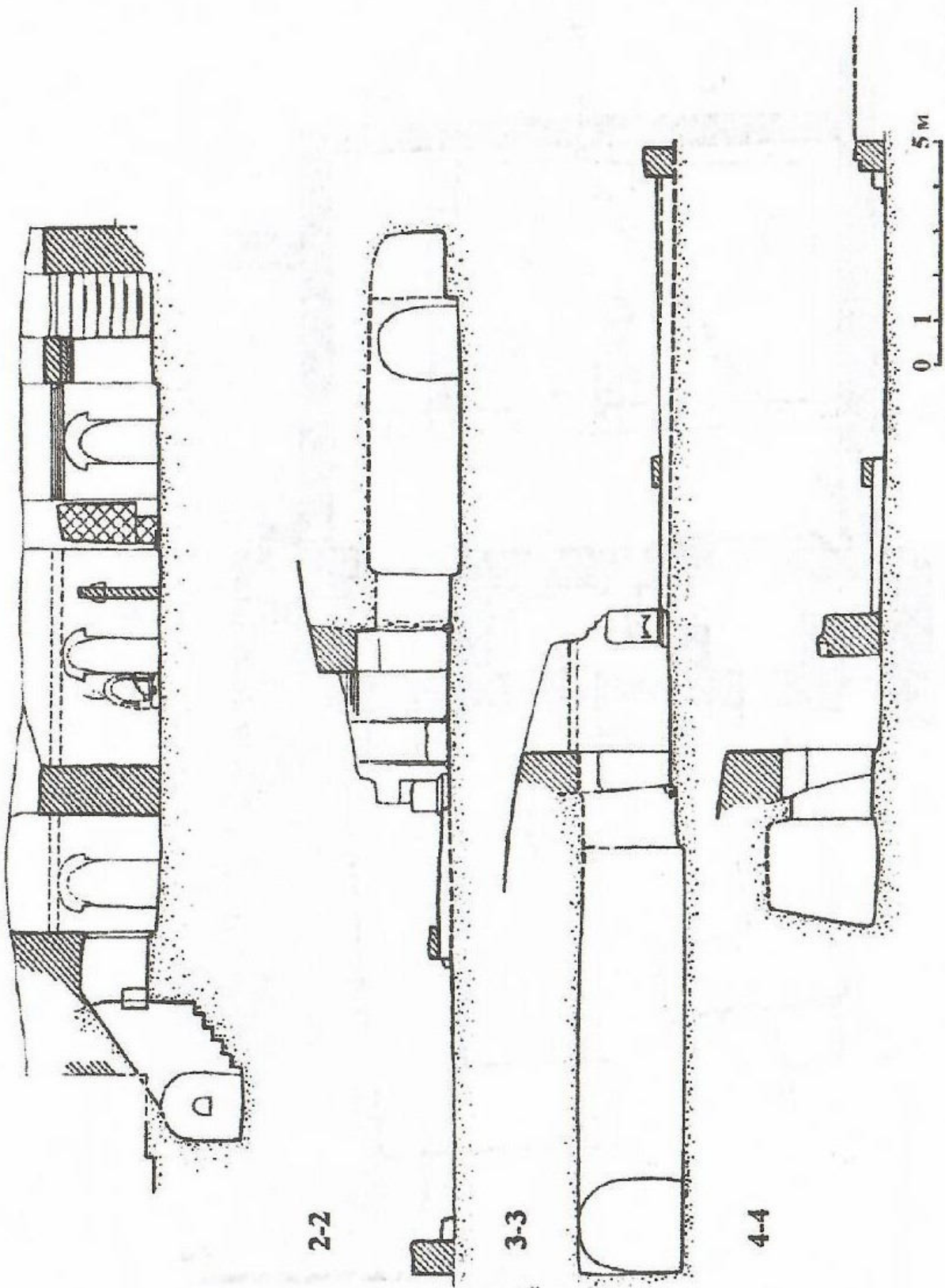

Рис. 4 Комплекс Е. Разрезы.

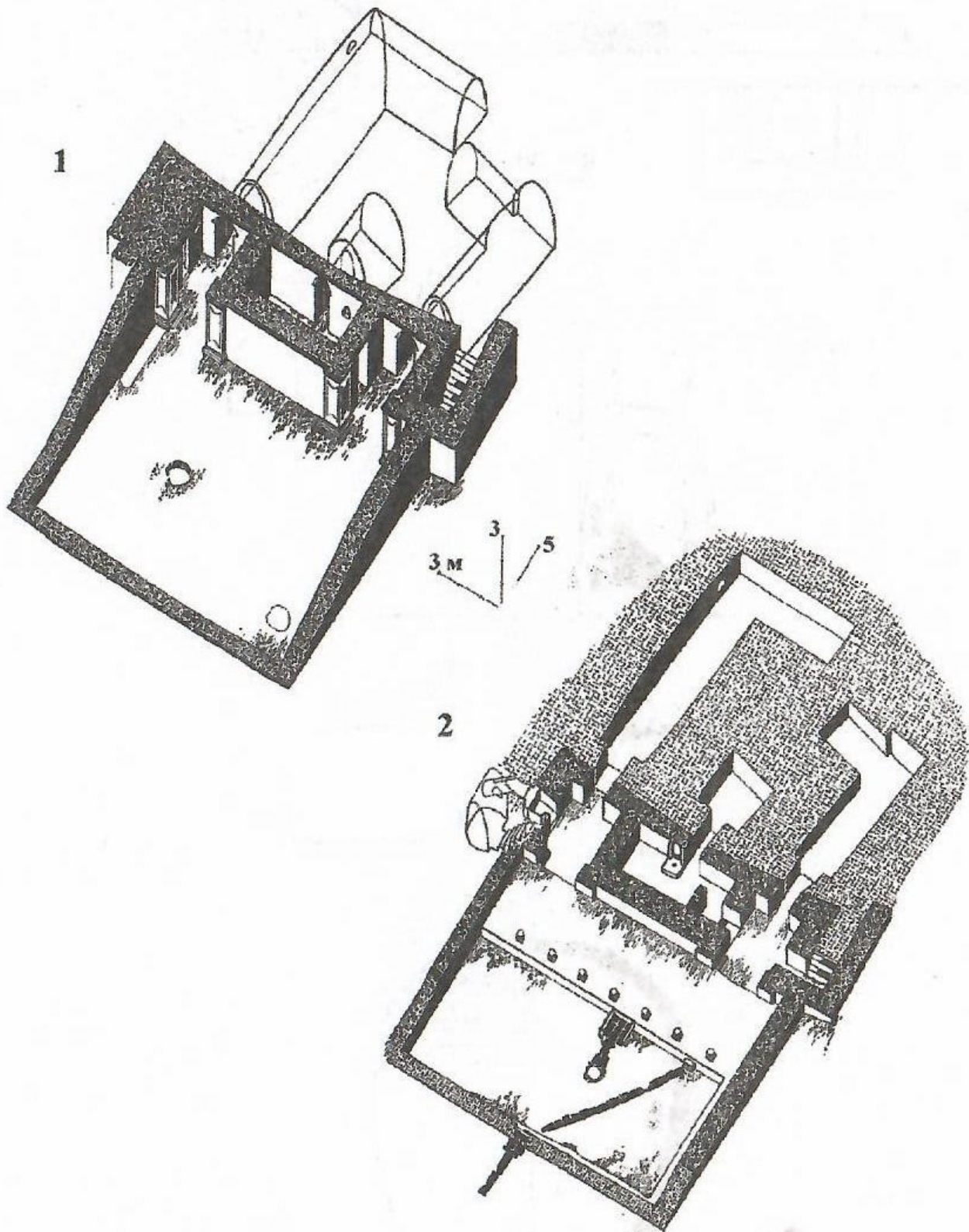
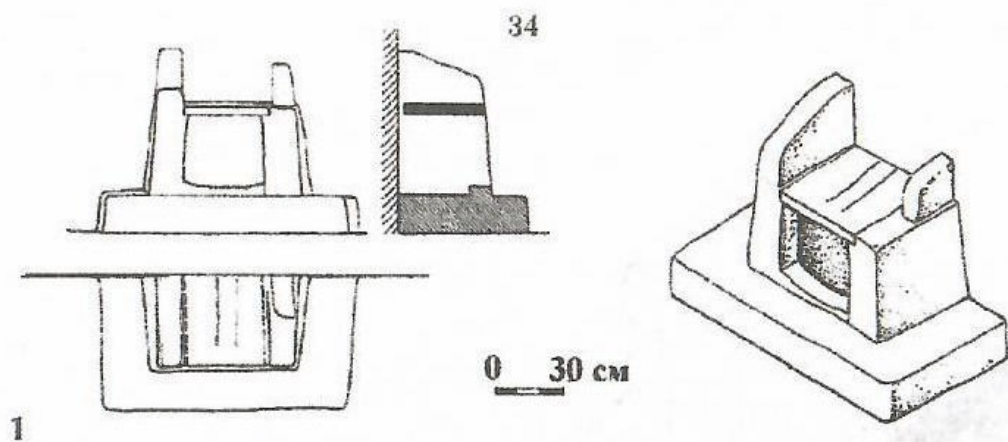
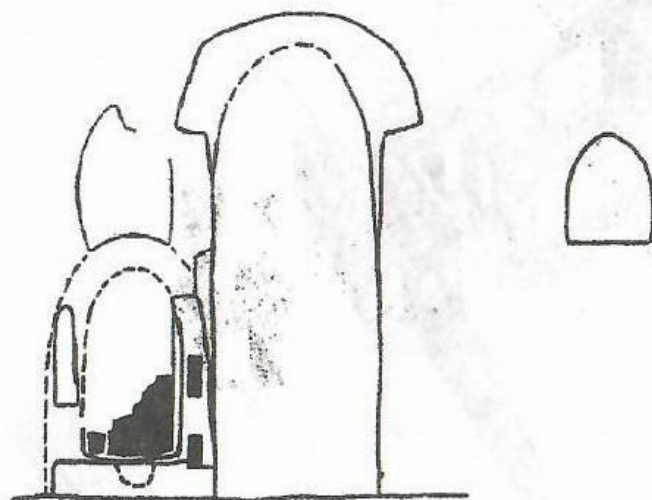

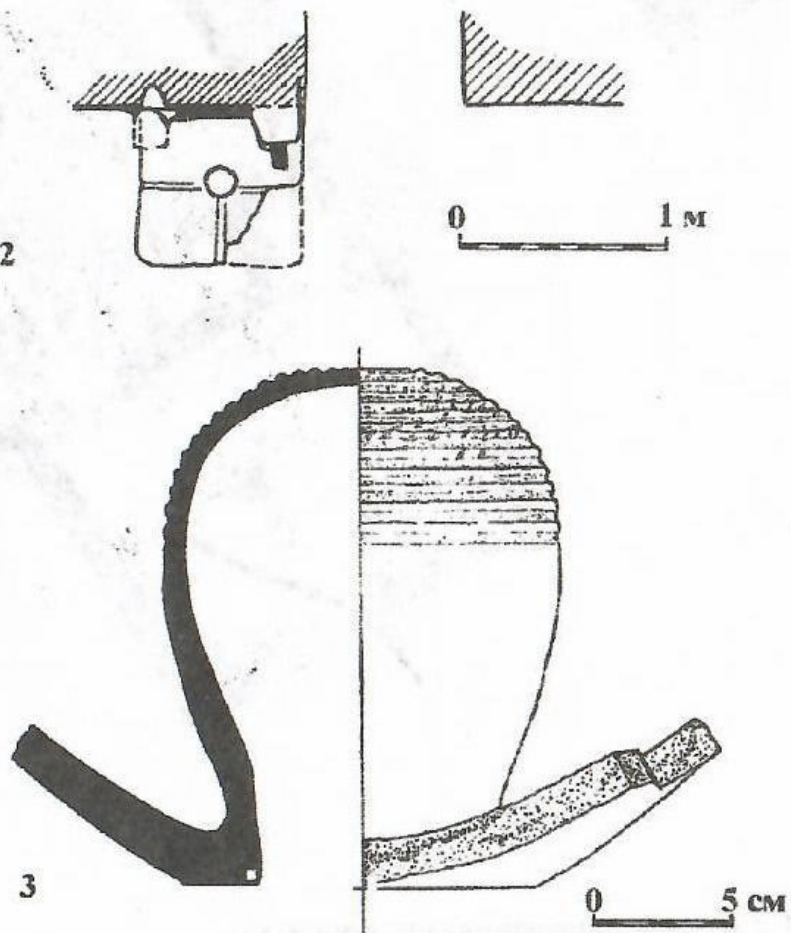
Рис.5 Комплекс Е. 1, 2 этапы функционирования комплекса.
Аксонометрия с элементами реконструкции.

1

2

3

Рис. 6 Комплекс Е. Ритуальные конструкции

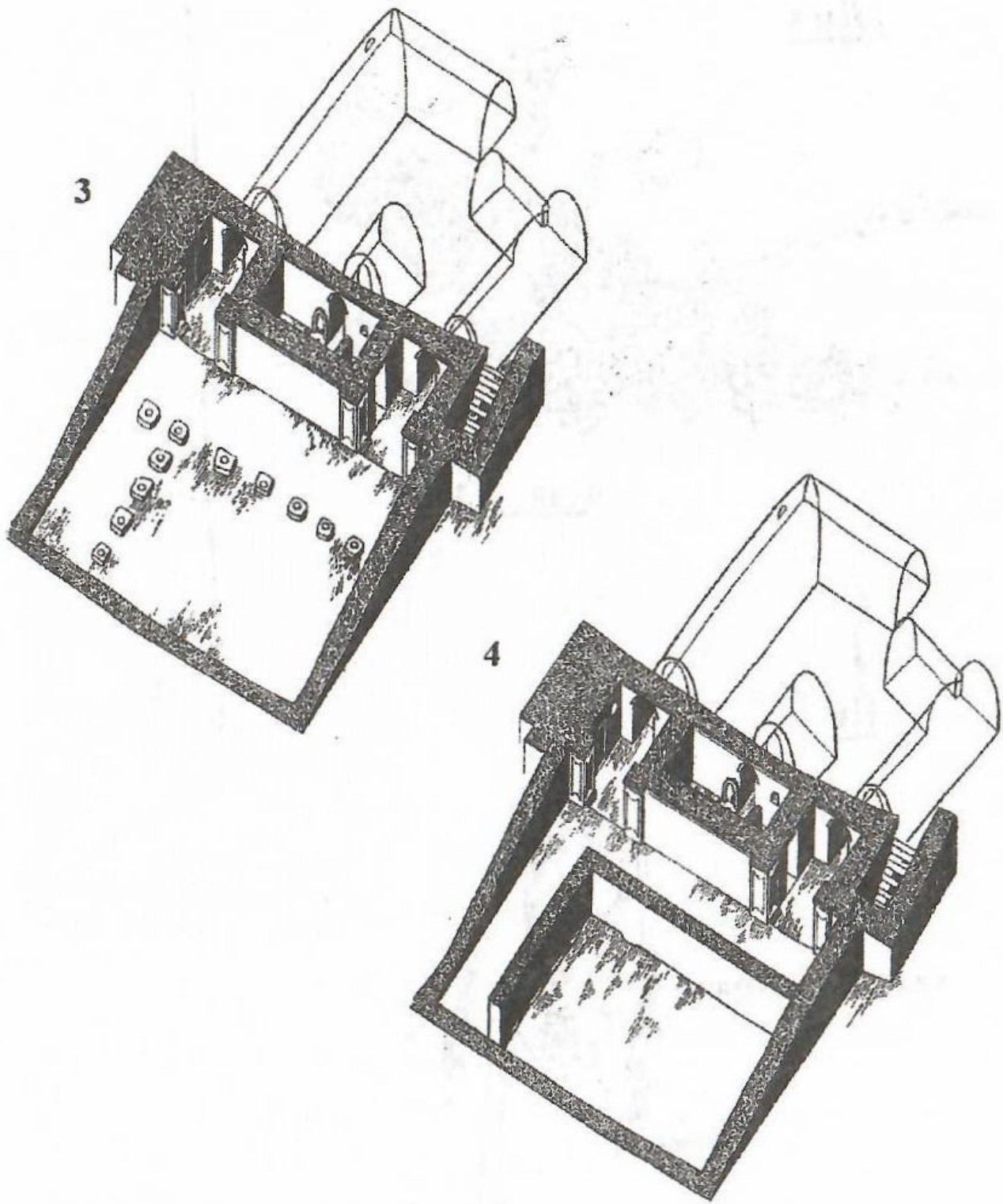

Рис. 7 Комплекс Е. 3, 4 этапы функционирования комплекса.
Аксонометрия с элементами реконструкции.

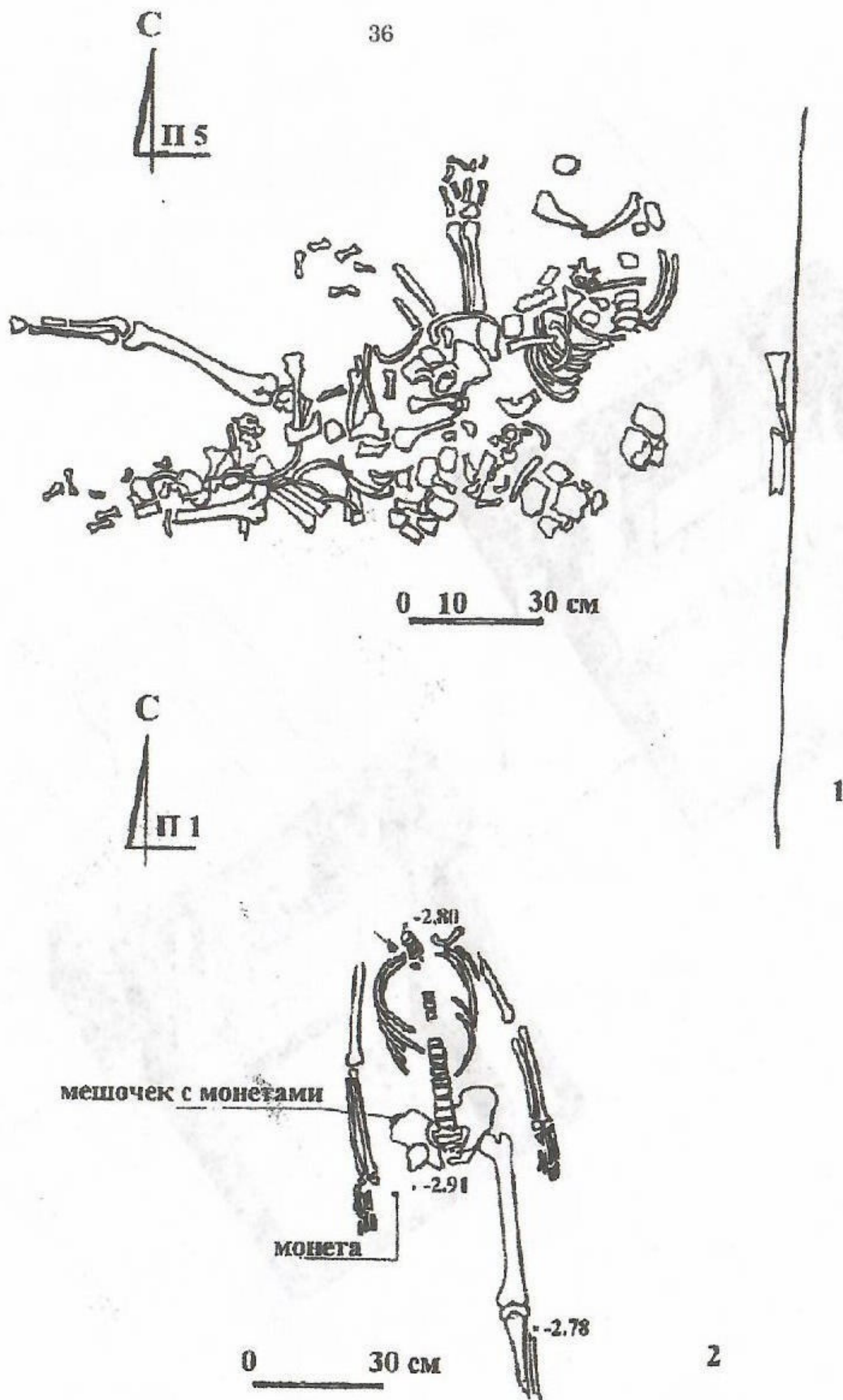

Рис. 8 1 - Погребение 5. План.
2 - Погребение 1. План.

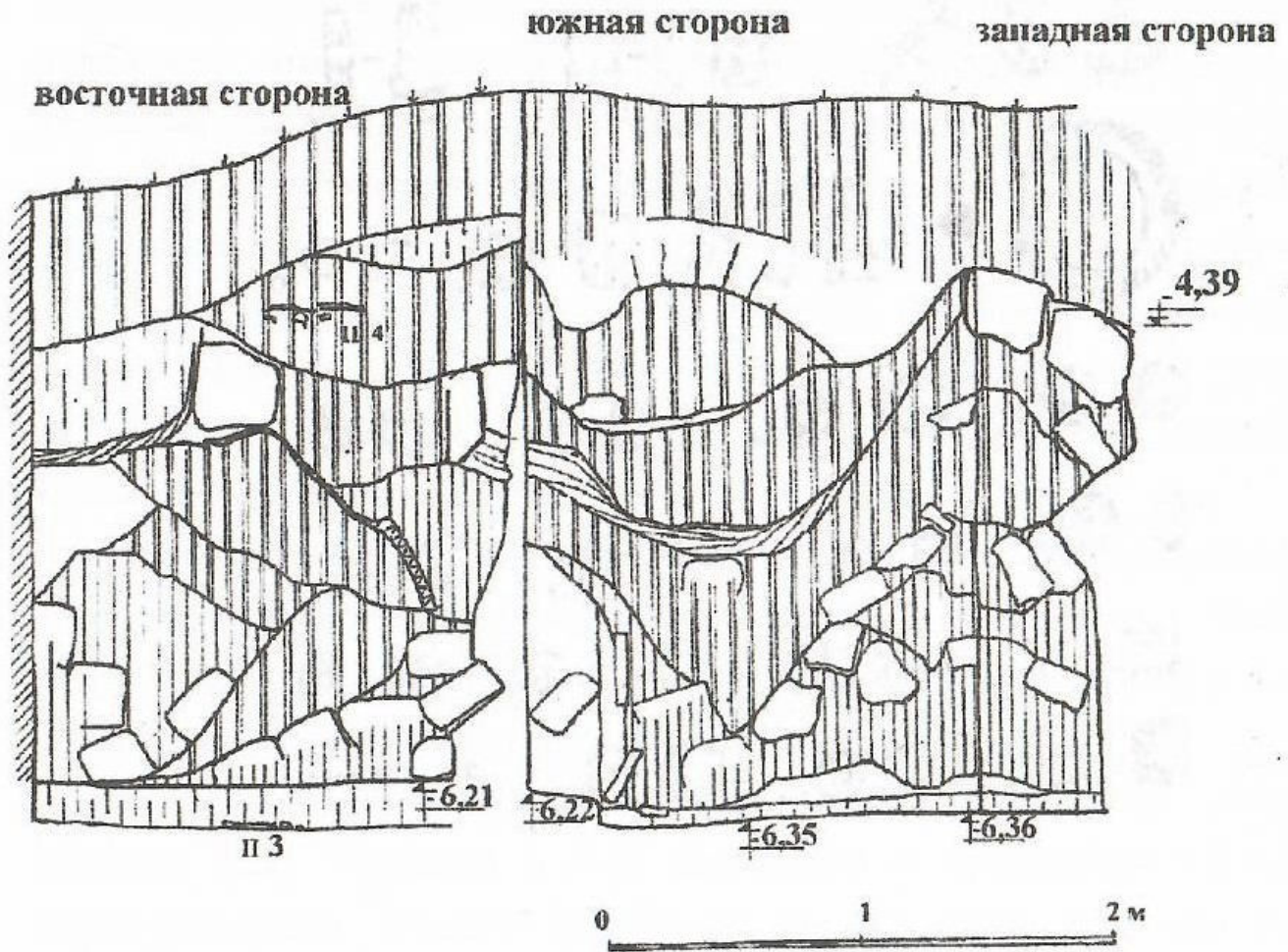

Рис. 9 Комплекс Е. Центральный коридор.
Развертка 13-13'.

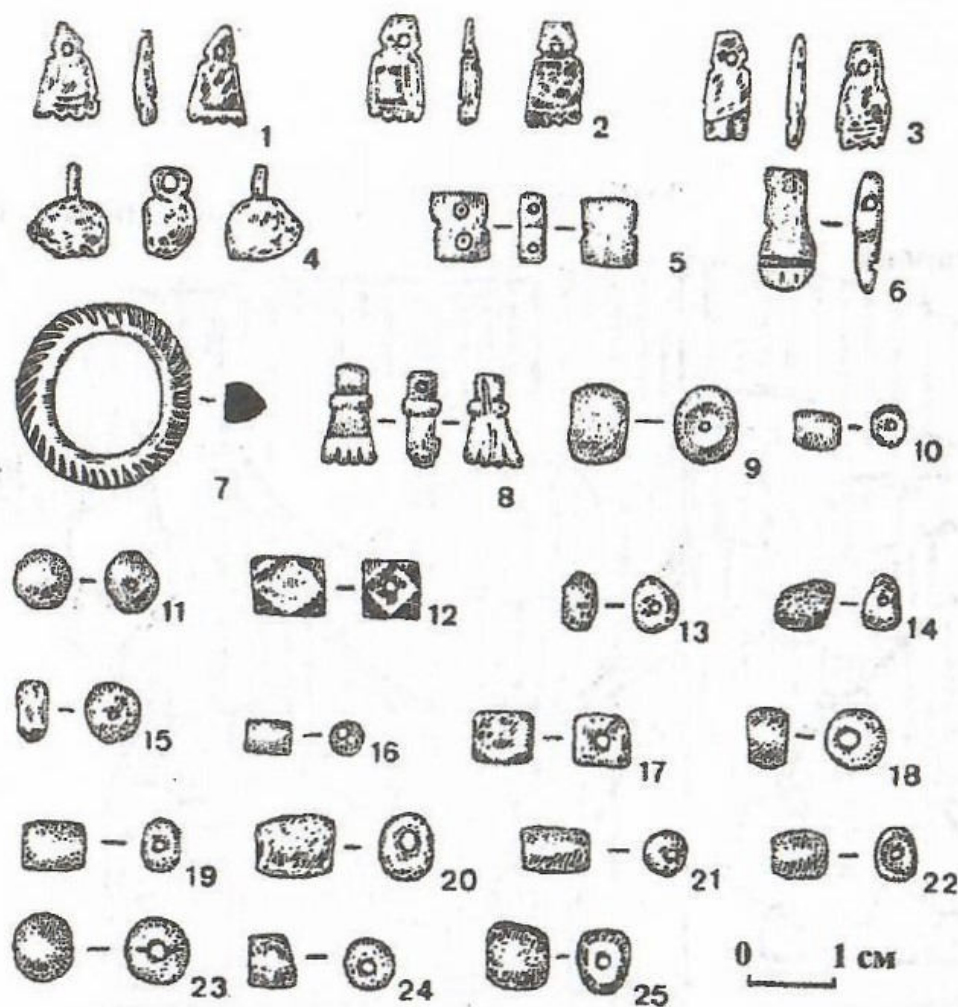

Рис. 10 Инвентарь погребения 3:

- 1-3. Подвески в виде стилизованного кулачка (перламутр)
 4. Бубенчик (бронза). 5-6. Разделитель нитки (перламутр)
 7. Кольцо (перламутр). 8. Подвеска в виде стилизованного кулачка (перламутр).
 9-25. Бусы: 10, 13 - сердолик, 11, 12, 18 - камень, 20 - бирюза, 9, 14, 15, 16, 19, 21, 22, 24, 25 - коралл, 17, 23 - стеклянная паста

Погребения в пещерных склепах на юге Узбекистана

Впервые раннесредневековые захоронения на юге Узбекистана были открыты Л.И. Альбаумом на юге Узбекистана на западном и южном фасах крепостной стены городища Дальверзин-тепе. Погребения в хумах раскопаны на южном фасае, погребения в подбоях - на западном. В некоторых погребениях во рту у покойников найдены монеты VII-VIII вв. н.э. [1]. При последующих работах на Дальверзин-тепе нередко встречались одиночные погребения, относящиеся, по всей видимости, к периоду поздней античности - раннего средневековья [2]. Однако все это были случайные находки и исследователи ограничивались лишь кратким описанием захоронений.

В конце 70-х - начале 80-х годов на территории Чаганиана (Денаусский и Шурчинский районы Сурхандарьинской области Узбекистана) были открыты два могильника, которые очень сходны по типу погребального сооружения и погребальному обряду.

Первый из них - раннесредневековый могильник Бит-тепе - был раскопан Э.В. Ртвеладзе и В.А. Козловским в Денаусском районе Сурхандарьинской области Узбекистана в 1979 году, недалеко от средневековой столицы области Чаганиан, в 1979 году [3].

Погребения совершались в склепах, вырубленных в песчанике, на склоне котловины, на высоте 15-20 м. от уровня дневной поверхности. Склепы состояли из квадратной или прямоугольной погребальной камеры, в которую вел узкий проход с юго-западной стороны, заложенный сырцовым кирпичом и булыжником. В склепе находились от 10 до 18 костяков. Погребенные были

положены вдоль стен, друг на друга или "валетом" в сопровождении обильного погребального инвентаря - бус, подвесок, колец, при полном отсутствии керамики (рис.1). По монетам, которые находились у

погребенных во рту, могильник датируется в пределах VII- начала VIII вв. н.э. [4].

В 1981-1982 годах на городище Дальверзин-тепе, при непосредственном участии автора статьи, было раскопано 17 склепов, вырубленных в кладке стены античного времени. Они расположены в три яруса на высоте приблизительно 3-4 м от подножия стены. Состоят из прямоугольной или овальной в плане погребальной камеры, узкого входа и небольшой ниши перед ним (рис. 2). Все входы были заложены. В одном случае это тщательная закладка сырцовым кирпичом на глиняном растворе, в другом завал из комьев глины и крупной речной гальки. Склепы ориентированы входами на запад. По расположению погребальной камеры относительно входу они подразделяются на две группы: у склепов первой группы ось погребальной камеры расположена параллельно входу; у склепов второй группы ось погребальной камеры перпендикулярна входу.

В погребальных камерах обнаружены одиночные, парные и коллективные захоронения - труположение на спине, в одном случае на боку. В некоторых склепах зафиксированы явные подзахоронения, причем в отдельных случаях кости предыдущих погребенных просто сдвигались в сторону, иногда позднее захоронение совершалось поверх предыдущего. В некоторых погребениях между ранним и поздним захоронениями отмечены натечные слои, что говорит о некотором промежутке времени между ними. Максимальное число погребенных зафиксировано в склепе N10 - семь костяков (рис.3).

На полах некоторых погребальных камер были отмечены камышовые подстилки. У многих погребенных во рту найдены монеты, иногда они лежат под черепом. В двух случаях вместо монеты найдены золотые брактеаты. Один из них сделан с византийского солида императора Анастасия (491-581), второй представляет собой оттиск неизвестной пока монеты (?). Это небольшая - диаметр 10мм. - круглая пластинка из золотой фольги, на которой оттиснуто погрудное изображение мужчины в фас. Лицо безбородое, с длинными усами, концы которых слегка опущены вниз,

волосы длинные, почти до плеч, головной убор отсутствует. Прямо над головой изображен лежащий полумесяц, сверху, над ним слева, еще два подобных символа. По обеим сторонам головы правителя (?) изображение лавровых (?) ветвей.

В погребениях могильника найдены серебряные местные подражания монетам Хосрова I Ануширвана (531-579 гг.) с надчеканами-портретами по кругу и медные чаганианские монеты со спаренными бюстами правителя и правительницы. На основании этих находок могильник может быть датирован VII (м.б. концом VI) - VIII вв.н.э. [5].

Погребения Дальверзинского могильника по устройству погребального сооружения, обряду захоронения и составу погребального инвентаря являются почти полной аналогией могильнику Бит-тепе. Различно лишь количество погребенных в склепах - на Бит-тепе их больше, но это можно объяснить тем, что на Бит-тепе раскопаны родовые усыпальницы, на Дальверзин-тепе мы имеем дело с семейными склепами.

Территориально и типологически наиболее близкой аналогией погребениям, описанным выше, является единственное раскопанное погребение Джулсайского могильника в южном Таджикистане (раскопки Б.А. Литвинского в 1965 году). Захоронение совершено, судя по всему, в склепе. В погребальной камере обнаружено три костяка, лежащих параллельно друг другу. Состав погребального инвентаря полностью повторяет набор вещей из захоронений Бит-тепинского и Дальверзинского могильников. Здесь также как и там практически полностью отсутствует керамика. Погребение датируется VI-VII вв. [6].

Б.А.Литвинский квалифицировал захоронение Джулсайского могильника как погребение в пещерном склепе. Сейчас к этому же типу можно отнести погребения, раскопанные в Чаганиане. Попробуем выделить ряд признаков, характеризующих этот обряд погребения.

Все некрополи устроены на склонах естественных или искусственных возвышенностей. Склепы располагаются таким образом, что вход в

погребальную камеру выходит на склон холма, т.е. остается открытым, тогда как погребальная камера находится под землей.

На ДМ и БМ [7] ось входа и ось погребальной камеры лежат на одной прямой, однако на ДМ в некоторых склепах эти оси перпендикулярны.

Во всех случаях склепы ориентированы входами на запад. Все склепы состоят из прямоугольной, квадратной или овальной погребальной камеры и небольшого входа - дромоса. В одном случае (БМ, склеп 6) погребальная камера крестовидная в плане [8]. В некоторых склепах ДМ перед входами в кладке крепостной стены вырублены прямоугольные и трапециевидные в плане ниши, как бы предваряющие вход (рис. 1). Входы в погребальную камеру закладывались сырцовыми кирпичами, камнями и кусками глины. Не исключено, что на БМ входы в погребальную камеру закрывались деревянными щитами, может быть даже дверями, о чем могут свидетельствовать нишки - по всей видимости гнезда для деревянных балок - зафиксированные в стенках дромосов [9]. Качество закладки входа было разным. В погребении ДМ-6 вход заложен сырцовыми кирпичами, щели между ними забиты речной галькой. В другом случае - погребение ДМ-2 - вход в погребальную камеру небрежно завален кусками пахсы, обломками сырцовых кирпичей и гуваляками. Закладка входов в погребальную камеру обычно связывается со страхом живых перед душами умерших, ибо считалось, что дух покойного может выходить и "бродить", нанося вред живущим.

Закладки погребальных камер в могильниках Средней Азии - явление, широко распространенное во времени. Этот прием характерен для всех могильников подбойно-катакомбного типа. В Хорезме, например, закладка производилась как сырцовым кирпичом, так и каменными плитами [10]. Интересно, что различные склепы ДМ закладывались по-разному - одни очень тщательно, другие просто небрежно. На это же обращает внимание Б.А. Литвинский при анализе материала из раскопок катакомбных могильников Ферганской долины [11]. По-видимому, у соплеменников и родственников некоторых умерших были основания особенно опасаться их

после смерти, к тому же на устройство погребального сооружения влияли и обстоятельства смерти человека. Дифференцированный подход к покойникам сохранился до сего времени у таджиков Файзабада. "Строго запрещалось читать заупокойную молитву по тем, кто кончил жизнь самоубийством, пьяницам, неверным, (убитым за нарушение шариата)" [12]. Может быть в древности обстоятельства смерти в какой-то степени влияли на способ захоронения и устройство погребального сооружения? Во всяком случае, кажется не случайной находка на ДМ склепов с тщательной закладкой входа, где зафиксированы одиночные мужские погребения без инвентаря (ДМ-6, ДМ-9).

В ряде погребальных камер ДМ и БМ отмечены конструктивные детали. В склепе БМ-5 в противоположной от входа стенке была устроена ниша-лежанка, в склепе ДМ-8 так же была вырублена небольшая полуовальная в плане ниша в противоположной от входа стенке. В склепе БМ-7 юго-восточный угол погребальной камеры образует подобие суфы, на 0,2 м возвышающейся над уровнем пола.

Во всех без исключения Чаганианских склепах зафиксировано трупоположение. В подавляющем большинстве случаев покойники лежат на спине с вытянутыми руками и ногами. На ДМ в четырех случаях отмечена поза всадников, в двух склепах у погребенного одна нога прямая, другая согнута в колене, в одном захоронении трупоположение отмечено на боку. На БМ во всех склепах погребенные лежат вытянуто на спине [13]. В склепе ДжМ "у восточного скелета правая нога отведена в сторону и согнута в колене" [14].

Ориентация покойников не была строго регламентирована. На ДМ ориентировка похоже была произвольной и часто зависела от расположения погребальной камеры. В двух склепах захоронения нижнего и верхнего горизонтов имеют прямо противоположную ориентировку. Произвольная ориентировка костяков зафиксирована и на БМ [15].

Чаще всего покойники лежат непосредственно на полу погребальной камеры. Лишь в двух случаях наблюдается отступление от этого правила. В

2 склепе ДМ-8 покойник лежит на подстилке из какого-то злака, в склепе БМ-3 один из погребенных лежал на плетеной камыщовой подстилке.

В склепах ДМ производились одиночные парные и коллективные захоронения. На БМ раскопаны только коллективные погребения. Не вызывает сомнения тот факт, что захоронения совершались последовательно. Схема расположения костей в погребальных камерах (ДМ-8, ДМ-10, склепы БМ) и, кроме этого, стратиграфические наблюдения на ДМ позволяют с полной уверенностью реконструировать именно такой способ захоронения.

Погребальный инвентарь во всех склепах представлен преимущественно украшениями и предметами туалета. Для всех склепов кроме двух (ДМ-3, ДМ-5), характерно полное отсутствие керамики, что, по-видимому, имело какой-то смысл, скрытый пока от нас.

В большинстве случаев во рту или под черепом погребенных найдены монеты, в двух случаях (ДМ-9, ДМ-12) под черепами найдены золотые брактеаты. Этот обычай довольно подробно исследован Б.А. Литвинским [16], что дает возможность не останавливаться на этом подробно.

На ДМ в двух склепах во рту покойников обнаружены перстни, еще в одном склепе перстень с бирюзовой вставкой найден под черепом. Известно, что в древнем Китае существовал обычай помещать гемму или иную драгоценность в рот или в руки умершего [17]. Существуют также данные о том, что в Китае во время погребения, принимались разнообразные меры, чтобы уберечь тело от разложения. Вероятно, не последнее место среди них занимал обычай помещения в могилу драгоценности [18].

В других раннесредневековых могильниках Средней Азии случаи помещения драгоценностей в рот или под голову пока не известны. Однако примечательно, что у таджиков Куляба существовал обычай вкладывать в рот умершему бусины или какие-либо драгоценности [19]. Обычай вкладывать умершему в рот бусину-мухара бытовал у таджиков

Сарыасийского района на юге Узбекистана, территория которого в древности входила в состав области Чаганиан [20].

Таким образом несмотря на некоторые детальные расхождения в устройстве погребальной камеры и отдельные несоответствия в способе захоронения, касающиеся в основном положения костяка, можно утверждать, что во всех трех могильниках, упомянутых нами выше, погребения производились по единому обряду, который бытовал на территории Северного Тохаристана, по всей видимости, с начала VII и до середины VIII вв. н.э.

Вопрос о происхождении пещерного склепа представляется на данном этапе исследования довольно сложным. На остальной территории Средней Азии подобные погребальные сооружения пока не известны. Наиболее близкой, но отнюдь не полной, аналогией Тохаристанским являются Курукатские склепы, открытые в Северном Таджикистане и датированные довольно широко - I-VI вв. н.э. [21].

Склепы, расположенные на склоне естественного холма, состояли из погребальной камеры, чаще всего, по-видимому, прямоугольной в плане, и погребальной ниши, расположенной в противоположной от входа стенке камеры. Аналогичная погребальная ниша обнаружена в одном из склепов БМ. Необходимо отметить еще одну общую черту в устройстве Курукатских и Чаганианских склепов - не засыпанные землей входы в погребальную камеру устроены так, что солнце в Курукатских склепах на восходе, а в Чаганианских на закате, смотрит прямо в створ входа в погребальную камеру. Как справедливо заметил Э.В. Ртвеладзе, при общем сходстве планировки и местонахождении Бит-тепинских и Курукатских склепов, в способе захоронения в них наблюдаются значительные различия [22]. В Курукатских склепах раскопаны массовые захоронения по различному обряду - зафиксировано как труположение, так и погребение очищенных костей. В Тохаристанских склепах господствовал единый способ захоронения - труположение. Кроме того, в Курукатских склепах найдено

значительное количество керамики, а в Тохаристанских, как уже упоминалось выше, находки керамических сосудов единичны.

В некоторой степени схожи со склепами БМ, подземные каменные наусы у р. Ангрэн, датированные VI-VII вв.н.э. Наусы или склепы (?) расположены на склоне естественного холма. Погребальная камера имела прямоугольную форму. Склепы сооружались следующим образом: на склоне холма выкапывалась прямоугольная яма с отвесными стенками. Стены и пол погребальной камеры выкладывались из крупных камней. Щели между ними тщательно замазывались глиной. Покойников укладывали на полу, вытянуто на спине в одежде и украшениях, без определенной ориентации. Погребения сопровождалась керамикой. Исследователь Ангрэнских наусов. Т. Агзамходжаев связывал их с зороастрийским погребальным обрядом [23]. Обращает на себя внимание тот факт, что в наусах или склепах обнаружены фрагменты оссуариев, также как и в Курукатских склепах. В погребальную камеру Ангрэнских наусов вел довольно длинный - около 4м - вход-дромос, который как и в Чаганианских склепах выводил на склон холма.

По устройству погребального сооружения и в какой-то степени по способу захоронения схожи с Тохаристанскими склепами, особенно с одиночными погребениями ДМ, погребения третьего типа на христианском кладбище городища Ак-Бешим. Исследователь погребений Л.Р. Кызласов описывает их следующим образом: "Небольшая яма с подбоем под стену церкви, расположенным к востоку от входной ямы, так, что покойного в этот склеп приходилось вдвигать ногами вперед." Судя по опубликованным чертежам "небольшая яма с подбоем" в действительности склеп или скорее катакомба, где впускная яма и погребальная камера расположены на одной длинной оси, также как и у многих склепов ДМ. В склепах городища Ак-Бешим зафиксированы одиночные захоронения по христианскому обряду, с очень небольшим количеством вещей [24].

Приведенные выше аналогии не являются полными. Упомянутые памятники близки Тохаристанским склепам по типу погребального

сооружения, но в большей или меньшей степени различны по способу захоронения, так же по составу погребального инвентаря. В то же время способ захоронения, зафиксированный в пещерных склепах - труположение на спине с монетами во рту, хорошо известен на территории Северной Бактрии кушано-сасанидского периода [25]. В это время погребения совершались в заброшенных помещениях, превращенных в склепы, иногда для этого использовались погребальные камеры наусов кушанского времени, в одном случае (Дальверзин-тепе) топочная камера керамического обжигательного горна кушанского времени.

В литературе высказаны две точки зрения на причины появления этого погребального обряда на территории Северной Бактрии. Э.В. Ртвеладзе, основываясь на результатах изучения Дальверзинского науса и Бандыханского могильника, пришел к выводу о смене погребальной обрядности на территории Бактрии во времена Васудевы I - погребение очищенных костей в наусах заменяется труположением в наусах [26], которые в этом случае, вероятно, можно считать наземными склепами. Б.А. Литвинский, в общем не оспаривая этот вывод, очень осторожно высказался за омоложение даты третьего погребального горизонта Дальверзинского науса (именно на этом уровне зафиксировано труположение) [27]. А.В. Седов, сопоставив керамику третьего погребального горизонта Дальверзинского науса с керамикой кушано-сасанидских слоев памятников Северного Тохаристана, также склоняется к поздней дате. Он же подвергает сомнению гипотезу Э.В. Ртвеладзе о смене погребальной обрядности в Северной Бактрии в кушано-сасанидский период и, в свою очередь, выдвигает предположение, что в это время, также как и в кушанское, сосуществует обряд труположения и обряд погребения очищенных костей. Различие состоит лишь в том что, захоронения по обряду труположения в кушано-сасанидский период производятся в наземных помещениях, превращенных в склепы [28].

Не включаясь в дискуссию, хотелось бы обратить внимание на один, на наш взгляд, немаловажный факт. Погребения по обряду труположения с

монетами во рту или в руке, датированные III-V вв. н. э., на территории Северной Бактрии раскопаны в районе Термеза. Несколько поздних погребений известно на Дальверзин-тепе. Восточнее они пока не встречены. Погребения очищенных костей напротив зафиксированы восточнее Дальверзин-тепе, в основном в долинах рек Кафирниган и Вахш (Тепай-шах, Кухна-кала, Ак-тепе) [29] и Дальверзин-тепе это пока единственный пункт, где два обряда сосуществуют в это время [30]. В связи с этим наблюдением следует заметить, что в районах Северо-Западной Бактрии, в долине реки Сурхандарьи по археологическим и нумизматическим данным фиксируется проникновение этнических групп населения, которые большинство исследователей связывают с хионитско-эфталитским объединением [31]. Касаясь погребений в заброшенных помещениях необходимо вспомнить еще одно захоронение, которое связывается с племенами эфталитско-хионитского круга. Погребение раскопано С.К. Кабановым в Южном Согде на безымянном бугре №4 близ Пирмат-баба-тепе. Захоронение групповое, последовательное, совершено по обряду трупоположения на спине. В качестве погребальной камеры, использовано заброшенное помещение. Оно датируется самым концом V в. и связывается с появлением эфталитов в Согде [32]. По типу погребального сооружения, а также по способу захоронения погребение близ Пирмат-баба-тепе определенно обнаруживает аналогии с погребениями в заброшенных помещениях на территории Северной Бактрии, особенно, это касается погребений на Кара-тепе и Фаяз-тепе [33]. Погребения на Кара-тепе схожи с нахшебскими по способу захоронения и составу погребального инвентаря - в обоих случаях погребения сопровождалась керамикой и украшениями. Аналогии прослеживаются в позах умерших - и в том и другом случае зафиксировано трупоположение на спине с раскинутыми ногами, согнутыми в коленях.

Таким образом, по имеющимся на сегодняшний день археологическим данным, можно ограничить территорию распространения погребений по обряду трупоположения с монетами во рту или в руке в наземных

помещениях долиной реки Сурхан-дарьи (в основном район Термеза) и территорией Нахшеба (Южный Согд). В настоящее время невозможно рассматривать эти погребения как безусловно эфталитские. Однако небезынтересно вспомнить сообщения Табари о том, что царь эфталитов Ахшунвар приказал извлечь труп Пероза и остальных персов из ям и похоронить их в наусах. Б.А. Литвинский считает, что нельзя исключить возможности того, что были устроены погребальные постройки, применявшиеся у эфталитов, тем более, что термин НАУС на территории Средней Азии употребляли применительно и не к зороастрийским погребальным сооружениям [34]. Нельзя также исключить возможности того, что для захоронения были использованы какие-нибудь заброшенные помещения, превращенные для этого в склепы. В этом случае можно предполагать, что в склепах были похоронены не только персы, но и павшие на поле брани эфталиты.

Идея наземного погребального сооружения и, в частности, склеп, отнюдь не нова для Тохаристана. Достаточно вспомнить наусы Дальверзин-тепе, Ялангуш-тепе, Тепа-и-шах [35] и есть все основания полагать, что обычай погребения по обряду трупоположения в наземных помещениях сложился на территории Тохаристана на местной основе, однако не исключая при этом определенного влияния извне. Последнее положение касается прежде всего обряда захоронения и несомненно требует более веской аргументации.

Погребения в пещерных склепах на первый взгляд, казалось бы, генетически связаны с хронологически предшествующими им погребениями в наземных помещениях, тем более, что способ захоронения в пещерных склепах практически идентичен способу захоронения в наземных помещениях. В общем одинаков и набор вещей в погребении, с той лишь разницей, что в пещерных склепах отсутствует керамика. Впрочем ее отсутствие может быть истолковано как хронологический признак. Однако, некоторые аналогии, касающиеся деталей устройства пещерного склепа не позволяют решать этот вопрос однозначно.

Некоторые из пещерных склепов, особенно это касается склепов ДМ, в плане напоминают катакомбу. Например, перед входом в погребальную камеру склепа N 2 ДМ нам удалось, к сожалению, очень приблизительно наметить контур подпрямоугольной в плане впускной ямы, заполненной комковатой глиной, обломками пахсы и сырцовых кирпичей. Кроме того, ниши перед входом в погребальную камеру на ДМ можно рассматривать как небольшой

дромос, который в данной конструкции является, видимо, атавизмом. Напомним, что на ДМ раскопаны склепы двух типов: 1- погребальная камера и вход расположены на одной оси; 2 - вход расположен перпендикулярно длинной оси погребальной камеры.

В большинстве катакомбных погребений дромос расположен перпендикулярно длинной оси погребальной камеры, однако встречаются катакомбы, где дромос и погребальная камера располагались на одной оси. Подобная конструкция катакомб отмечена в Западной Фергане (Куруксайский могильник) [36]. На Шаушукумском могильнике исследователи выделяют два типа катакомб - длинная ось погребальной камеры расположена перпендикулярно дромосу; 2 - погребальная камера расположена таким образом, что является как бы продолжением дромоса [37]. Катакомбы, где дромос и погребальная камера расположены на одной оси, имеются в Кую-Мазарском и Лявандакском могильниках [38]. Катакомбные погребения, у которых погребальная камера и дромос расположены на одной оси среди прочих встречаются в курганных могильниках Парфии эпохи античности, как на территории Ирана, так и на территории Южной Туркмении [39].

В некоторых склепах ДМ четко выделяется, как составная часть погребального сооружения, вход в погребальную камеру, который значительно уже погребальной камеры и ниши перед входом. Аналогичная деталь отмечена и в катакомбных погребениях могильника Кайрагач в Фергане, которые датируются V-VI вв.н.э. [40], а также в погребениях Шаушукумского могильника. Н.Г. Горбунова называет суженную часть

Н.Г. Горбунова

между дромосом и собственно катакомбой - "коридорчиком" [41]. Такой же "коридорчик" отмечен в катакомбах у к. Актам Пскентского района Ташкентской области. Исследователи могильника называют его просто входом в погребальную камеру, в отличие от дромоса [42].

Выше уже упоминалось о наличии в погребальных камерах БМ ниш, в которые помещались покойники. Интересно заметить, что в катакомбе N 17 могильника Джангаил в Западной Фергане, вдоль продольной задней стенки

погребальной камеры сделана маленькая подбойная ниша и именно в нее был положен покойник [43].

Мы уже говорили о суфе, которая была устроена в погребальной камере склепа N 5 БМ. Такая же суфа, примыкающая к одной из стенок погребальной камеры, обнаружена в подземном склепе, раскопанном Т. Агзамаходжаевым под Ташкентом, в этом же склепе зафиксирована небольшая подпрямоугольная в плане ниша, также вырубленная в одной из стенок погребальной камеры. На суфе, так же как и в БМ-5 лежал покойник [44]. Подземные склепы появляются на территории Шаша не ранее IV в. н.э. [45].

Все эти аналогии на наш взгляд не случайны. Во всяком случае они дают основание поставить вопрос о той роли, которую играла катакомба в процессе становления такого типа погребального сооружения как пещерный склеп на территории Северного Тохаристана в VII-VIII вв н.э. В более ранний период - кушано-сасанидский - катакомбы на территории Северной Бактрии не встречаются. Однако, они довольно хорошо известны в сопредельном с Бактрией Согде [46], а также в Хорезме [47] и Фергане [48].

В VII-VIII вв. н.э. труположение в пещерных склепах является отнюдь не единственным обрядом на территории Северного Тохаристана [49]. Среди прочих погребальных памятников в Пянджском районе Таджикистана, в урочище Байтудашт раскопаны курганы с катакомбами, предварительно датированные эпохой раннего средневековья (V-VIII вв.).

Пол погребальной камеры расположен практически на одном уровне с полом дромоса. Максимальная длина последнего - 6,5 м. Входы в погребальную камеру заложены кирпичом. Захоронения коллективные. Погребения сопровождалось инвентарем и жертвенной пищей [50]. К сожалению, материал могильника пока полностью не опубликован и о его культурной принадлежности говорить преждевременно. Если судить по очень краткому сообщению, катакомбы урочища Байтудашт близки ферганским или шашским середины I тыс. н.э. не только по устройству погребального сооружения, но и по способу захоронения. Если это действительно так, то вполне правомерно, на наш взгляд, выдвинуть гипотезу о проникновении на территорию Северного Тохаристана групп населения из области среднего течения Сырдарьи или Ферганской долины. В этом случае можно говорить о степени влияния, которое оказал погребальный обряд этих областей Средней Азии на возникновение пещерного склепа. По всей видимости, катакомба была достаточно хорошо известна на юге Таджикистана, во всяком случае, в отдельных районах. Так, например, катакомбы эпохи развитого средневековья раскопаны в могильнике Пушинг-1 (Дангаринский р-он Таджикистана). Причем здесь представлены катакомбы двух типов: 1 - впускная яма располагается перпендикулярно к погребальной камере; 2 - впускная яма, которая по длине равна или почти равна погребальной камере и расположена параллельно ей [51]. Любопытно заметить, что в Кулябской области Таджикистана до сих пор сохранились двухкамерные могилы катакомбного типа, у которых погребальная камера (лахад) расположена параллельно впускной яме (ширдон) и соединена с ней проходом [52].

Таким образом, исходя из изложенного выше, можно наметить основные этапы возникновения и бытования на территории Северного Тохаристана погребений по обряду труположения в пещерном склепе.

В IV-V вв. н.э. на территории Северного Тохаристана появляются погребения по обряду труположения в заброшенных наземных помещениях, использовавшихся в качестве склепов. Этот обряд возник,

вероятно на местной, бактрийской основе, однако не без влияния извне, которое, по всей видимости следует связывать с группами населения, пришедшего на территорию Северного Тохаристана в это время.

Затем, в конце VI - начала VII вв. н.э. на территории Чаганиана появляются погребения в пещерных склепах, несомненно генетически связанные с погребениями в наземных помещениях, особенно это касается способа захоронения. Однако пещерный склеп, на наш взгляд, возник не без определенного влияния таких погребальных сооружений, как катакомба и подземный склеп шашского типа, что в свою очередь позволяет поставить вопрос о культурных и этнических связях Северного Тохаристана с областями Средней Сырдарьи и Ферганской долины в предарабское время.

1. Альбаум Л.И. Городище Дальверзин-тепе. // ИМКУз., вып.7. Ташкент, 1966, с.63. Судя по описанию, Л.И. Альбаум принял за погребения в подбоях погребения в пещерных склепах.
2. Пугаченкова Г.А., Тургунов Б.А. Буддийское святилище в загородной зоне Дальверзин-тепе. // Дальверзин-тепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978., с. 97; Пугаченкова Г.А., Тургунов Б.А. Исследование Дальверзин-тепе в 1972 году. // Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 73, рис.7.
3. Ртвеладзе Э.В., Козловский В.А. Раскопки могильника Бит-тепе в Чаганиане. // АО-1980. М., 1981, с. 458-459.
4. Ртвеладзе Э.В. Средневековый могильник Бит-тепе в Чаганиане. // СА, N4. М., 1986, с. 194-209.
5. Там же, с. 194-209.
6. Литвинский Б.А., Седов А.В. Культуры и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984, с. 101-102.
7. В дальнейшем в статье приняты следующие сокращения: Дальверзинский могильник - ДМ, Биттепинский могильник - БТ, Джулсайский могильник - ДжМ.

8. Ртвеладзе Э.В. Указ.соч., с. 202-204.
9. Там же, с. 194-210.
10. Лоховец В.А., Хазанов А.М. Подбойно-катакомбные погребения могильника Туз-Гыр. // Кочевники на границах Хорезм. ТХАЭЭ, т.ХI. М., 1979, с. 111-121.
11. Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М. 1972, с. 87-97.
12. Мардонова А. Из этнографии таджиков Файзабад. // Материалы по истории культуры Таджикистана. Душанбе, 1981, с. 226-231.
13. Ртвеладзе Э.В., Козловский В.А. Указ. соч., с. 458-459.
14. Литвинский Б.А., Седов А.В. Указ. соч., с. 101.
15. Ртвеладзе Э.В. Указ соч., с. 197.
16. Подробно об "оболе Харона" в погребениях Средней Азии см.: Литвинский Б.А. Погребальный обряд древних ферганцев в свете этнографии. // ИООН АН Тадж. ССР, вып. 3/53. Душанбе, 1958, с. 47; Его же. Курганы и курумы Западной Ферганы...; с. 115-118; Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы..., с. 150-161.
17. Литвинский Б.А. Погребальный обряд древних ферганцев в свете этнографии..., с. 42-52.
18. Крюков М.В., Переломов Л.С., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.1983, с. 245.
19. Литвинский Б.А., Седов А.В. Указ.соч., с. 157.
20. Писарчик А.К. Смерть. Похороны. // Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 3. Душанбе, 1971, с. 135-136.
21. Мирбабаев А.К. Раскопки Курукатских склепов. // АРТ, вып. X. Душанбе, 1980, с. 298-302.
22. Ртвеладзе Э.В. Указ.соч., с. 207.
23. Агзамходжаев Т. Подземные наусы у г. Ангрен. // ИМКУз, вып. 7. Ташкент, 1966, с. 104-112.
24. Кызласов Л.Г. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. // Тр. КАЭЭ, т. II. М., 1959, с. 220-233.

25. Наиболее полную сводку этих погребений см.: Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы..., с.89-92.
26. Ртвеладзе Э.В. Дальверзинский наус. // Дальверзин-тепе. Кушанский город на юге Средней Азии. Ташкент, 1978, с.114.
27. Литвинский Б.А., Седов А.В. Указ.соч., с. 87.
28. Седов А.В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. М., 1987, с. 95-96.
29. Литвинский Б.А., Седов А.В. Указ.соч., с. 89-104.
30. Имеется в виду погребение в загородном буддийском святилище, погребение в топочной камере квартала керамистов, также третий погребальный горизонт в наусе Дальверзин-тепе. См. об этом: Дальверзин-тепе. Кушанский город на юге Узбекистана..., с. 97, 125, 114.
31. Пилипко В.Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад, 1985, с. 115; Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV-V вв. // Буддийский культовый центр в старом Термезе. М., 1972, с. 137-145.
32. Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-VI вв.). Ташкент, 1977, с. 127-131.
33. Ставиский Б.Я., Сергеева Л.К. Раскопки комплекса Б в 1972-1973 гг. (предварительное сообщение). // Новые находки на Кара-тепе в старом Термезе. М., 1975, с. 20-21, рис.6; с. 28-29, рис.9; Сычева Н.С. Краткий отчет о раскопках комплекса В в старом Термезе. Там же, с. 37
34. Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории раннесредневековой Ферганы. // История и культура народов Средней Азии. М., 1976, с.56
35. Подробно по этому вопросу см.: Литвинский Б.А. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (к вопросу о парфяно-бактрийских параллелях). // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983, с. 81-83.

36. Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы, с. 59.
37. Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, с. 201-204.
38. Обельченко О.В. Лявандакский могильник. // ИМКУз, вып. 2. Ташкент, 1961, с. 124-125.
39. Литвинский Б.А. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии..., с. 99; 103-105; 108; табл. XXXI, 1,2
40. Брыкина Г.А. Могильник Кайрагач в Южной Киргизии. // КСИА, N 170. М., 1982, с. 120, с. 124, рис. 1.
41. Горбунова Н.Г. О типах ферганских погребальных памятников. // АСГЭ, N 22. Л., 1981, с. 89.
42. Дрествянская Г.Я. Типы захоронений курганного могильника у к. Актам (Пскентский р-н). // Материалы по археологии Средней Азии. Сборник научных трудов ТашГУ, вып. 707. Ташкент, 1983, с. 28-31.
43. Литвинский Б.А. Курганы и курумы..., с. 60.
44. Агзамходжаев Т. Погребения IV-V вв. н.э. в Катартале. // Научные работы и сообщения ООИ АН Уз ССР, книга 3. Ташкент, 1961, с. 240-245.
45. Грицина А.А. Каунчинское погребение первых веков н.э. в Ташкенте. // ИМКУз, вып. 17. Ташкент, 1982, с. 99.
46. Обельченко О.В. Курганы в окрестностях Самарканда. // Афрасиаб, вып. II. Ташкент, 1973, с. 157-174.
47. Лоховец В.А., Хазанов А.М. Указ.соч., с. 129.
48. Горбунова Н.Г. О типах ферганских погребальных памятников..., с. 87-89.
49. Подробно об этом см.: Соловьев В.С. Погребальный обряд раннесредневекового Тохаристана. // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987, с. 159; Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии..., с. 92-101; Болелов С.Б. Погребальный обряд и погребальные сооружения эпохи раннего средневековья на

территории Северного Тохаристана. // Культура и искусство народов Востока. Тезисы докладов. М., 1987, с. 7.

50. Соловьев В.С. Указ.соч., с. 159.

51. Поляков С.П. Отчет о раскопках средневековых погребений у кишлака Пушинг. // АРТ, вып. 12. Душанбе, 1972, с. 204, рис. 1 - тип I; с. 205, рис. 2 - тип II.

52. Бабаева Н.С. О формах могил некоторых этнических групп Кулябской области. // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981, с. 125-126.

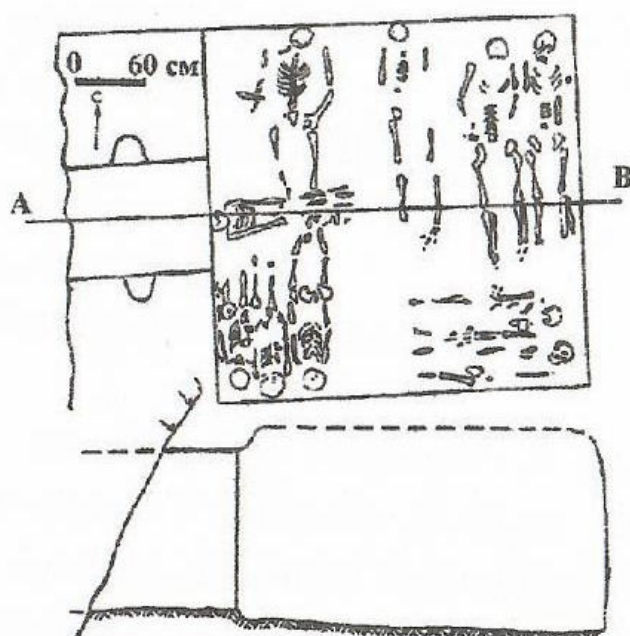
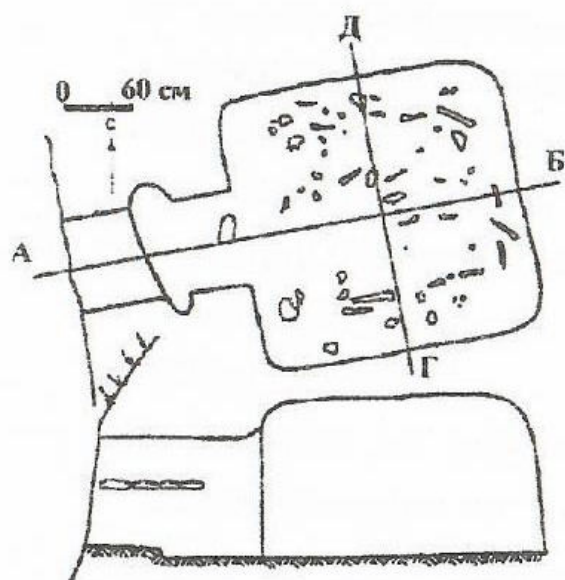
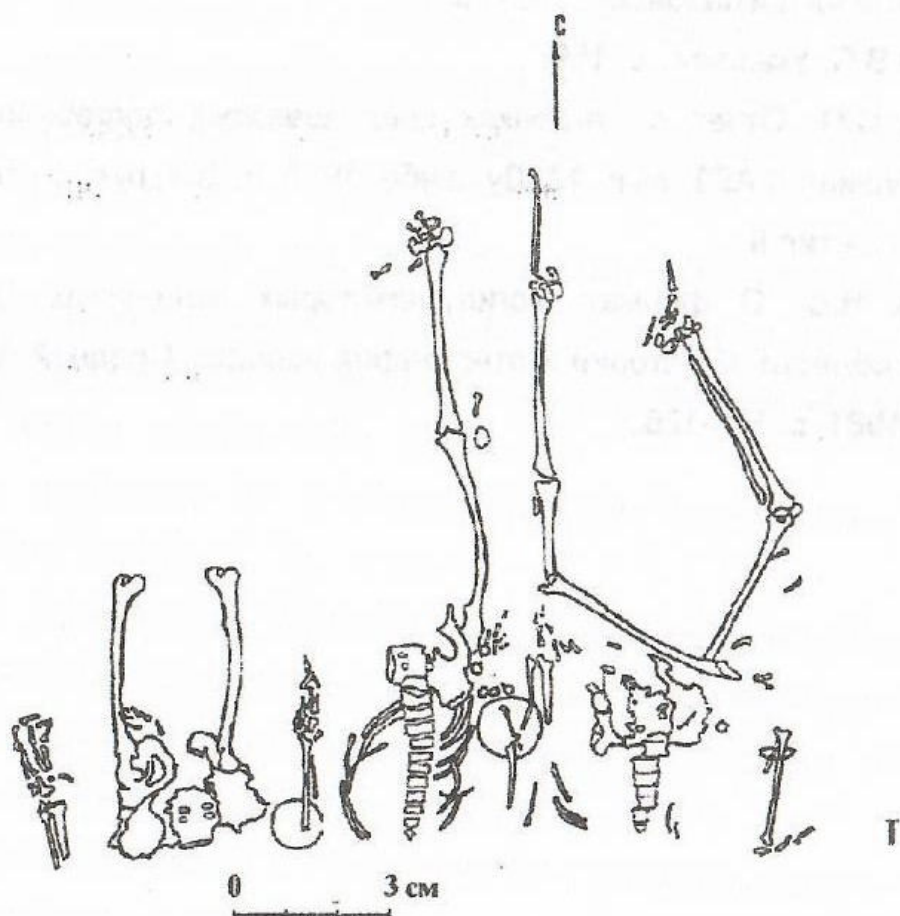

Рис. 1

I - погребение ДжМ.

II - погребение БМ; 1 - склеп № 1; 2 - склеп № 2

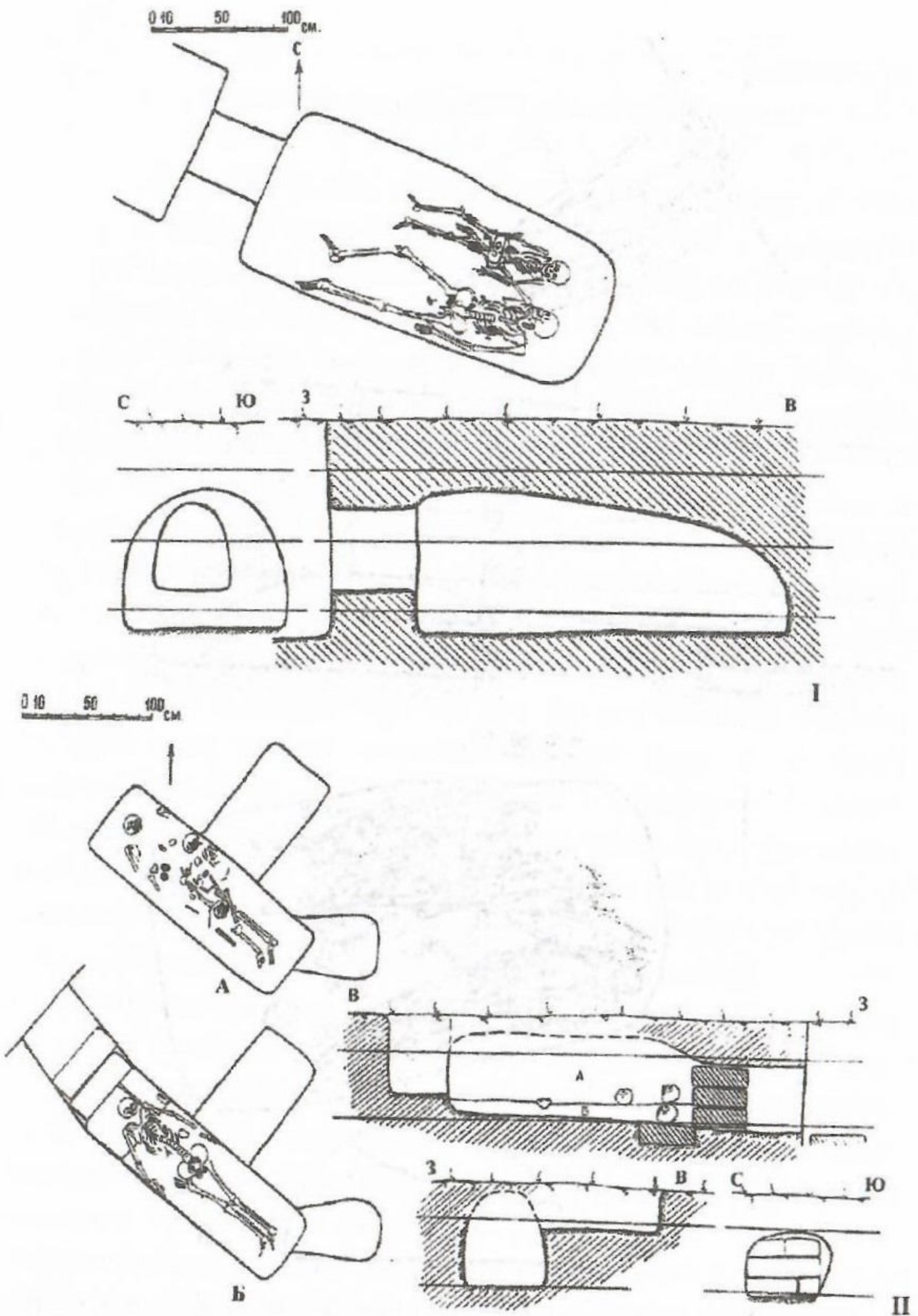

Рис.2 I - склеп № 2 ДМ ; II - склеп № 4 ДМ
 А - верхний погребальный горизонт, Б - нижний погребальный горизонт

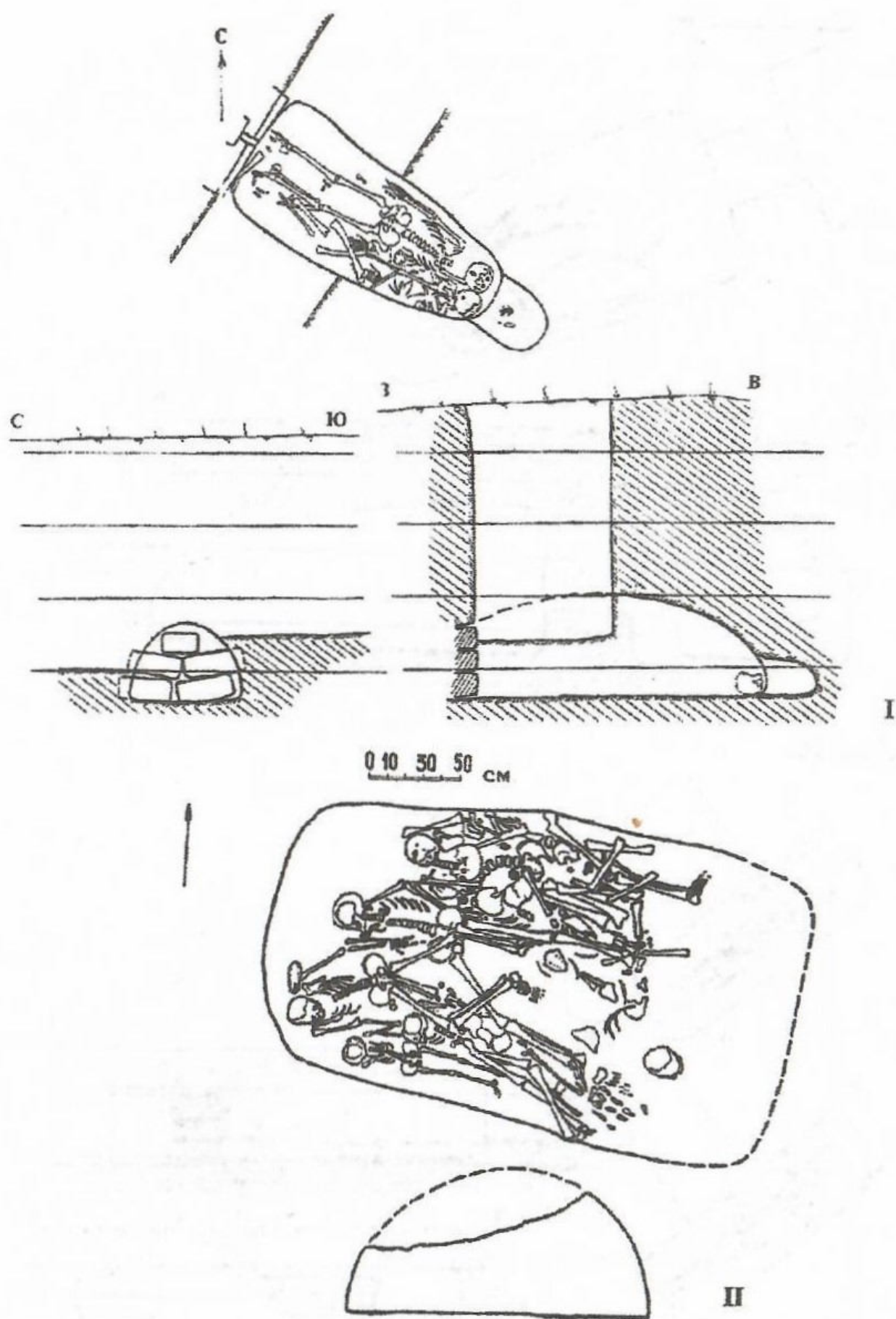

Рис. 3

I - погребение № 8 ДМ
 II - погребение № 10 ДМ

Парадный айван Варахши: новые исследования

Археологические работы на городище Варахша под Бухарой были начаты в 1938 г. и проводились с перерывом до 1954 г. экспедицией Института археологии Узбекского Филиала Академии Наук СССР под руководством В.А. Шишкина. В ходе раскопок был получен огромный материал по истории Варахши и Варахшинского массива земель, а открытие на городище дворца правителей Бухары явилось значительным вкладом в изучение истории древнего искусства Средней Азии [1].

Последовавшие затем раскопки крупнейших памятников Самаркандского Согда - Афрасиаба и Пенджикента - дали новые ценные сведения по истории формирования и развития среднеазиатских городов, что изменило ранее существовавшие представления о периодизации исторических процессов на территории Средней Азии; была разработана классификация среднеазиатской керамики. Все это заставило по-новому взглянуть и на историю поселений Бухарского Согда, в том числе крупнейшего из них - городища Варахша; появилась необходимость возобновить раскопки. Небольшие исследования здесь были предприняты Институтом археологии Узбекистана в 1970-х гг., а с 1987 по 1991 годы на городище работала Среднеазиатская археологическая экспедиция Государственного музея Востока, возглавляемая Г.В.Шишкиной.

Исследованиями последних лет уточнена хронология процессов обживания Варахшинского массива земель и самого городища, которое, как теперь представляется, изначально было крепостью на торговом пути из Бухары в Хорезм. Уточнена дата строительства на Варахше первых сооружений - их можно отнести ко времени не позднее II века до н.э., тогда как ранее эти постройки датировались рубежом нашей эры, а также пересмотрены причины запустения крепости в III веке. В V в. н.э. Варахша становится резиденцией правителей Бухары и затем разрастается в огромный город [2].

С конца V века на Варахше начинается большое строительство: городище укрепляется новыми оборонительными стенами с башнями; застраивается по периметру стен внутреннее пространство бывшей крепости; на южной стороне у крепостной стены возводится массивная двухчастная цитадель, включавшая замок и дворец.

Работы 1930-50-х годов на территории цитадели и дворца выявили общую структуру этого сооружения и позволили проследить изменения в истории строительства города [3]. Эти раскопки, как отмечал В.А.Шишкин, были далеко не достаточны, поскольку под выявленными позднейшими помещениями сохранились фрагменты первоначального здания дворца. Поэтому одним из объектов изучения городища экспедицией музея стал дворец Варахши.

Дворец представляет собой комплекс из залов с проходными помещениями и двориком, его площадь около 4.000 кв. м. Часть помещений была устроена в толще крепостной стены или вынесена за ее пределы в виде башни. Самое представительное помещение дворца - парадный айван с большим двором (общей площадью более 900 кв. м) располагается в западной части дворцового здания. Исследованию айвана и посвящена настоящая работа.

Раскопками 50-х годов выделено три крупных строительных этапа в истории существования дворцового комплекса с конца V по XI вв. Раскопки проводились в восточной половине айвана, тогда как наши работы были сосредоточены в основном в его западной части.

Нашей целью изначально было исследование поздних построек X-XI вв. на территории айвана.

После раскопок экспедиции В.А.Шишкина на айване эта часть дворца представлялась закрытым с трех сторон прямоугольным сооружением с проходом в восточной стене (рис. 1). Южную его часть занимала платформа с двумя колоннами в центре и полуколоннами в западной и восточной стенах, спускавшаяся к северу четырьмя ступенями. От ступеней начиналась не занятая постройками площадь двора. Двор, платформа и

лестница были вымощены крупным жженым кирпичом, положенным на слой перегоревшей земли, и покрыты алебастровой штукатуркой. Были зафиксированы также остатки стен сооружения, построенного после того, как айван был окончательно заброшен в IX в., и позднейших построек X-XI вв., сосредоточенных в западной половине айвана [4].

В ходе работ нашей экспедиции по расчистке этих построек выяснилось, что сооружение, восточная стена которого была открыта ранее, представляет собой обширное, площадью примерно 350 кв. м помещение. Оно было построено поверх сnivelированных древних стен айвана и, видимо, относилось ко дворцу последнего периода его существования, т.е. к IX в. Это помещение было условно названо "поздним айваном". Мы практически ничего не можем сказать о нем, т.к. от позднего айвана сохранились только три стены: восточная, северная и западная с проходом. В X-XI вв. его площадь и территория за северной стеной были плотно застроены комплексом разновременных жилых и хозяйственных помещений.

На территории позднего айвана, у его северной стены, был открыт отвал XI в., состоявший, в основном, из фрагментов резного алебастрового (ганчевого) декора, украшавшего стены более раннего по времени айвана. Благодаря расчистке этого отвала и другого такого же отвала за пределами территории айвана, к северо-западу от него, найдено большое количество разнообразных фрагментов резного ганча, а, следовательно, есть возможность восстановления сюжетов стенного декора, составлявшего внутреннее убранство айвана, и создания экспозиционных панно. Несколько таких панно уже создано и несколько восстанавливаются в настоящее время реставратором Н.А.Ковалевой (ГосНИИР).

В ходе работ по расчистке ганчевого отвала на территории позднего айвана IX в. были вскрыты слои более раннего времени. Появилась необходимость в продолжении работ, целью которых теперь стало исследование западной половины айвана V-VIII вв. Эти раскопки в корне

изменили первоначальные представления об айване Варахшинского дворца [5].

Айван оказался сложным сооружением, к тому же не единовременной постройкой: нами выявлено три периода существования айвана (рис. 2). Первые два периода восстанавливаются только в общих чертах, т.к. работы на айване, как и на городище в целом, рассчитанные на более продолжительное время, остались незавершенными.

Первый период - строительство айвана в западной половине дворца, о котором на данный момент известно только, что это было вытянутое с юга на север закрытое прямоугольное сооружение. Айван I периода был связан с дворцовыми помещениями проходом в восточной стене.

Второй период - значительные перестройки на территории айвана. В его южной, возвышенной части оформляется платформа с лестницей, двумя колоннами и полуколоннами в стенах, которые поддерживали аркаду. Перекрытия айванов известны, например, в храмах Ашура и Хатры [6], во дворце Сасанидов в Так-и Кушире, во дворце Ардашира I в Фирузабаде [7]. Двор к северу от лестницы был открытым. В западной стене устраивается проход на улицу, которая вела к городским воротам. Пахсовый пол, судя по сохранившимся в проходе фрагментам, был оштукатурен алебастром.

Третьему периоду предшествовал большой пожар: скорее всего, именно этим объясняется наличие горелого слоя практически на всей территории айвана. Здесь могли гореть деревянные перекрытия его южной платформы или, возможно, резные деревянные панели, которые могли украшать стены айвана II периода. Дерево нередко применялось при строительстве и отделке помещений: например, деревянным было перекрытие парадного зала в группе помещений конца V-первой четверти VIII в. замка Балалык-тепе [8]; резьбой по дереву были украшены парадные залы Аджина-тепе - буддийского монастыря VII-конца VIII в. [9], стены храмов Пенджикента и жилищ пенджикентской знати [10], стены замка VI в. н.э. Джумалак-тепа в Тохаристане [11].

Третий период - ремонт айвана после пожара. Пол платформы с колоннами и открытого двора поверх горелого застилают квадратным жженым кирпичом 35 x 35 x 6 см.

На айване устраивают суфы, которые, как и пол, оштукатурены алебастром. Причем, это не просто суфы вдоль стен, как, например, в парадном зале Балалык-тепе [12]. Суфы айвана Варахшинского дворца располагались на разных уровнях. Низкие, широкие суфы были построены с уровня пола вдоль западной и восточной стен к северу от ступеней лестницы. Выше располагалась прямоугольная суфа, для устройства которой был снесена часть западной стены от ниши полуколонны до прохода. Судя по расположению суф внутри айвана и вдоль западного входа и их конструкционным особенностям, существовала определенная система приема и распределения гостей во дворе айвана соответственно их рангам.

При расчистке пола айвана почти по центру двора в 4,8 м от края лестницы был выявлен не занятый кирпичной кладкой углубленный участок пола прямоугольной формы, вытянутый с востока на запад. Его размеры 1,8 x 2,4 м, глубина 0,7 м. Можно только предполагать, что же именно находилось в центре айвана. Так, например, в парадном зале замка Балалык-тепе находился жертвенник огня [13].

Стены айвана в этот период украшаются ганчевым декором, в сюжетах которого прослеживается влияние сасанидского искусства [14]. Среди фрагментов резного ганча, найденных в ходе наших работ, много геометрических и растительных орнаментов; в сюжетах декора представлен и животный мир (голова оленей, козлов, льва и крупы лошадей из сцен охот; фрагменты фриза с куропатками; изображения рыб в водоемах). Были обнаружены фрагменты изображения человека: голова юноши, рука с мечом, колено со складками одежды и др.

В результате раскопок дворцового здания в 50-е гг. в узких небольших помещениях так называемой Южной анфилады, устроенной в толще крепостной стены, было найдено огромное количество ганчевого декора

[15]. Вывод В.А.Шишкина о том, что этот декор украшал парадное помещение, занимавшее второй этаж анфилады, теперь представляется маловероятным. Сюжеты ганча из Южной анфилады значительно разнообразнее (среди новых сюжетов, найденных нами, нужно отметить голову льва), их количество намного превышает обнаруженные нами два отвала. Поэтому наиболее вероятно предположение, что в разрушенных помещениях Южной анфилады был устроен еще один отвал ганчевого декора, отбитого или упавшего со стен айвана. Причем, судя по количеству и разнообразию сюжетов, из трех отвалов этот - более раннего времени.

Зал отделывался дважды: при вторичной отделке фрагменты первоначального декора были покрыты новым слоем алебаstra, на котором вырезался иной сюжет. Такое внимание к отделке зала не случайно: судя по всему, в айване в этот период устраивались большие приемы.

Это подтверждает и тот факт, что была обустроена значительная территория за западной стеной, у входа в айван. Здесь расчищены остатки кирпичной вымостки, оштукатуренной алебастром (как и пол внутри айвана). Большую прямоугольную глубокую нишу в южной щеке прохода отделяла от пола узкая ступень. В стене была еще одна оштукатуренная ниша, меньших размеров, квадратная, предназначенная либо для стражника, либо для хранения вещей. Совершенно очевидно, что здесь ожидали своей очереди приема в айване. Таким образом, это был не просто вход с улицы, а хорошо продуманная система пропуска внутрь айвана.

Предположительно айван можно отнести к группе помещений первого этапа застройки дворца в конце V- VI вв. (периодизация В.А.Шишкина) [16]. То есть выявленный нами I период существования айвана, который трудно датировать из-за недостатка материала, приходится на конец V-начало VI вв.

Вторым этапом в истории дворца была капитальная перестройка его залов и помещений. Айван также перестраивался (II период). Скорее всего, это происходило одновременно с перестройкой других помещений дворца.

Зафиксированный на всей площади айвана горелый слой прослеживается и в других помещениях [17]. Как мы уже говорили, это, вероятно, следы большого пожара на территории дворца. В конце VII в. Бухарский Согд был захвачен арабами. В "Истории Бухары" Мухаммада Наршахи, где подробно рассказывается о дворце Варахши, есть сообщение о восстановлении дворца после арабского завоевания [18]. Эти данные позволяют нам отнести пожар и разрушение дворца к концу VII в. Затем следует длительный период запустения. Дворец, а вместе с ним и айван были заново отстроены в VIII веке.

Таким образом, в ходе раскопок экспедиции музея на территории дворцового комплекса Варахши был более детально изучен парадный зал дворца - айван с обширным двором. Результаты наших работ позволили пересмотреть первоначальные выводы о времени строительства и организации пространства айвана. Выявлены три крупных строительных периода в истории его существования, тесно связанные с историей строительства и капитальных ремонтов всего дворца, и изменения планировки айвана на каждом этапе.

Среди поздних сооружений, возникших на территории заброшенного в конце IX в. айвана, открыт еще один большой двор, возможно, также айван. Исследована жилая застройка территории айвана X-XI вв. В XII в. город прекратил свое существование.

1. Шишкин В.А. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947-53). // ТИИ АН УзССР, вып. VIII. Ташкент, 1956; Он же. Варахша. М., 1963.
2. Шишкина Г.В. Варахша и ее округа (новые исследования). // Археология Средней Азии. Тезисы докладов. Ташкент, 1990, с. 109.
3. Шишкин В.А. Варахша..., с. 53-96.

4. Отчет Среднеазиатской археологической экспедиции ГМИНВ за 1988 г., с. 1-3; Отчет САЭ ГМИНВ за 1989 г., с. 1-8.
5. Отчет САЭ ГМИНВ за 1989 г, с.1-8; Отчет САЭ ГМИНВ за 1990 г, с. 1-14; Отчет САЭ ГМИНВ за 1991 г., с. 1-5.
6. Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток. Греческое искусство и его наследники в несредиземноморской Азии. М., 1985, с. 162.
7. Persians: masters of empire. Alexandria, Virginia, 1995, p. 138-139.
8. Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960, с. 108-110, 113, 120-122; Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн.1. Душанбе, 1989, с. 299-300.
9. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепе. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971, с. 20.
10. Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., 1973, с. 34-35.
11. Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая скульптура Тохаристана. В свете раскопок в Вахшской долине. М., 1985, с. 126; Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки, кн. 2. М., 1991, с. 373, № 372.
12. Альбаум Л.И. Указ. соч., с. 85-93, 100-103, 108, 113; Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Указ. соч., с. 126, 131.
13. Альбаум Л.И. Указ. соч., с. 86; Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Указ. соч., с. 126.
14. См., например: Шишкин В.А. Указ. соч., с. 209-210; Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977, с. 141, 159-160, 184-188; Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Художественная культура Ирана III-VIII вв. М., 1987, с. 75; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. М., 1982, с. 14-16; *Artibus Asiae*, vol. XXXI, 2/3. Ascona, 1969, pl. V.
15. Шишкин В.А. Указ. соч., с. 166-177.
16. Там же, с. 83-84.

17. Там же, с. 56, 63, 65.

18. Наршахи М. История Бухары. Ташкент, 1897, с. 26

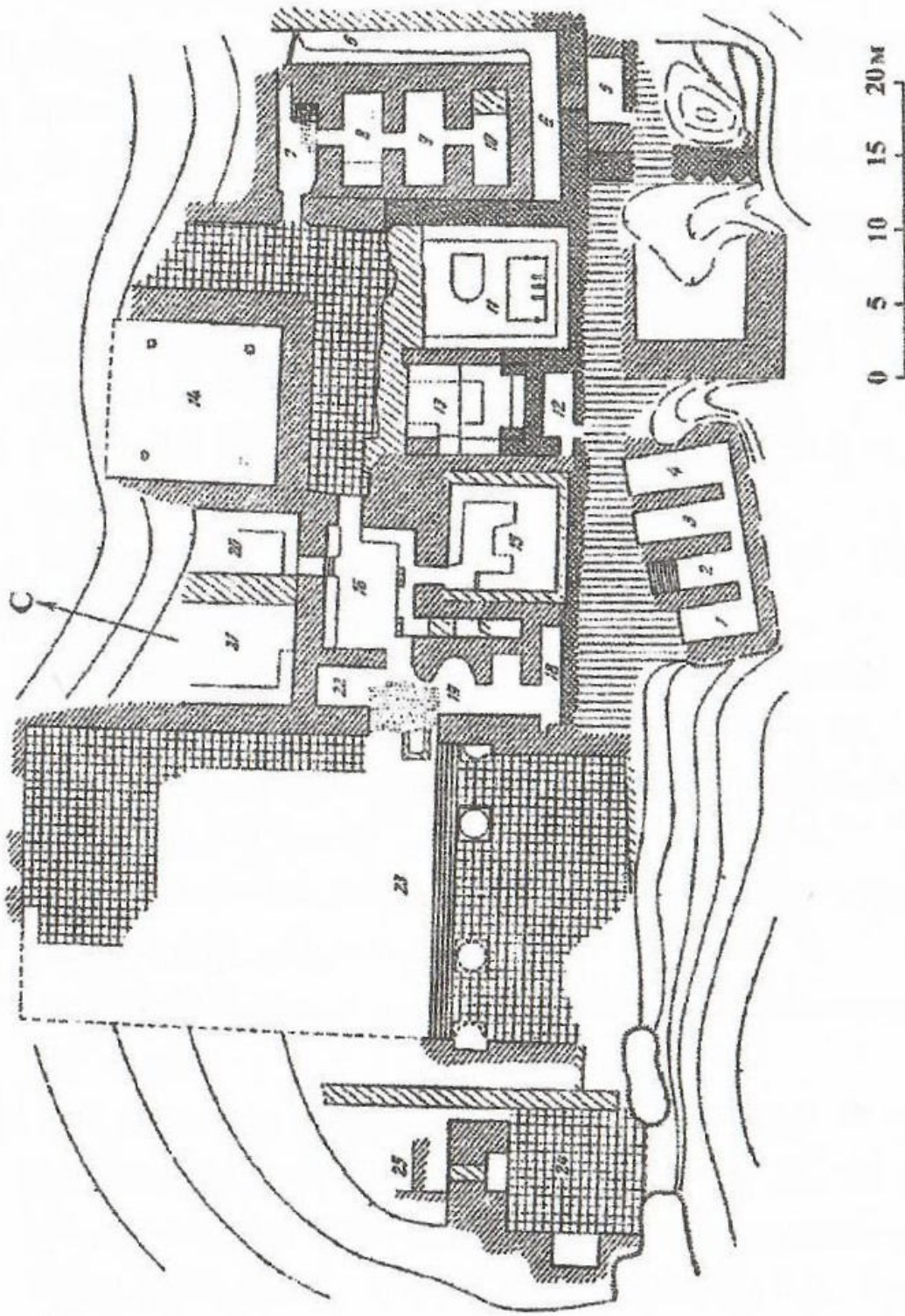

Рис.1 План раскопок здания двора Баракша (из кл.: В.А.Шнишкин. Баракша. М., 1963, с.55):
 № 23 - айван; №№ 1-4 - южная анфилада

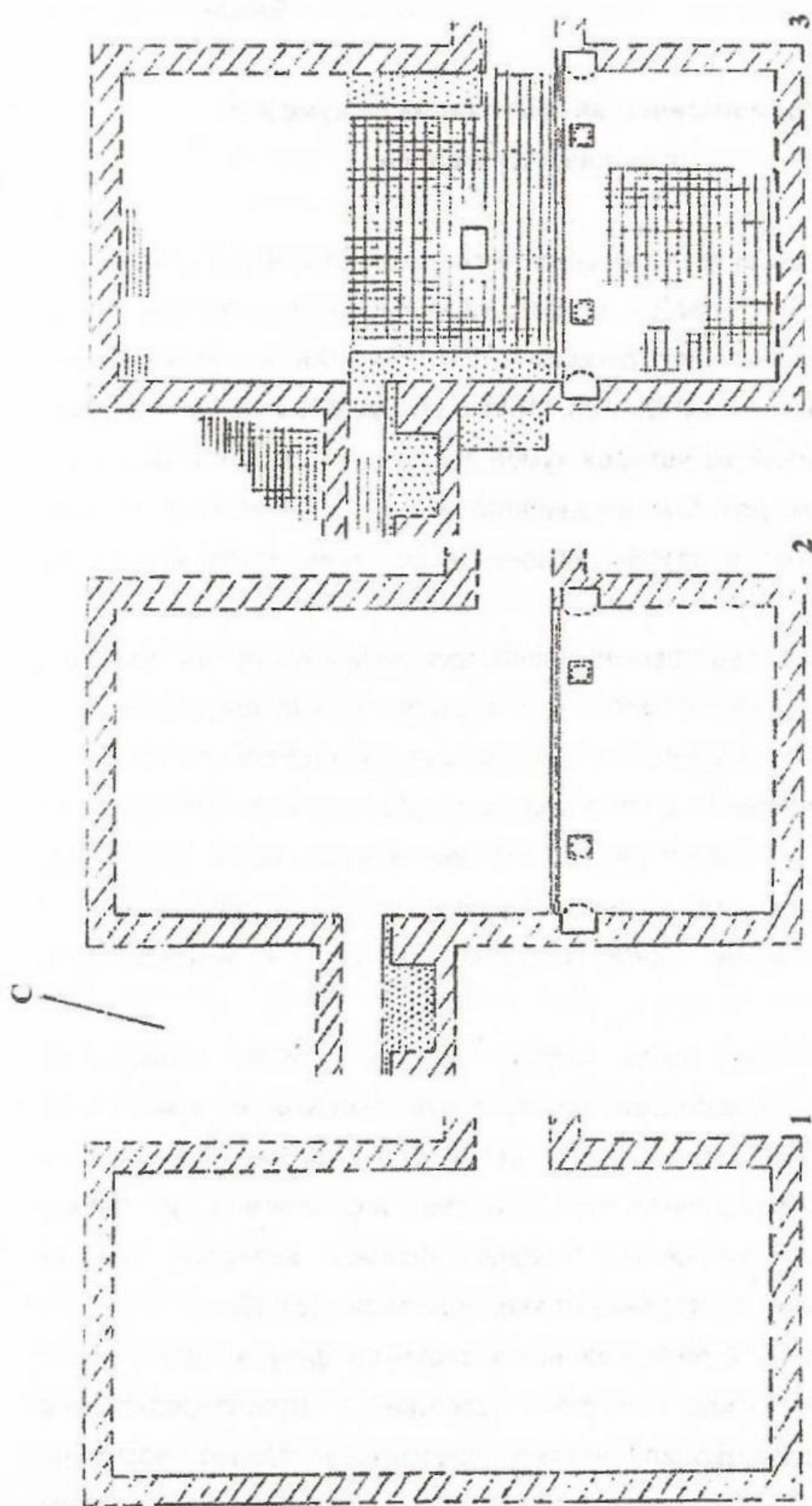

Рис.2 Три периода суццествавання айвана. Схема.

Условные обозначения:

 стены айвана

 ганчевая штукатурка по глине

 ганчевая штукатурка по жженому кирпичу

0 25 м

**Космологическая композиция на хуме X в.
городища Джигербент**

В 1974-1976 гг. Отряд Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР исследовал цитадель городища Джигербент, расположенного на севере Туркменистана. При раскопках постройки XII в., перекрывшей святилище огнепоклонников IX-X вв. [1] был обнаружен сливной колодец - ташнау, составленный из четырех хумов с отбитыми доньями. Все хумы имеют характерную для X в. яйцевидную форму со слабо выделенным венчиком [2]. Таким образом, первоначально, хумы были синхронны комплексу святилища.

Особый интерес представляет композиция, украшающая один из хумов (рис.1). Сам хум, высотой 0,68 м и диаметром 0,55 м красноглиняный, покрыт снаружи светлым ангобом. Рисунок выполнен до обжига, по сырой глине, но после нанесения ангоба. Благодаря этому, линии, прочерченные полоской "гребенки", имеют красноватый цвет и выделяются на светлом фоне. Сверху композиция ограничена волнистой линией, проходящей по плечикам сосуда, внизу стенки обколоты, возможно, с утратой части орнамента.

Осью изображения сцены следует считать дерево, стоящее на вершине угла и занимающее более трети окружности хума. Угол, возможно, обозначает гору. От ствола в обе стороны поднимаются основные ветви, образованные треугольниками, вершинами вверх. Между основными ветками волнистые "побеги". Длинная верхушка покрыта короткими веточками, по сторонам от нее - усложненные побеги.

Слева от дерева изображена некая странная фигура, более всего напоминающая рыбу-пилу или ската. Достоверно атрибутировать это фантастическое существо или предмет чрезвычайно трудно. Возможно сопоставление с фигурками гагар, нашивавшихся на одежду сибирских

шаманов и известных по находкам в Прикамье, датирующихся X-XI вв. [3]. Разумеется, необходимо учитывать хронологическую и территориальную удаленность. Речь здесь может идти прежде всего не о родственности изображений, а, скорее, о самом принципе показа фигур сверху, как бы плывущими или летящими.

Позади этого странного существа - фигура птицы, переданная в профиль, в совершенно иной, достаточно реалистичной и традиционной манере. Однако, породу определить трудно, это может быть петух или фазан, но, скорее всего, изображена некая фантастическая птица, на "царственность" которой указывают развевающиеся ленты. Крылья опущены, но птица выглядит летящей.

Вторая птица изображена позади и ниже предыдущей. Фигура выполнена в той же манере, в профиль, крылья птицы раскрыты, клюв загнут, что, возможно, обозначает хищника.

Справа от дерева крестообразная фигура. Следуя терминологии, принятой в геральдике, это - "перекрещенный крест", вписанный в "крест трилистный" [4].

Рядом с крестом - пятилепестковая розетка, заключенная в круг, в центре был круглый налп.

Правее - еще одна розетка, идентичная по форме предыдущей, но более крупная. Она расположена над крыльями второй птицы, что объясняется "наложением" двух краев симметричной композиции в результате просчета мастера, наносившего изображение на сосуд.

Вообще создается впечатление, что композиция на хуме имеет не столько декоративный, сколько нарративный характер. Хумы этого времени богато и мастерски орнаментированы: встречаются изображения птиц, растительные мотивы, розетки. Изображение всегда глубоко, уверенно прочерчено, а главное, сама композиция рассчитана на украшение объемной керамической формы. В нашем же случае кажется, что это плоскостное изображение, перенесенное на объемный сосуд, притом с наложением краев композиции.

Даже двучленное деление композиции: птицы и фантастическая фигура по одну сторону, розетки и крест по другую сторону от дерева, имеет скорее смысловой, чем декоративный характер. Похоже, что мастер старался не просто украсить сосуд, но передать некий сюжет, смысл которого был ему вполне ясен.

Что же именно изображено на хуме из Джигербента? Неопределенность существа, расположенного слева от дерева не позволяет твердо настаивать на каком-либо одном толковании изображения. Возможны различные интерпретации. Безусловно одно: речь идет о композиции с "мировым деревом". Это древнейший, устойчивый и широко распространенный символ. Значение "мирового дерева" в мифологии, космологии и культовой практике очень велико и разнообразно [5]. Оно связывает верхний, средний и нижний миры, то есть небо, землю и подземную (или же водную) зоны. Иногда дерево олицетворяет всю вселенную, или же верховное существо. На мировом дереве обитают души умерших и с него семена жизни падают на землю. Шаманы или их посланцы по этому дереву проникают в другие миры и т.д.

Изображения мирового дерева очень часто связаны с символами небесных светил. В частности, весьма распространена мифологема "солнце на мировом дереве", нашедшая отражение в Ригведе, согласно которой мифическое дерево в центре мира поддерживает солнце и луну [6].

Крест и розетки, которые мы видим справа от дерева - известные солярные или астральные символы, с древнейших времен распространенные по всей Евразии [7]. Существовало представление об огнях или же светилах трех миров, возможно, они и переданы на рассматриваемой композиции. Интересно, что три солярных знака были расположены на голове антропоморфного очага святилища огнепоклонников на Джигербенте, с которым, вероятно, и был связан рассматриваемый сосуд, но все они одинаковой формы [8].

Изображения птиц часто сопровождают "мировое дерево", иногда на предметах явно культового назначения, как, например, на каменном сосуде из Турткуль-тепе [9].

Очень интересны также барельефы на очажках самаркандского типа, которые появились в VII-VIII вв., были широко распространены в IX-XI вв. и сохранились вплоть до XIII в. Исследователи связывают их с почитанием огня, вытесненным исламом в область домашних культов [10]. Особенно важна для нас одна из композиций [11]. На ней изображено "мировое дерево", как бы разделенное на три яруса. Верхний ярус, включающий знаки луны и солнца, ясно олицетворяет небо. По обе стороны небесных светил парят две птицы, по мнению Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпеля - сенмурвы, между ними - падающая капля (возможно, небесных вод). Средние ветви заканчиваются головками быков. Известно, что в иранских верованиях этот мир часто связывают с образом копытных животных [12]. В этом случае нижние ветви по очажку могут олицетворять нижний мир, так же как и птицы, изображенные рядом.

Можно предположить, что и на хуме из Джигербента изображены мифические птицы трех миров, идентифицируемые с тремя светилами, расположенными справа от мирового дерева [13]. Может быть, три основных яруса ветвей, составленных из треугольников и волнистых линий, олицетворяют три мира с их горами и водами.

Изображения фазана или петуха (с которыми, возможно, схожа вторая от дерева фигура) в среднеазиатском народном искусстве были рассмотрены Г.В. Григорьевым, который прежде всего подчеркивал солярную природу этого образа [14]. В этой же связи обычно рассматривается и образ хищной птицы, которую можно видеть в третьем изображении. Таким образом, две птицы, изображенные в профиль твердо соотносятся как композиционно, так и сюжетно с двумя светилами, обозначенными пятилепестковыми розетками. Остается объяснить, кем является ближайшее к дереву странное существо "птица-рыба" и что обозначает крестообразная фигура.

Определенное сходство с шаманской гагарой может указывать на то, что слева от дерева изображена водоплавающая птица. Ее роль в иранской мифологии особая. Согласно Д.С. Раевскому, в скифской иконографии она олицетворяет "смертный" мир, и вместе с тем связывает все три мира, как единственное существо, способное летать, ходить и плавать [15]. Подробно образ водоплавающей птицы в индо-иранской мифологии рассмотрен Ю.А. Рапопортом в статье, посвященной изображению фантастического гуся на хорезмийской фляге [16]. В нем автор видел олицетворение вселенной, авестийскую птицу Каршиптар.

В шаманской практике гагары, как существа, умеющие плавать и нырять, служат, прежде всего, для переправы через воды иного мира [17]. В христианских апокрифах "гоголь плавуц" - сатана, именующий себя богом [18].

Это позволяет предположить, что странная птица, напоминающая рыбу и изображенная как бы сверху, связана с подземными водами.

Исходя из того, что на нашем сосуде изображены птицы и светила трех миров, крестообразная фигура, соответствующая "птице-рыбе", возможно, обозначает светило нижнего мира. То, что третье светило, обозначенное иначе (крест, а не розетка), может объясняться архаическим представлением об "ином", "черном" солнце нижнего мира [19].

Возможен, однако, другой вариант толкования композиции на хуме из Джигербента. Он более тесно связан с мифологическими представлениями авестийского круга, что, пожалуй, делает его более убедительным.

Образы мифического дерева и двух птиц, связанных с ним, в индо-иранской мифологии восходят к глубокой древности. Уже в Ригведе упоминаются "два прекраснокрылых творения, держащихся у одного дерева" [20].

Авеста также упоминает о дереве птицы Сайны (позднее Сенмурв) и о птицах "святых, ученых", перенесших побеги Каота с горы Harati на другие вершины [21]. Э. Бенвенист считал, что эта мифологическая птица отождествляется с орлом.

Согласно зороастрийской традиции птица Сайна главенствует в небесах, тогда как Каршиптар - первая среди птиц земного мира.

В раннесредневековом сочинении авестийского круга сказано, что птица Сенмурв живет на дереве всех семян, исцеляющем от зла. Когда она взлетает, у дерева вырастает тысяча ветвей, когда же она спускается, то ломает тысячу ветвей и семена рассеиваются. Вторая птица, хамрош, находящаяся невдалеке, собирает упавшие семена. Тиштрия (звезда Сириус) выпивает воду с семенами и затем с дождем проливает их на землю [22].

"Древо всех семян" отождествляется с мифической белой Хаомой, растущей на горной вершине (Ясна, X, 3-5) посреди вод озера Ворукаша [23].

С водами озера Ворукаша и водной стихией вообще тесно связан Тиштрия. В Тиштр-Ясне он назван "таящий в себе семена вод". На берегу озера Ворукаша происходит его битва с дэвом Апоошей, в результате которой Тиштрия отгоняет демона от священных вод [24].

Озеро Ворукаша и дерево Хаома тесно связаны и с другими существами. В Бундахишне сказано: "Лягушка - творение Аримана, и одно из наиболее ненавистных. Ибо в озере Ворукаша она плавает вокруг белой Хаомы, дерева вечной жизни, стремясь подгрызть его, но богоподобная рыба Кар-маһе бдит и защищает дерево, куда бы не пыталась проскользнуть лягушка" [25]. О священной рыбе Кара говорится и в самой Авесте (Вендидат, XIX, 42).

Рыба в одной композиции с деревом и птицами встречены на цилиндрической печати с поселения бронзового века Таип-тепе 1 в южной Туркмении [26]. Отметим, что манера изображения рыб сопоставима со странным существом на хуме из Джигербента.

Интересно, что в Хорезме этнографами прослеживаются пережитки почитания рыб. Существовали водоемы со священными рыбами, чаще сазанами. Именно эта рыба считалась наделенной магическими свойствами, использовалась в шаманском ритуале. Почитался также осетр. ✓

Существовала легенда о гигантских рыбах, живущих в Аральском море. Г.Б. Снесарев связывает следы поклонения рыбе с мотивом поклонения священной рыбе Кара в Авестийской традиции [27].

В этой связи чрезвычайно заманчиво отождествить странное существо, изображенное на джигербентском хуме, с мифической священной рыбой Кара. В этом случае, симметричная ей крестообразная фигура вполне может являться знаком Тиштрии (звезды Сириус). Это вполне логично, так как и рыба Кара, и Тиштрия были тесно связаны с водной стихией и с озером Ворукаша.

Итак, композиция на хуме из Джигербента, возможно, передает следующий сюжет: изображено древо жизни, священное растение Хаома, стоящее на горе (напомним, дерево на сосуде изображено стоящим на вершине угла). Волнистый орнамент по плечикам хума, вероятно, символизирует небесные воды. Две птицы, изображенные в профиль - это две птицы, традиционно связанные с деревом жизни в авестийской традиции в варианте Меноке-Храд (Сенмурв и Хамрош). Они соотносятся с двумя светилами, изображенными в виде розеток. Очевидно, это солнце и луна. И, наконец, ближе всего к дереву изображены рыба Кара и Тиштрия.

Если наша интерпретация верна, то на хуме из Джигербента изображена космологическая композиция, отражающая представления авестийского круга, подобные изложенным в сочинениях VIII-IX вв. Бундахишн и Меноке-Хард, возможно, слившиеся с местными доисламскими верованиями. При этом следует отметить, что в X в. в районе Джигербента определенная группа населения продолжала сохранять прежние верования. Об этом свидетельствует найденное там же святилище огнепоклонников.

1. Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Следы почитания огня в средневековом Хорезмском городе. // Этнография Средней Азии. М., 1979, с. 105.

2. Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.). // ТХАЭЭ, т. IV. М., 1959, с. 273-274.
3. Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX - первой половины XX вв. Л., 1970, с. 216-219, рис. 197; Оборин В. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976, табл. 9, 10.
4. Винклер П.П. Объяснение к таблице "Главнейшие типы геральдических крестов". // Энциклопедический словарь, изд. Ф.А. Брокгауза, И.А. Эфрона, т. XVIa (32). Спб., 1895, с. 656-657, рис. 34, 35.
5. Этой теме посвящено множество работ. Обобщающая концепция дана в статьях: Топоров В.Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией "мирового дерева". // Труды по знаковым системам, т. 5, Тарту, 1971; Он же. Из позднейшей истории схемы мирового дерева. // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973. Подробная сводка литературы приведена в статье: Древо мировое. // Мифы народов мира. Энциклопедия, т.1. М., 1980.
6. Viennot O. Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. Paris, 1954, p. 34.
7. Хлопин И.Н. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Туркмении. // КСИА, М., 1962, № 91, с. 14-21; Даркевич В.Б. Символы небесных светил в орнаментике Древней Руси. // СА, М., 1960, № 4, с. 57-58.
8. Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Указ. соч., с. 106, 109.
9. Ремпель Л.И. Каменный сосуд из Турткуль-тепе. // Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. Ташкент, 1983, с. 169-176.
10. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Самаркандские очажки. // Из истории искусства великого города. Ташкент, 1972, с. 207-208.
11. Там же, с. 210, рис. 16.
12. Раевский Д.С. О семантике одного из образов скифского искусства. // Новое в археологии. М., 1972, с. 68.

13. Птицы, как известно, с древности являются солярными символами. См.: *Symbols of prehistoric Mesopotamia*. New Haven and London, 1963, p. 4,9,27. Образ двух птиц, изображенных рядом с деревом, прямо соотносится с луной и солнцем. См.: Иванов В.В., Топоров В.Н. Птицы. // Мифы народов мира. Энциклопедия, т. 2. М., 1982, с. 346.
14. Григорьев Г.В. К истории народного узора Востока. М., 1937, с. 121-142.
15. Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 59-60.
16. Рапопорт Ю.Н. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах. // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с. 58-70.
17. Иванов С.В. Указ. соч., с. 216.
18. Раевский Д.С. Очерки идеологии..., с. 184, прил. 26.
19. Топоров В.Н. Солярные мифы. // Мифы народов мира. Энциклопедия, т. 2. М., 1982, с. 462.
20. *Rig-Veda*, I, 164,20. Ригведа / перевод Т.Я.Елизаренковой. М., 1989, с. 202.
21. Benvenist E. Les noms de "l'oiseau" en iranien. // *Paidenma*, Wiesbaden, 1960, Bd. VII, Heft 4\6, S. 193.
22. SBE, vol. XXIV, Pahlavi Text. Part 3. Dina-i Mainigr-i Khirad. Transl. by West E.M. Oxford, 1885, p. 85.
23. Из истории таджикской и персидской литературы. /Пер. Брагинского И.С./ М., 1972, с. 54.
24. Там же, с. 71-72.
25. SBE, vol. V, Pahlavi Text. Part 1. The Bundahis, Bochman jast anal Shayast La-Shayast. Oxford, 1880, p. 59.
26. Масимов И.С. Новые находки печати эпохи бронзы с низовий Мургаба. // СА, 1981, № 2, с. 142, рис. 8; Ремпель Л.И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987, с. 31-32, рис. 8г.

27. Снесарев Г.Б. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1959, с. 325-326.

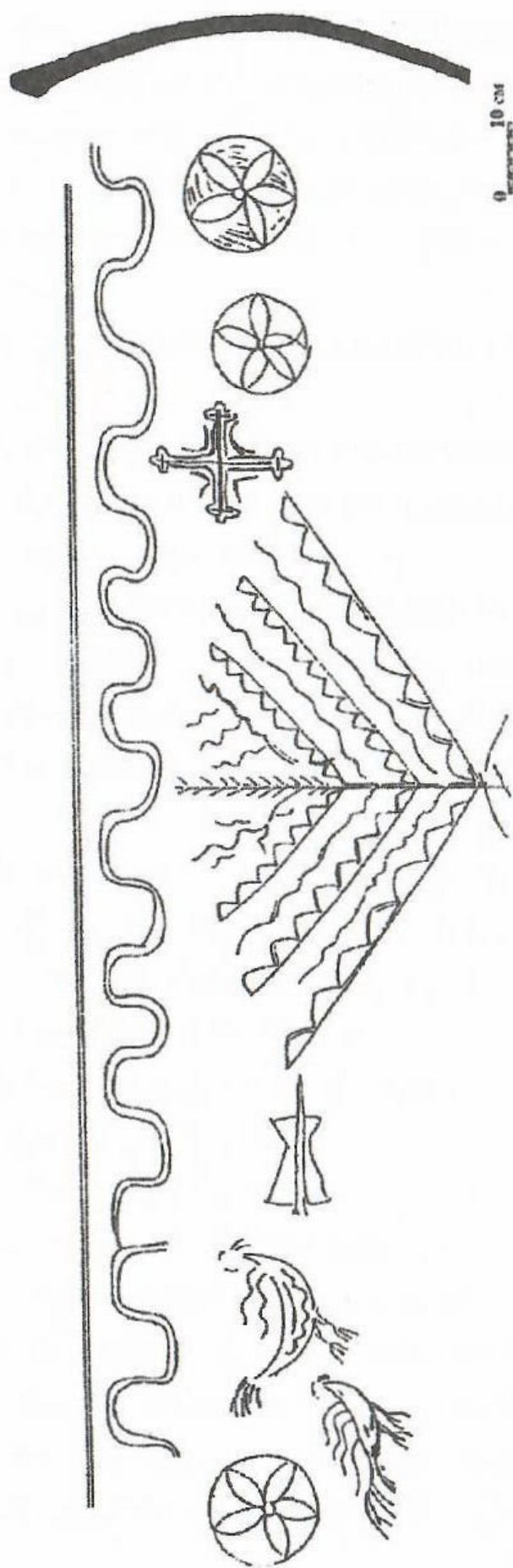

Рис. 1 Развертка изображения и профиль хума из Джингербента

**Фрагмент сюжетной живописи конца XII - начала XIII вв.
из цитадели Самарканда**

Монументальная сюжетная живопись в изобразительном искусстве Востока X-XIII вв. довольно широко известна по письменным источникам и археологическим памятникам Газневидского и Сельджукидского Ирана [1]. Сюжетом настенной живописи, как правило, являлись подвиги легендарных героев и придворные сцены. Известны многофигурные композиции, украшавшие интерьеры дворца Лашкари-Базар Махмуда Газневида (X-XI вв.) [2], дворца правителя Хутталя (X-XI вв.) [3] и дворцы правителей Сельджукидского Ирана (XI- нач. XIII вв.) [4]. До середины 80-х годов сюжетная живопись была неизвестна в археологических памятниках Мавераннахра.

В 1985 г. на цитадели Афрасиаб - городище домонгольского Самарканда - был найден фрагмент штукатурки (размер 16x10 см), на котором сохранилось изображение женской фигуры (рис.1) [5]. Фрагмент обнаружен при исследовании северо-западного фаса крепостных стен замковой части цитадели (построенных между 1212 и 1220 гг.) среди кусков штукатурки, залежавших пластом в пахсе стены на глубине 6 м от современной поверхности.

Живопись нанесена на беловую алебастровую штукатурку толщиной 0,2-0,3 см, основой для которой служила саманная, толщиной 2 см. Контурный рисунок первоначально набрасывался красной линией, а затем подправлялся черной. Изображение женщины восстанавливается в следующих деталях: корпус и голова повернуты вправо на три четверти, правая рука сильно согнута в локте перед грудью (возможно, в таком же положении была и левая рука). Голова выделена нимбом, начало которого видно над правым плечом. Головной убор обозначен полосой позолоты. Волосы, разделенные на прямой пробор, обрамляют лоб и, прикрывая уши,

косами опускаются на плечи. Крупное лицо с тяжелым подбородком слегка приподнято, взгляд устремлен в сторону, немного вверх. Широкие брови подтреугольной формы соединяются над переносицей тонкой полосой. Разрез миндалевидных глаз удлинён черной линией, доходящей до виска. Над глазами разбеленной красной линией выделено веко. Под крупным крючковатым носом расположен маленький рот с пухлой нижней губой. Женщина одета в платье голубого цвета с круглым вырезом у шеи. Свободный рукав у запястья собран в мягкие складки, очерченные черным цветом, а на плече украшен полосой позолоты, на фоне которой в рамке помещен черный орнамент "ислими", очевидно, имитирующий вышивку. Это свободное платье напоминает одежду типичного аббасидского покроя, отмеченного В.А. Крачковской на иракских миниатюрах в рукописи "Макамат" аль Харири начала XIII в. и в "Книге противоядий" конца XII в. [6]. В технике миниатюры иракской школы начала XIII в. смоделирована фигура женщины: интенсивно синим цветом передана глубина складок, а рука и грудь высветлены [7]. Много общего в трактовке лица, фигуры и одежды с персонажами сюжетных сцен на дорожной посуде типа "люстр" и "минаи", а также и на иранских люстровых изразцах XII-XIII вв. Такая посуда и изразцы открыты на многих городищах Средней Азии. На обычной глазурованной керамике антропоморфные изображения достаточно редки, и, видимо, являются подражанием более дорогим образцам [8].

На других фрагментах штукатурки сохранились детали более крупных изображений синего и красного цвета, значительно украшенных золотыми разводами. Скорее всего, остатки живописи составляли сложную многофигурную композицию, подобную композиции из росписей дворца в Саве (XII - нач. XIII вв.) [9], где на одном из фрагментов высотой 61 см представлен эпизод из "Шах-наме" - "Бижан в плену у Афрасиаба". В верхнем ярусе изображен правитель на троне и придворные, а в нижнем - стражи, ведущие полуобнаженного пленника. Головы фигур верхнего ряда выделены светлым нимбом. Свободный фон заполнен мелкими растительными побегами, составляющими "ковровый" орнамент. На нашем

фрагменте за плечом женщины также видны линии от орнамента. Несомненно, что самаркандский фрагмент принадлежит к кругу известных образцов настенной живописи и прикладного искусства Востока XII-XIII вв., выполненных в так называемом "монументальном стиле" [10].

Для того, чтобы датировать точнее самаркандскую живопись, необходимо напомнить археологическую ситуацию на цитадели, которая отразила в какой-то мере сложную политическую обстановку в государстве Караханидов, образовавшемся в Азии на рубеже X и XI вв.

Слои XI-XII вв. на цитадели практически уничтожены в результате активной строительной деятельности правителей Самарканда, которые разрушали до основания здания своих предшественников, бывших порою их врагами, а на старых фундаментах возводили свои дворцы. Последние, в свою очередь, погибли при разграблении города армией Чингиз-хана в 1220 г., а затем их остатки были разобраны на кирпичи для строительства Тимуридского Самарканда. Археологическими работами на цитадели Афрасиаба под завалами выявлены только отдельные участки цокольных частей стен, а чаще их следы, участки вымощенных полов, а в ямах - большое количество строительного боя [11]. Судя по большому количеству жженных кирпичей, скрепленных алебастровым раствором, фигурным кирпичам и резным терракотовым плиткам, а также декоративным кирпичам с голубой, белой и марганцевой глазурью, фрагментам решеток-"панджара" из раскрашенного ганча со вставками из марганцевого, красного, синего и желтого стекла и кусочкам резной и раскрашенной глины - здания на цитадели отличались богатой отделкой интерьеров и фасадов. На сегодняшний день восстановить планировку какого-либо периода не представляется возможным.

Первое крупное строительство в Самарканде при Караханидах засвидетельствовано лишь во второй половине XI в., когда после междоусобных войн государство разделяется на Восточный и Западный каганаты. Столицей Западного каганата вплоть до его падения в 1212 г. становится Самарканд. Сильное централизованное правление первого

западного кагана Ибрагима Тамгач-хана (1039/40-1068 гг.) ознаменовано крупным строительством общественных и дворцовых зданий [12]. Так, в городе при нем были построены медресе и госпиталь [13], реконструирована Большая Соборная мечеть [14], на цитадели, стоявшей в запустении при Саманидах, реконструируются крепостные стены [15]. Внутри цитадели строится монументальное здание, фундаменты которого фиксируются в северо-западной половине верхней площадки цитадели [16].

В XII в. эти здания разрушаются и кирпичи активно используются при новом строительстве на цитадели. Глазурованный обкладной кирпич вторично применяется для вымостки полов в северо-западной части, а в южной части - укрепляется ложе сливной кубурной системы "домашней" бани. Стены ее длинного коридора были окрашены ярко-желтой краской [17]. Вероятно, прямое отношение к украшению бани имеет живопись на кусках кыровых штукатурок (прослежено до 10 ремонтных водонепроницаемых обмазок), которые обнаружены в пахсе последней стены, здесь же на южном фасае [18]. Живопись другого характера, чем упомянутый фрагмент: крупный рисунок в виде "чешуи" и "крыльев" нанесен на белый фон широкой контурной линией черного, желтого и синего цвета. Очевидно, что баня и зал, который украшала сюжетная живопись, входили в комплекс внутренней застройки цитадели замковой части перед самым ее разрушением. Строительство комплекса, скорее всего, было возможно лишь во времена правления Ибрагима ибн Хусейна (1179-1208 гг.). По сообщению Мухаммада Ауфи (XII - нач. XIII вв.), он выстроил в квартале Гурджмин великолепный дворец, который должен был напоминать потомству "о славе хана, как Фаросский маяк о славе Александра Македонского, а дворец Так-Кесра о славе Хосрова Ануширвана" [19]. отождествление этого дворца с архитектурными остатками на цитадели, как в свое время считал М.Н. Федоров [20], на наш взгляд, совсем не обосновано. Во-первых, мы не знаем, в какой части города располагался квартал Гурджмин, а во-вторых, цитадель не могла

являться составной частью какого-либо квартала. В любом случае, сооружение, от которого до нас сохранились лишь кирпичные развалы и фрагменты декоративного убранства, являлось парадным зданием цитадели представителей династии Караханидов.

У наследника Ибрахима ибн Хусейна - Османа - за время его недолгого и довольно беспокойного правления (1208-1212 гг.) вряд ли была возможность для большого строительства, хотя нельзя исключить реконструкцию старых интерьеров.

В 1212 г. цитадель дважды становится объектом штурма. Во время восстания, поднятого по приказу Османа против хорезмийцев, в стенах цитадели укрывается его жена Хан-Султан, дочь Мухаммада Хорезмшаха. Спустя какое-то время в цитадели, по Ибн-ал Асиру, уже спасается сам Осман во время разграбления Самарканда войсками Хорезмшаха [21]. По Джувейни - "Хорезмшах хотел пощадить Османа, но его дочь не согласилась простить своего мужа и Осман в следующую ночь был казнен" [22]. Мухаммад, стремясь прославиться в памяти потомков и уничтожить былую славу Караханидов, приступил к большому строительству в городе. Цитадель укрепляется новой стеной и одновременно разрушается старое здание внутри. Строительный бой, а вместе с ним и штукатурка с живописью сбрасываются вниз на площадки, где укладываются пласты пахсы оборонительной стены.

Таким образом, верхняя дата живописи определяется довольно точно - первая половина 10-х годов XIII в. Нижнюю дату, учитывая недостаточность археологических и письменных источников, мы предлагаем считать условно - последняя треть XII в.

1. Сводка письменных источников о настенной живописи в период ислама, а также освещение вопроса изобразительного искусства в исламе подробно изложены О.Г. Большаковым и Б.В.Веймарном. (О.Г. Большаков. Ислам и изобразительное искусство. // Культура и

- искусство народов Востока, ТГЭ, т.Х. Л., 1969, с. 142; Веймарн Б.В. Искусство арабских стран и Ирана в VII-XVIII вв. М., 1974, с. 11-13).
2. Пугаченкова Г.А. Искусство Афганистана. Три этюда. М., 1963, с. 119-124.
 3. Гулямова Э. Раскопки средневековых городищ Хульбук и Сайед (1978 г.). // АРТ, т. XVIII. Душанбе, 1984, с. 194-205.
 4. Веймарн Б.В. Указ.соч., илл. 9.
 5. Впервые северо-западную башню исследовал М. Пачос в 1963 г., который и обнаружил куски штукатурки с росписью. (См. Пачос М. К изучению стен городища Афрасиаб. // СА, № 1. М., 1967, с. 29-31). В 1985 г. извлечение живописи из плотного пахсового слоя и ее дальнейшая консервация выполнены сотрудниками отдела химико-технологических исследований.
 6. Крачковская В.А. Миниатюры "Макамат" аль Харири Ленинградской рукописи С.23 Института Азии АН СССР. // Филология стран Востока. Ученые записки ЛГУ, 306, серия востоковедческих наук, Л., 1962, вып. 16, с. 171-175.
 7. Веймарн Б.В. Указ. соч., с. 54, илл. 34-29.
 8. Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда второй половины VIII-начала XIII вв. Ташкент, 1979, с.60, табл. LXXV; Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII вв. Ташкент, 1986, табл. 45 (1).
 9. Веймарн Б.В. Указ.соч., с. 93.
 10. Ремпель Л.И. Эпос в живописи Средней Азии. // Из истории живописи Средней Азии. Ташкент, 1984, с. 10-11.
 11. Первые археологические работы на цитадели Афрасиаба производились еще в 70-х годах XIX в. и в начале XX в., но, к сожалению, фиксации верхних слоев не уделялось должного внимания.
 12. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения, т.1. М., 1963, с. 378.

13. Немцева Н.В. Медресе Томгач Богра-хана в Самарканде (из археологических работ в ансамбле Шахи-Зинда). // Афрасиаб, в. 4. Ташкент, 1975, с. 99-143.
14. Буряков Ю.Ф., Садиев М., Федоров М.Н. Соборная мечеть Самарканда в XI - начале XIII вв. // Афрасиаб, в. 4. Ташкент, 1975, с. 69-77.
15. Иневаткина О.Н. Археологические работы на цитадели Афрасиаба (1977-1979 гг.). // ИМКУз, в. 18. Ташкент, 1983, с. 89-90.
16. Раскопки автора 1985 г. См. также: Гулямов Я. Г., Буряков Ю.Ф. Новые данные по истории древнего Самарканда. // ОНУз, № 9. Ташкент, 1971, с., 71; Пачос М. Указ. соч., с. 68-69.
17. Впервые этот участок исследовался Ш.С. Ташходжаевым (см. Буряков Ю.Ф., Ташходжаев Ш.С. Историческая топография Самарканда XI - начала XIII вв. // Афрасиаб, в. 4. Ташкент, 1975, с. 10-11). Ими была расчищена группа парадных помещений XII в. с обводным коридором, с настенной "полихромной живописью с жанровыми сценами". Очевидно, сообщение о жанровой живописи ошибочно, так как живопись сохранилась в мелких фрагментах с неопределенным сюжетом. В 1984-1985 гг. автор продолжил исследование южной части цитадели. Толстые кыровые штукатурки в помещениях и продуманная канализационная система позволяют предполагать более прозаичное назначение помещений.
18. Иневаткина О.Н. Указ.соч., с. 82-84.
19. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху..., с. 378.
20. Федоров М.Н. К вопросу о последнем караханидском дворце на Афрасиабе. // СА, № 3. М., 1965, с. 239-241
21. Бартольд В.В. Указ.соч., с. 430.
22. Там же, с .431.

Рис. 1 Фрагмент живописи из цитадели Афрасиаба

“Усыпальница I” – некрополь мусульман Каракорума

В 1949 г. во время топографической съемки городища Каракорум С.В. Киселев обнаружил за северо-западным углом его вала некие археологические объекты, которые он на плане отметил овальными насыпями (рис.1) [1]. Двадцать лет спустя, посетивший городище В.Е. Ларичев принял их за остатки редутов, которые “прикрывали основную часть города в том случае, если враги захватывали крепостной вал” [2]. В 1978-1980 гг. в северной части древнего города проводил археологические исследования Каракорумский отряд Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции, руководимый Н. Сэр-Оджавом [3].

Ровная степная поверхность за пределами городского вала на участке в несколько гектаров покрыта многочисленными низкими искусственными возвышенностями разных форм и размеров – в виде отдельных бугорков, продолговатых насыпей, прямоугольных замкнутых валов с плоскими возвышенностями в центре. Они расположены довольно тесно относительно друг друга, без какой-либо определенной системы. Для раскопок был выбран один из наиболее приметных объектов, находившийся в 80 м к северу от северо-западного угла земляного вала. В результате трехлетних работ здесь был открыт большой некрополь средневековой столицы Монгольской империи. Этот первый и до сих пор единственный мусульманский погребальный комплекс на территории Северной Монголии получил условное название “Усыпальница I” [4; 5; 6].

Описание внешнего вида могильника и раскопов.

Некрополь занимал невысокую уплощенную возвышенность подпрямоугольной формы, ограниченную по периметру валом. Размеры холма по внешним границам замкнутого вала с севера на юг составляли 33,5 м, с востока на запад – 37,5 м, ширина вала равнялась 6-8 м, высота – 0,15-0,30 м. В центре прямоугольной площадки находилась плоская

овальная насыпь размерами 13x15 м и высотой до 0,43 м. Поверхность была слабо задернована, в невысокой траве в разных местах выступали обломки кирпичей и черепицы.

Поначалу памятник был прорезан крестообразными траншеями длиной 38 м с севера на юг и 43 м с востока на запад, шириной 2 м каждая. Стратиграфия показала, что толщина дернового слоя равнялась 5-10 см, ниже шел слой щебня мощностью до 1-1,3 м, в котором располагалась основная часть погребений. Щебень плотно слежался в верхней части, но оказался довольно рыхлым в нижней, что во многом затрудняло расчистку деревянных конструкций могил и скелетов. Под ним находился подстилающий тонкий щебнисто-песчаный слой, который, в свою очередь, перекрывал материк, состоящий из мелкого булыжника, гальки и гравия, перемешанных с песком и суглинком (рис.2).

В 1978 г. после раскопок траншей работы сосредоточились в юго-восточном секторе памятника с погребениями №№ 1-19. В 1979 г. была раскопана почти вся восточная половина объекта с погребениями №№ 20-33 и длинной полосой из строительных обломков в северо-восточном секторе. В 1980 г. работы проводились в западной половине памятника, где были найдены погребения №№ 34-37, непонятный объект, напоминающий желоб, несколько небольших развалов из обломков кирпичей и черепицы, а в северо-западном секторе – большая и довольно хорошо сохранившаяся выкладка (рис.3, 1,2). По всей видимости, эти развалы и выкладки являются наземными перекрытиями нераскопанных могил.

Судя по плотности захоронений в раскопанной части юго-восточного сектора, можно предположить, что всего в "Усыпальнице I" были погребены останки людей, по меньшей мере, в 2 раза превышающие количество открытых Каракорумским отрядом погребений. При общей площади могильника, равной примерно 1300 кв. м, до материка исследовано только около половины, отдельные квадраты выбраны на глубину от 0,2 до 0,7 м, а некоторая часть осталась нетронутой раскопками.

подавляющее большинство могил расположено в пределах окружающего центрального погребения вала (рис.2).

Описание могил.

Погребение 1. Расположено в самом центре памятника на пересечении стратиграфических траншей (рис.2). Это самая большая, самая глубокая и конструктивно самая сложная из всех исследованных могил данного некрополя. Для нее была выкопана яма по оси север-юг, глубиной 1,40-1,45 м от современной поверхности, длиной 3,2 м и шириной 1,8 м. Поскольку дно могильной ямы оказалось неровным, вдоль ее восточного борта строителям пришлось уложить деревянный опорный брус длиной 3,02 м, после чего в яме был установлен сруб из лиственничных брусьев (рис.4, 4,5).

Пол сруба (3x1,6 м) состоял из 20 поперечных досок длиной 1,6 м, толщиной 6-7 см каждая. По продольным сторонам пола, в торцевых частях досок вырублены пазы, куда вставлялись нижние звенья боковых стенок сруба. Ширина пазов 13-14 см, глубина 2-3 см, расстояние от краев досок до пазов 15-16 см. В стенках сруба было по 6 венцов, перевязанных в углах «в лапу». Брусья торцевых стенок имели длину 1,3 м и размеры поперечника 9x9 см. Внутреннее пространство сруба равнялось 2,72x1,04x0,65 м. Перекрытие состояло из 13 поперечных досок длиной 1,55 м, шириной 20-22 см и толщиной 4-6 см. Все они прогнулись вовнутрь и сломаны посередине, на трех досках в юго-восточном углу сохранились остатки травяной циновки, которая, очевидно, прежде покрывала весь сруб (рис.4,1).

Внутри него находился дощатый гроб очень плохой сохранности, крышку и пол которого составляли пары лиственничных досок шириной до 0,32 м каждая, а боковые и торцевые стенки - одинарные. Верхние, нижние и боковые доски были прибиты к торцевым железными коваными гвоздями. Размеры хорошо сохранившейся южной торцевой стенки равнялись: ширина 0,7 м, высота 0,26 м, толщина 7 см. Гроб был установлен таким образом, что в южной части сруба осталось свободное

пространство; внутренние размеры гроба 2,2x0,6x0,26 м. Его глубина от поверхности земли 1,32 м. (рис.4,2).

В гробу был захоронен мужчина старше 55 лет, лежавший вытянуто на спине, головой к северу, лицом на запад. Скелет сильно поврежден - череп раздавлен, многие кости оказались вдавленными в полусгнившие доски дна гроба, мелкие кости стоп перемещены грызунами; сохранившаяся длина костяка - 1,64-1,70 м. (рис.4,3). Под правой рукой и спиной умершего сохранились обрывки шелковой ткани зеленоватого цвета, а у голени правой ноги найден небольшой обломок венчика кухонного сосуда, сероватого снаружи и черного внутри, попавший в могилу случайно.

От надземного оформления собственно могилы ничего не сохранилось. Однако удалось установить, что когда-то ее окружала прямоугольная в плане стена со входом с южной стороны (?), внутреннее пространство которой было выложено керамическими плитами. От стены сохранился глинобитный фундамент с отпечатками кирпичей, а в ряде случаев *in situ* найдены целые кирпичи нижнего ряда кладки. Все они серого цвета (размеры: 29-30x14-15x4,5-5 см) и были уложены в два ряда торцевыми сторонами друг к другу. Длина восточной и западной стен равнялась 8 м, северной и южной - 9 м. По нашим расчетам, высота ограды составляла не менее 2 м, толщина - 0,6 м; поверх стены было уложено двускатное покрытие из черепицы двух типов - нижних широких желобов с отливами-«воротничками» на свесах и верхних полуцилиндров с налипными дисками-антефиксами, украшенными рельефными изображениями бородатых личин (рис.4,6) [5].

Кладка стен осуществлялась на известковом растворе, а по окончании строительства они были побелены изнутри и снаружи. Для гашения извести и приготовления растворов использовалась специальная яма №1 (2,15x1,80x0,45-0,50 м, глубина от поверхности земли 1,5 м), располагавшаяся в 4 м к югу от погребения 1 (рис.2). По окончании работ весь строительный мусор был сброшен в эту яму, которую затем засыпали щебнем вровень с окружающей поверхностью.

Погребение 2. Расположено в 0,25 м к югу от юго-восточной части ограды погребения 1. Грунтовая яма (глубина 0,45 м от поверхности) ориентирована по оси север-юг. На дне могильной ямы без гроба был захоронен ребенок 6-7 лет, лежавший вытянуто на спине, головой к северу, лицом на запад, кисть левой руки находилась на бедре, кости стоп не сохранились. Длина скелета 0,98-1,0 м. (рис. 5,1). Возле голени правой ноги найден железный стерженек, случайно сюда попавший при засыпке могилы. Такого рода стержни часто встречаются среди подъемного материала и могильного инвентаря Каракорума [7].

Погребение 3. Расположено в 2,25 м к югу от погребения 2 на восточном борту известковой ямы, на глубине 1,0 м от поверхности земли. Как и предыдущее, оно совершено в грунтовой яме без гроба. В могиле, ориентированной по оси север-юг, был захоронен мужчина 20-35 лет монголоидного расового типа [8]. Он лежал вытянуто на спине, головой к северу, лицом на запад, кисть правой руки находилась под тазом. На правом предплечье сохранилась часть доски длиной 0,75 м, возможно, оставшаяся от несохранившегося перекрытия могилы. Длина скелета 1,60 м (рис. 5,2).

Погребение 4. Расположено в 0,84 м к востоку от погребения 3. Могильная яма (глубина 1,0 м) и гроб без пола ориентированы по оси север-юг. Гроб трапециевидной формы состоял из четырех досок, приставленных друг к другу без применения гвоздей. Северная торцевая доска сохранилась очень хорошо и была взята в археологическую коллекцию Института истории Монголии. Ее ширина по верхнему краю равна 0,45 м, по нижнему - 0,31 м, высота - 0,27 м, толщина - 4,5 см, в верхней части по краям имелись выступы длиной по 3 см. Выступы южной стенки не сохранились; ее ширина 0,26 м, высота 0,23 м, толщина 3 см. Боковые доски, длиной 1,36 м, высотой 0,20 м, толщиной 2 см были прислонены к торцевым и выступали за них на 2-3 см. Перекрытие не сохранилось, но скорее всего, оно состояло из нескольких тонких поперечных дощечек. Глубина верхней части гроба 0,77 м. В нем был

захоронен ребенок 7-8 лет, лежавший на спине, головой к северу, лицом на запад, кисть левой руки под тазом, правая нога слегка согнута. Длина скелета 1,0 м (рис.5,3).

Погребение 5. Расположено в 0,55 м к востоку от погребения 4. Скелет ребенка до 2 лет лежал в грунтовой яме без гроба на глубине 0,75 м. Пол и стенки могильной ямы обмазаны тонким слоем глины, длина могильной ямы 0,73 м, ширина - 0,28 м, глубина 0,20 м. Умерший лежал на правом боку, головой к северу, лицом на запад, кисть левой руки находилась под тазом, ноги согнуты в коленях. Длина скелета 0,60-0,65 м. Перекрытие могилы (глубина 0,55 м) состояло из двух продольных досок длиной 0,8, шириной 0,14 м и толщиной 2 см, лежавших концами на двух поперечных дощечках в головах и ногах погребенного (рис.5,6).

Погребение 6. Расположено в 0,1 м к востоку от погребения 5. Могильная яма длиной 1,9 м, шириной 0,6 м и глубиной 1,3 м ориентирована по оси север-юг. На дне ямы, обмазанной тонким слоем глины, находился гроб из очень плохо сохранившихся лиственничных досок. В нем была похоронена женщина 20-35 лет монголоидного расового типа, лежавшая у восточной стенки на правом боку, головой к северу, лицом на запад, руки сложены на животе (правая поверх левой). Перекрытие имело не совсем обычную форму. В его северной части лежало пять поперечных дощечек длиной 0,75 м и шириной 0,11-0,12 м, а от середины груди умершей - 3 продольные доски шириной по 0,25 м, которые лежали на трех поперечных дощечках и были прибиты к ним железными гвоздями. (рис.5,4). Длина перекрытия 2,1 м, ширина около 0,8 м, толщина всех досок 5-7 см.

Погребение 7. Расположено в 0,15 м к юго-востоку от погребения 6. На глубине 0,58 м находилась верхняя часть гроба, ориентированного с ССВ на ЮЮЗ, длиной 0,60-0,65 м и шириной около 0,25 м. Он был перекрыт несколькими поперечными дощечками шириной 5 см и толщиной 0,5 см, довольно плохо сохранившимися. В гробу (глубина дна 0,76 м) был захоронен новорожденный младенец, лежавший возле восточной стенки на

правом боку, головой на север, лицом на запад, ноги полусогнуты, правая рука вытянута, левая поверх правой. Длина скелета 0,40-0,45 м. (рис. 5,8).

Погребение 8. Расположено в 0,75 м к востоку от погребения 6. Могильная яма, глубиной 0,93 м, ориентирована по оси С-Ю. Гроб из дощечек толщиной 1-1,5 см имел форму вытянутой трапеции. Ширина северной доски 0,38-0,40 м, южной - 0,26-0,30 м. Боковые стенки составлены из двух пар досок, поставленных ребрами одна на другую, длиной 1,22 м и шириной 7-8 см. Перекрытие (глубина 0,58 м) образовывали 6-7 поперечных дощечек шириной около 20 см каждая. В гробу был захоронен ребенок 4 лет, лежавший возле восточной стенки головой к северу, лицом на запад, кисть левой руки находилась на бедре. Длина скелета 0,80 м. (рис.5,7).

Погребение 9. Расположено в 0,5 м к востоку от погребения 8. Могильная яма глубиной 0,98 м и гроб ориентированы с севера на юг с небольшими отклонениями к востоку и западу. Торцевые доски гроба - ширина северной 0,56 м, южной - 0,42 м, высота соответственно - 0,30 и 0,28 м, толщина 2,5 см - имели боковые выступы сверху длиной по 5 см. Боковые доски разрушены в зыбком грунте. Длина гроба 1,95 м. Перекрытие длиной 2,1 м и шириной 0,70 м состояло из 15 поперечных дощечек шириной 14 см каждая. В гробу похоронен мужчина 35-55 лет смешанного европеоидно-монголоидного типа [9], лежавший у восточной стенки головой к северу, лицом на запад, правая рука вытянута, левая согнута в локте и кисть покоилась на правом бедре, пальцы обеих рук соприкасались. Длина скелета 1,50-1,55 м. (рис.5,4).

Погребение 10. Расположено в 0,60 м к востоку от погребения 9. Могильная яма, глубиной 1,35 м, и гроб ориентированы по оси север-юг. Торцевые стенки с выступами сверху имели ширину 0,60 м (северная) и 0,52 м (южная), высота обеих около 0,40 м. Продольная западная стенка почти не сохранилась, а восточная состояла из двух поставленных ребрами друг на друга досок длиной 1,9 и шириной 0,18 и 0,22 м, концы которых выступали за торцевые на 2-3 см. Перекрытие (глубина 0,93-0,95

м) состояло из 13-14 поперечных дощечек длиной 0,60-0,65 м, шириной 0,15-0,16 м и толщиной 1,5 см. В гробу была захоронена женщина 20-35 лет монголоидного расового типа, лежавшая у восточной стенки вытянуто на спине, головой к северу, лицом на запад, кисть левой руки на бедре. Длина скелета 1,43-1,47 м. (рис.6,1).

Погребение 11. Расположено в 7,15 м к востоку от погребения 10. Могильная яма глубиной 1,40 м и гроб ориентированы на ССВ-ЮЮЗ. У его северной стенки сверху сохранились боковые выступы длиной по 5 см, размеры северной доски 0,60х0,30 м, южной - 0,40х0,27 м. Боковые доски сохранились плохо. Перекрытие (глубина 1,10 м) состояло из 13 поперечных дощечек шириной 0,16-0,17 м и толщиной 1,5-2 см. На досках перекрытия в северной части сохранились остатки травяной циновки. В гробу захоронена женщина 20-35 лет, расовый тип которой не определен. Она лежала вытянуто на правом боку у восточной стенки, головой к северу, лицом на запад, кисть левой руки находилась на бедре. Позвоночник сильно искривлен и в этом состоянии длина скелета равнялась 1,46-1,50 м (рис.6,2).

Погребение 12. Расположено в 1,0 м к юго-востоку от погребения 11. Могильная яма глубиной около 0,5 м и гроб ориентированы на ССВ-ЮЮЗ. Западная и южная стенки повреждены, длина восточной 0,80 м. Северная торцевая доска с боковыми выступами имела ширину 0,30 м и высоту 0,14 м. Перекрытие (глубина 0,36 м) состояло из 2 продольных досок шириной 0,15-0,16 м и толщиной 1-1,5 см. В гробу был захоронен ребенок около 2 лет, лежавший на правом боку у восточной стенки, головой к северу, лицом на запад, руки вытянуты, ноги полусогнуты. Длина скелета 0,69 м (рис.6,4). При расчистке в засыпи могилы найдено несколько угольков.

Погребение 13. Расположено в 0,10 м к юго-востоку от погребения 12 на глубине 0,35 м от поверхности земли. Между ними лежали целый кирпич и череп собаки. Длина гроба 0,74 м, ширина в северной части 0,30 м, в южной - 0,26 м. Перекрытие состояло из 2 продольных дощечек длиной 0,78 м и шириной до 0,14 м. Внутри захоронен ребенок около 6 месяцев,

лежавший на спине, головой к северу, лицом на запад, кисти обеих рук находились на бедрах, правая нога вытянута, левая - полусогнута. Длина скелета около 0,50 м (рис.6,7).

Погребение 14. Расположено в 2,5 м к юго-востоку от погребения 10. Могильная яма глубиной 1,50 м и гроб ориентированы на ССВ-ЮЮЗ. Его торцевые доски с боковыми выступами длиной по 3 см имели следующие размеры: ширину 0,36 м (северная) и 0,33 м (южная), высоту соответственно 0,26 и 0,23 м, толщину 4 см. Перекрытие (глубина 0,80 м) состояло из 7 поперечных дощечек шириной по 0,16 м. Общая длина перекрытия 1,12 м, ширина до 0,40 м. В гробу захоронен ребенок до 1 года, лежавший вытянуто на спине, головой к северу, лицом на запад, кисть левой руки находилась на бедре. Длина скелета 0,60 м (рис.6,8).

Погребение 15. Расположено в 0,25 м к западу от погребения 14. Могильная яма глубиной 1,30 м с невысокими заплечиками у дна ориентирована по оси север-юг. На заплечиках стоял сруб в три венца из квадратных в сечении брусьев, соединенных в углах «в лапу». Длина боковых продольных брусьев 2,20 м, торцевых северных - 0,85 м, южных - 0,70 м, размеры поперечников 8x8 см. Перекрытие (глубина 0,90 м) состояло из поперечных дощечек, почти полностью истлевших; его длина 2,15 м, ширина - от 0,87 до 0,73 м. На дне узкой ямы в центре сруба была захоронена женщина 20-35 лет, расовый тип которой не определен. Она лежала у восточной стенки на правом боку, головой к северу, лицом на запад, кисть левой руки на правом бедре, ноги согнуты в коленях. Длина скелета 1,55-1,60 м (рис.6,3).

Погребение 16. Расположено рядом с погребением 15, у его северо-западного угла. Глубина могильной ямы на уровне верхних венцов соседнего сруба. Захоронение новорожденного младенца почти полностью разрушено. Сохранилась только часть восточной доски гроба длиной 0,43 м, фрагменты черепа, несколько ребер и локтевая кость левой руки. Судя по этим остаткам, умерший был ориентирован головой к северу и лицом на запад (рис.6,5).

Погребение 17. Расположено в 0,75 м к западу от погребения 15. Могильная яма глубиной 1,20 м и гроб ориентированы строго по оси север-юг. Ширина гроба в северной части 0,55 м, в южной - 0,48 м, длина - 1,48 м. Перекрытие (глубина 0,96 м) из тонких узких поперечных дощечек почти не сохранилось, его длина 1,50 м, ширина от 0,50 до 0,60 м. В гробу захоронен ребенок 12 лет, лежавший на спине, головой к северу, лицом на запад, кисти рук скрещены на правом бедре (правая поверх левой), ноги вытянуты (правая голень сдвинута грызунами). Длина скелета 1,45 м (рис.6,7).

Погребение 18. Расположено в 0,35-0,50 м к западу от погребения 17. Могильная яма глубиной 1,05 м и гроб ориентированы по оси север-юг, с легким отклонением к востоку и западу. Гроб длиной 1,10 м был сооружен из дощечек высотой 0,15-0,17 м и толщиной 1,5 см. Перекрытие (глубина 0,93 м) состояло из 10-11 дощечек шириной 0,12 м; его длина 1,16 м, ширина от 0,33 до 0,22 м. В гробу захоронен ребенок 4 лет, лежавший у восточной стенки на правом боку, головой к северу, лицом на запад, руки полусогнуты, ноги вытянуты. Длина скелета около 0,80 м (рис.7,5).

Погребение 19. Расположено в 0,60 м к югу от погребения 8. Могильная яма глубиной около 1 м и гроб ориентированы на ССВ-ЮЮЗ. Северная стенка гроба разрушена; ширина южной 0,15 м, высота 0,10 м; длина боковых стенок 0,46 м, высота 0,16 м, толщина 2 см. Перекрытие (глубина 0,80 м) состояло из 4 поперечных дощечек длиной по 0,24 и шириной по 0,13 м, его общая длина около 0,50 м. В гробу был захоронен новорожденный младенец, лежавший на правом боку у восточной стенки, головой к северу, лицом на запад, руки полусогнуты, ноги вытянуты. Длина скелета около 0,40 м (рис.7,6).

Погребение 20. Расположено в 0,35 м к востоку от погребения 14. Могильная яма глубиной 0,82 м и гроб ориентированы по оси север-юг, с легким отклонением к востоку и западу. Торцевые стенки гроба имели боковые выступы длиной по 3 см, ширина северной 0,38, южной - 0,30, длина боковых стенок 0,80, высота всех досок 0,16 м, толщина - 1-1,5 см.

Перекрытие (глубина 0,67 м), состоявшее из поперечных дощечек, практически не сохранилось. В гробу - захоронение ребенка 1 года, лежавшего вытянуто у восточной стенки, головой к северу, лицом на запад, кисть левой руки находилась на бедре. Длина скелета 0,58-0,60 м (рис.7,7).

Погребение 21. Расположено в 0,70 м к юго-востоку от погребения 20. Могильная яма глубиной 0,89 м и гроб ориентированы по оси север-юг, с небольшими отклонениями к востоку и западу. Торцевые стенки гроба прежде имели боковые выступы вверху: ширина северной 0,30 м, высота 0,17 м, южной - 0,26 м, сохранившаяся высота 0,10 м; длина боковых досок 0,90 м, они имели вырезы в верхних углах для состыковки с торцевыми и сильно прогнулись внутрь. Перекрытие из поперечных дощечек (глубина 0,72 м) почти не сохранилось. Сверху на нем лежал железный стерженек, аналогичный находке в погребении 2. В гробу захоронение младенца около 1 года, лежавшего у восточной стенки на правом боку, головой на север, лицом на запад, туловище слегка согнуто, кисть левой руки на бедре. У его живота найдены остатки двух куриных яиц, скорлупа которых потрескалась, но в целом они сохранили первоначальную форму (рис.7,8,9).

Погребение 22. Расположено в 3 м к востоку от погребения 21. На могильной насыпи прежде была устроена двускатная «крыша» из кирпичей, вытянутая по оси ССВ-ЮЮЗ. Сохранился только ее западный скат, состоявший из уложенных торцами друг к другу серых кирпичей, причем угол крайнего южного кирпича выступал на поверхность. Максимальный прогиб «крыши» составлял 0,30 м, длина ее сохранившейся части равнялась 1,65 м (рис.7,1,4). Дно могильной ямы находилось на глубине 1,05 м. Стоявший в ней гроб из лиственничных досок сохранился плохо: северная доска имела ширину 0,42 м, высоту 0,18 м, южная - 0,34 и 0,17 м, длина гроба внутри 1,70 м, толщина досок 2-3 см. Перекрытие (глубина 0,90 м) из поперечных дощечек, шириной около 0,20 м каждая, сохранилась не полностью, его общая длина 1,80 м (рис.7,2). В гробу была захоронена женщина 35-55 лет, расовый тип которой не определен. Она лежала

вытянуто на спине, головой к северу, лицом вверх, кисть левой руки находилась на бедре. Длина скелета около 1,5 м (рис.7,3).

Погребение 23. Расположено в 0,35 м к востоку от погребения 22. Могильная яма глубиной около 1,20 м и гроб ориентированы по оси ССВ-ЮЮЗ. Деревянные части гроба сохранились очень плохо, его длина 1,64 м, ширина в северной части 0,45 м, в южной - 0,36 м, высота около 0,25 м. Перекрытие (глубина 0,95-0,97 м) состояло из поперечных дощечек, количество и размеры которых не установлены. В гробу захоронение женщины до 25 лет, расовый тип которой не определен. Она лежала вытянуто на спине, головой к северу, лицом на запад, под головой находилась «подушка» из обломка кирпича, кисть правой руки на животе, левой - под тазом. Длина скелета 1,48-1,50 м (рис.9,1,2).

Погребение 24. Расположено в 0,25 м к востоку от погребения 23. Могильная яма глубиной 0,85 м и гроб ориентированы на ССВ-ЮЮЗ. Сохранность дерева очень плохая. Длина гроба 0,65, ширина в средней части 0,25 м. Перекрытие (глубина 0,70 м) состояло из 2-3 продольных дощечек шириной 0,10-0,15 м. В гробу захоронение младенца 2-3 месяцев, который лежал на правом боку у восточной стенки, головой к ССВ, кости скелета от бедер не сохранились, правая рука вытянута, кисть левой, скорее всего, находилась на бедре (рис.7,10).

Погребение 25. Расположено в 0,40 м к востоку от погребения 24. Могильная яма глубиной 0,80 м и гроб ориентированы по оси ССВ-ЮЮЗ. Длина гроба 0,70 м, ширина в северной части 0,25 м, в южной - 0,1800,19 м; сохранность дерева очень плохая. Перекрытие состояло из 7-9 поперечных дощечек шириной 8-9 см. В гробу захоронение младенца до 6 месяцев, лежавшего скорченно у восточной стенки на правом боку, головой к северу, лицом на запад, правая рука вытянута, кисть левой лежала на груди (рис.7,11).

Погребение 26. Расположено в 0,30 м к востоку от погребения 13. Могильная яма глубиной 0,55 м и гроб ориентированы на ССВ-ЮЮЗ. Северная стенка и перекрытие гроба не сохранились, его длина

составляла около 0,68 м. Южная торцевая стенка, шириной 0,20 м и высотой 0,13 м, имела сверху боковые выступы. В гробу захоронение младенца 2-3 месяцев. Кости сильно нарушены грызунами, однако удалось установить, что он лежал головой на ССВ, лицом на запад, кисти обеих рук покоились на животе, ноги расположены «ромбом» (рис.7,12). В засыпи могилы обнаружены мелкие угольки.

Погребение 27. Расположено в 0,20 м к востоку от погребения 26. Могильная яма глубиной 0,82 м и гроб ориентированы по оси ССВ-ЮЮЗ. На глубине 0,57 м находился верхний край гроба из тонких лиственничных досок: длина боковых стенок 0,77 м, высота 0,25 м, северная торцевая доска - 0,30x0,25 м, южная - 0,26x0,25 м. Перекрытие не сохранилось. В гробу найдены отдельные кости ребенка 2-3 лет, лежавшего головой к ССВ (рис.7,13). В засыпи могилы обнаружены древесные угольки.

Погребение 28. Расположено в 1,8 м к востоку от погребения 27. Могильная яма глубиной около 0,60 м и гроб ориентированы по оси ССВ-ЮЮЗ. Деревянные части гроба (глубина верхнего края 0,40 м) практически не сохранилась; его длина составляла 0,60 м, ширина в северной части 0,25 м, в южной - 0,20 м. В гробу захоронен новорожденный младенец, лежавший полускорченно на правом боку, головой к северу, лицом на запад, кисть левой руки находилась на бедре. Длина скелета около 0,40 м (рис.7,14).

Погребение 29. Расположено в 0,44 м к северу от погребений 26 и 27. На глубине 0,20-0,25 м обнаружены остатки западной части двускатной «крыши» из 11 кирпичей, уложенных продольными сторонами вплотную друг к другу по оси ССВ-ЮЮЗ. В профиль кладка имела седловидную форму, максимальная глубина прогиба составляла 0,2 м. По обоим краям осевой линии «крыши» были вертикально вкопаны две доски, сохранившиеся на высоту 1,0 и 0,35 м; ширина досок 0,1 м, толщина 4 см. Можно предположить, что первоначально эти доски возвышались над землей, вместе с кирпичной «крышей» образуя наземное оформление могилы (рис.8, 5,6).

В могильной яме, размерами 2,50x1,10x1,20 м, была устроена камера из сырцовых кирпичей, сложенных на глинистом растворе «ложком», а в углах «в перевязку». Ее длина по внешним границам кирпичей составляла 2,2 м, ширина - 1,0 м, верхняя часть находилась на глубине 0,65-0,70 м. Размеры кирпичей: 24-26x12-13x4-6 см. Северная стенка камеры, шириной 1,03 м, высотой 0,52 м, расчищена с обеих сторон. Ее наружная сторона поднималась на высоту 12 кирпичей, внутренняя - на 7-8 рядов. Верхняя часть западной стенки разрушена, с внешней стороны она сохранилась на высоту 7-12 кирпичей (от 0,30 до 0,50 м), с внутренней - на 7-8 кирпичей; длина по нижнему слою равнялась 2,35 м. Внешняя кладка южной стенки полностью не расчищалась, однако шурфовкой установлено, что она сохранилась на высоту 10-11 кирпичей (0,47 м) (рис.8, 4,7).

Внешняя сторона восточной стенки также полностью не расчищена, поскольку в этой части могилы находилась производственная площадка, на которой замешивалась глина и формовались кирпичи для постройки камеры. Плотная аморфная масса слежавшегося сырца, в которой местами угадывались контуры отдельных кирпичей, имела размеры 1,90x0,70x0,25 м. Очевидно, под давлением этой массы произошло некоторое смещение продольных стенок камеры к западу (рис.8, 1,3).

В полу могильной ямы было вырыто углубление, в котором помещался дощатый гроб без пола. Высота его стенок первоначально равнялась не менее 0,50 м, т.е. их верхний обрез находился на одном уровне с внутренним уступом кирпичной камеры. Хотя дерево плохо сохранилось, удалось установить, что высота северной торцевой стенки равнялась 0,42-0,43 м, а ширина 0,45 м, южной стенки - 0,25 м, при ширине 0,40 м. Длина гроба около 2 м, контуры боковых стенок прослежены лишь по самому нижнему уровню.

В гробу был захоронен мужчина 20-35 лет смешанного расового типа [10], лежавший на материковом грунте на глубине 1,30 м от поверхности земли. Скелет, длиной около 1,65 м, находился возле восточной стенки, вытянуто на спине, головой на ССВ, лицом на запад, руки скрещены на

груди. Крышку гроба составляли три продольные доски, а сверху гроб закрывал специальный настил из поперечных досок, концы которых опирались на раму из лиственничных брусьев, лежавшую на уступах, образованных внутренней стенкой кирпичной камеры (рис.8,1,2).

Погребение 30. Расположено в восточной части раскопа. Могильная яма глубиной 1,25-1,30 м и сруб без дна ориентированы на ССВ-ЮЮЗ. Перекрытие сруба (глубина 0,75 м) из 25 ошкуренных лиственничных бревешек длиной 0,60-0,73 м и диаметром до 6 см, подтесанных снизу на концах. Длина перекрытия 2,0 м, ширина в северной части 0,73 м, в южной - до 0,65 м. Стенки сруба состояли из трех венцов ошкуренных бревен диаметром 8 см, соединенных в углах «в лапу» (торцевые поверх продольных), высота 0,21-0,25 м. Сруб стоял на земляных заплечиках высотой около 0,20 м. В нем был захоронен мужчина 35-55 лет европеоидного расового типа [11], лежавший у восточной стенки вытянуто на спине, головой к ССВ, лицом на запад, позвоночник сильно искривлен. Длина скелета 1,55-1,60 м (рис.9,3,4).

Погребение 31. Расположено ближе к восточной траншее. Могильная яма глубиной 0,85 м и гроб ориентированы по оси север-юг с легким отклонением к востоку и западу. Гроб почти полностью разрушен, сохранилась лишь часть восточной стенки высотой 0,12 м. В гробу захоронен ребенок 6-7 лет, лежавший на спине, головой к северу, лицом на запад, левая рука вытянута, кисть правой под тазом (рис.7,15).

Погребение 32. Расположено в 0,40 м к югу от погребения 30. Могильная яма глубиной 0,74 м и гроб ориентированы по оси ССВ-ЮЮЗ, с легким отклонением к востоку и западу. Дерево почти не сохранилось. Длина гроба 0,92-0,94 м, ширина - 0,37-0,40 м, высота - 0,14-0,15 м. В гробу захоронен ребенок 2 лет, лежавший у восточной стенки вытянуто на спине, головой к северу, лицом на запад, руки слегка расставлены, ноги расположены «ромбом». Длина скелета около 0,70 м (рис.7,16).

Погребение 33. Расположено в 0,90 м к югу от погребения 31. Могильная яма глубиной 1,10 м и гроб ориентированы на ССВ-ЮЮЗ.

Боковые доски гроба длиной 0,93 м имели выступы на концах, которые вставлялись в угловые пазы торцевых стенок. Торцевая северная доска имела длину 0,36 м, южная - 0,34 м, высота обеих 0,18 м. В гробу захоронен младенец около 1 года, лежавший в той же позе, что и ребенок из могилы 32. Длина скелета около 0,60 м (рис.7,17).

Погребение 34. Расположено в 3,5 м к юго-западу от юго-западного угла кирпичной ограды погребения 1. На глубине 0,20 м и расчищена наброска из обломков кирпичей, под которой выявлено овальное пятно могилы (1,85x0,65 м), ориентированное по оси ССЗ-ЮЮВ. На дне могильной ямы глубиной 0,90 м погребение ребенка 7 лет без гроба. Он лежал вытянуто на спине, головой к северу, лицом на запад, кисть левой руки находилась на бедре. Длина скелета около 1,20 м (рис.9,7).

Погребение 35. Расположено в 0,35 м к западу от погребения 34. Могильное пятно (2,40x0,95 м) с остатками надмогильного сооружения из обломков кирпичей обнаружено на глубине около 0,50 м. Могильная яма глубиной 1,30 м и гроб ориентированы на ССВ-ЮЮЗ. Длина гроба 2,25 м, ширина северной стенки 0,72 м, южной - 0,60 м, высота досок 0,30 м. Перекрытие (глубина 1,0 м) состояло из нескольких поперечных дощечек, плохая сохранность которых не позволила установить их размеры и количество. В гробу захоронена женщина 20-35 лет, расовый тип которой не определен. Она лежала у восточной стенки вытянуто на спине, головой к ССВ, лицом на запад. Длина скелета 1,62 м (рис.9,5).

Погребение 36. Расположено в 0,50 м к юго-западу от погребения 35. На глубине около 0,50 м также выявлено овальное могильное пятно (1,35x0,50 м), перекрытое обломками кирпичей и черепицы. Могильная яма глубиной 1,18 м и гроб ориентированы по оси север-юг, с легким отклонением к западу и востоку. Длина гроба 0,77 м, ширина северной стенки 0,32 м, высота 0,22 м, южной - 0,28 м, при высоте 0,15-0,16 м, толщина досок 1,0-1,5 см. Перекрытие (глубина 0,94 м) состояло из 7 поперечных дощечек шириной 0,11 м каждая. В гробу был захоронен младенец около 1 года, лежавший у восточной стенки, головой на ССЗ,

лицом на запад, ноги полусогнуты, руки вытянуты. Длина скелета около 0,55 м (рис.9,6).

Погребение 37. Расположено в 5,5 м к северо-западу от погребения 36. На глубине 0,20 м от поверхности земли обнаружен верхний край ящика-гроба, составленного из напольных керамических плит и кирпичей и ориентированный по оси ССВ-ЮЮЗ. Размеры плит - 32х32х5 см, кирпичей - 30х15х5 см. Южная торцевая стенка состояла из одной плиты, северная - из двух поставленных ребрами один на другой кирпичей, в боковых стенках было по три плиты. От покрытия сохранились только плита и кирпич в северной части, сломанные посередине; пол в ящике-гробе отсутствовал. В нем был захоронен ребенок 4-6 лет, лежавший вытянуто на спине, головой на ССВ, лицом на запад, руки сложены на животе. Длина скелета 0,95 м (рис.9,8,9).

Помимо вышеописанных погребений при раскопках были обнаружены следующие антропологические останки: череп женщины 20-35 лет, черепная крышка и нижняя челюсть - в северной части стратиграфической траншеи, и лежавшие вместе три человеческих зуба - в восточной части траншеи (рис.2).

Описание объектов неизвестного назначения.

1. **«Стена».** Расположена в северо-восточном углу окружающего вала на глубине 0,50 м. Регулярная кладка проявилась лишь после сильного дождя, когда раскопы стали подсыхать на солнце. Стена, сложенная из сырцовых кирпичиков-«плинф» на глинистом растворе ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ и прослежена на расстоянии около 5,5 м. Стена была трехслойной: внешние стороны образовывали два ряда кирпичей, установленных «елочкой», а между ними была прокладка из вертикально поставленных на торцевые грани кирпичей. Толщина стены 0,35-0,40 м. Ее южная часть разрушена в начале работ, а северная уходит под нераскопанные квадраты (рис.3,2). Вполне возможно, что эта стена была сооружена еще до появления здесь «Усыпальницы I».

2. «Доска с гвоздями». Расположена в 0,20 м к югу от погребения 24 и ориентирована по оси север-юг. Верхний край находился на глубине 0,77 м от дневной поверхности; ее длина 1,60 м, высота - около 0,50 м, толщина - 2 см. Возле северного и южного краев доски были вкопаны два вертикальных столбика, сохранившиеся на высоту около 0,40 м каждый. В доску тремя вертикальными рядами были вбиты железные кованые четырехгранные гвозди. В первом ряду, расположенном в 0,30 м от ее южного края, сохранились 3 гвоздя, во втором (0,45 м от первого) - 4, в третьем (0,55 м от среднего ряда и 0,30 от северного края) - тоже 4, расстояния между гвоздями составляли 10-15 см. Шляпки всех гвоздей обращены к западу, а торчащие наружу с восточной стороны острия изогнуты в форме треугольных петель. Эта переиспользованная от какого-то предмета доска играла неясную нам роль в данном могильнике. Примечательно, что ближайšie к ней и очень плотно расположенные погребения 22-29 находятся с западной и северной сторон, тогда как на раскопанном участке в 3,5 м длиной к востоку от доски захоронения вообще не обнаружены.

3. «Желоб». Это странное сооружение расположено в юго-западном углу окружающего вала, в 3,5 м от погребения 37. Верхняя часть находилась на глубине 0,20 м, нижняя - около 0,50 м от поверхности земли. Он ориентирован по оси ЗЗС-ВВЮ, чем резко отличается от меридианальных ориентировок всех вышеописанных могил и других объектов «Усыпальницы I». Длина всего сооружения 2,20 м, наибольшая ширина - 0,80 м. «Желоб» построен из целых (30x14-15x5 см) и обломанных кирпичей. Его донную часть составляли 11 кирпичей, уложенных плашмя на разровненную поверхность вплотную друг к другу, без применения раствора. С ЗЗС стороны почти вплотную и вровень с ними лежала плоской поверхностью кверху большая подтреугольная глыба сланца. По обеим сторонам пола «желоба» сохранились невысокие стенки из полукирпичей, установленных вплотную на торцы и скрепленных плотным известковым раствором бурого цвета. В северной стенке

сохранилось 23, а в южной - 22 кирпича. С ВВЮ стороны «желоба» к стенкам с обеих сторон примыкали по два целых, лежавших плашмя один на другом кирпича. При раскопках внутри «желоба» не было обнаружено ни вещей, ни следов копти или обжига (рис. 3, 1).

Устройство могил и могильных сооружений.

Захоронения в «Усыпальнице I» совершались в ямах прямоугольной формы, глубиной от 0,40 м (погребение 2) до 1,45 м (погребение 1). Особенности погребального обряда позволяют выделить шесть типов захоронений: 1 - в простой грунтовой яме, перекрытой досками (погребения 2, 3, 34); 2 - в дощатом гробу (большая часть погребений); 3 - в гробу, установленном внутри деревянного сруба (погребение 1); 4 - в срубе, установленном на земляных заплечиках (погребения 15, 30); 5 - в гробу, установленном внутри погребальной камеры из сырцовых кирпичей (погребение 29); 6 - в ящике-гробе, сооруженном из керамических плит и кирпичей (погребение 37).

Во всех случаях, когда сохранность дерева позволяла это зафиксировать, гробы были составными и имели форму сильно вытянутой трапеции, основанием ориентированной на север. Умерших укладывали на земляном полу могильной ямы головой к расширенной части гроба. Боковые и торцевые доски скреплялись железными гвоздями только в одном случае (погребение 1), во всех остальных они были приставными. Для придания раме жесткости в верхней части торцевых стенок вырезались выступы, что придавало им Т-образную форму, а в боковых - такого же размера прямоугольные пазы, которые уже в могиле накладывались друг на друга.

Перекрытие гробов состояло из коротких поперечных или длинных продольных досок. В погребении 6 отмечено сочетание поперечных и продольных досок, причем последние были прибиты к промежуточным поперечным железными гвоздями. Внешние срубы погребений 1 и 5 сооружены из отесанных, квадратных в сечении брусьев, а погребения 30 - из тонких ошкуренных стволов лиственницы, соединенных в углах «в лапу».

Внешняя камера погребения 29 была сооружена из сырцовых кирпичей, поставленных на земляные заплечики. Перекрытие сруба погребения 30 состояло из поперечных ошкуренных бревнышек, а камеры погребения 29 - из поперечных досок, положенных концами на специальную деревянную раму. На покрытиях гробов погребений 1 и 10 сохранились остатки травяных циновок. Поскольку ни одно из 37 исследованных погребений не перекрывало другие могилы, можно сделать вывод, что каждое из них прежде было отмечено на дневной поверхности могильным холмиком, двускатной «крышей» из кирпичей (погребения 22 и 29), выкладкой или подобием курганчика из кирпичей и черепицы (см. развалы из строительных обломков в северо-восточном секторе и длинную выкладку в северо-западном секторе). В двух случаях (погребения 1 и 29) над могилами возвышались специально вкопанные доски.

Ориентировка могил и погребений.

Все могильные ямы в «Усыпальнице I» были ориентированы по оси север-юг с небольшими отклонениями от азимута. В 16 случаях скелеты имели строго меридианальную ориентировку, в 20 - направление на ССВ-ЮЮЗ, а в погребении 34 - на ССЗ-ЮЮВ. Лица всех умерших были повернуты на запад, и только в погребении 22 лицо женщины оказалось обращенным вверх. Под головой у женщины из погребения 23 находился обломок кирпича, имитировавший подушку. Большая часть скелетов лежала вытянуто на правом боку у восточной стенки гроба или на спине, а очень маленькие дети - скорченно.

Правая рука в 24 случаях вытянута вдоль тела, в 2 - кисть находилась под тазом, в 4 - на бедре, в 2 - на животе, положение руки в 4 случаях не выяснено. Левая рука в 8 случаях была вытянута вдоль тела, кисть левой руки в 14 случаях находилась на левом бедре, в 6 - на правом бедре, в 2 - под тазом, по одному случаю - на животе и на груди, в 4 случаях положение руки не определено, руки умершего мужчины в погребении 29 были скрещены на груди. Ноги, как правило, вытянуты и только у маленьких детей и женщины из погребения 15 - полусогнуты.

Палеодемография могильника.

Приводимые ниже цифровые выкладки половозрастных групп «Усыпальницы I» несколько отличаются от изложенных в цитированной статье Д. Тумэн.

Половозрастные соотношения умерших. (Табл. 1)*

возраст	дети	мужчины	женщины	№№ могил
новорожд.	4 (10,8)			7,16,19,28
0,2-0,6	4 (10,8)			13,24,25,26
до 2	7 (18,9)			5,12,14,20, 21,33,36
2-3	2 (5,4)			27,32
4-7	5 (13,5)			2,8,18,31,34
8-13	3 (8,1)			4,17,37
20-25		2 (5,4)		3,29
			6 (16,2)	6,10,11,15, 23,35
35-55		2 (5,4)		9,30
			1 (3,7)	22
старше 55		1 (3,7)		1
Суммарно: дети - 25 (67,57) взрослые - 12 (32,43)				

* В скобках указано число процентов данной возрастной категории от общего числа погребений.

В разделе «Антропологические данные могильника» она указала, что в работе были использованы 7 мужских и 8 женских черепов [12], хотя при раскопках было найдено всего 5 мужских (погребения 1,3,9,29,30), 7 женских (погребения 6,10,11,15,22,23,35) полных скелетов и один женский череп из какого-то разрушенного погребения в северной части могильника. Суммарные показатели взрослых индивидов, приводимые Д. Тумэн в

таблицах 1-3 [13], выше действительного соотношения мужских и женских, взрослых и детских скелетов, раскопанных нами в «Усыпальнице I». Их увеличение связано с тем, что Д. Тумэн без дополнительных пояснений привлекла несколько взрослых черепов (в том числе АТ-229 и АТ-227) [14], подобранных ею на заброшенных кладбищах новейшего времени в нескольких километрах к югу от Каракорума, датировка которых не установлена.

Автор приносит свои извинения Д. Тумэн за корректировку опубликованных ею таблиц и благодарит за предоставленные данные обработки краниологических материалов, проводившихся ею в поле. Приводимый в таблице 1 палеодемографический анализ показывает, что цифровые расхождения здесь и в таблицах 1-3 из статьи Д. Тумэн довольно существенны. Не являясь специалистом-антропологом, автор ни в коей мере не ставит под сомнение сугубо специфические разделы статьи своего уважаемого оппонента, однако на очевидную загрязненность выборки посторонними краниологическими материалами считает необходимым обратить внимание, поскольку это влечет за собой искажение общих выводов. Например, мужской череп АТ-227 в разделе индивидуальных характеристик отнесен к типу смешанных, а в суммарной характеристике всей мужской серии, приведенной двумя абзацами ниже, он вместе с черепом АТ-229 выделен в группу европеоидных [15]. Кроме того, расово-диагностический анализ женских черепов из «Усыпальницы I» в статье Д. Тумэн совершенно отсутствует, хотя в полевых условиях она определила 3 черепа как монголоидные (погребения 6, 10, 15), причем последний отнесен к центральноазиатскому типу [16].

Пол и возраст умерших взрослой группы (Табл. 2)

возраст	мужчины	женщины	номера могил
adultus (20-35)	2		3, 29
		6	6, 10, 11, 15, 23, 35

maturus (35-55)	2		9, 30
		1	22
senilis (св. 55)	1		1
суммарно	5	7	12

Таблица 2 показывает, что в исследованной части «Усыпальницы I» количество женских погребений немного превышает число мужских. Женщин, умерших в возрастной группе *adultus* в 3 раза больше, чем мужчин, в группе *maturus* - в 2 раза меньше, а в группе *senilis* они не представлены вообще. Детские погребения могильника в 2 раза превышают захоронения всех взрослых индивидов. Среди них очень высок процент детей, умерших в возрасте до 7 лет, но отсутствует группа *juvenis* (16-19 лет). Очень высокая детская смертность отрицательно сказывается на показателях средней продолжительности жизни горожан и свидетельствует о чрезвычайно низких условиях существования последних.

Расовый тип умерших (Табл. 3)

пол	монголоид- ный	смешанный	европеоид- ный	неизвестный
мужчины	п. 3	п. 9, 29	п. 30	п. 1, 35
женщины	п. 6, 10, 15			п. 11, 22, 23
суммарно	4	2	1	5

Таблица 3 подтверждает опубликованные Д. Тумэн данные о «неоднородности антропологического типа населения, оставившего этот могильник» [17], в составе которого были представлены две большие расы - европеоидная и монголоидная, но в целом носившего смешанный характер. Сопоставив каракорумскую серию с черепами 13 популяций из Средней Азии, Алтая и Южной Сибири, она пришла к выводу, что в целом «наблюдаемое расовое сходство между сравниваемыми сериями позволяет отнести краниологический материал из Хархорина по

антропологическому расовому типу к южносибирской расе» [18], хотя отдельные индивиды, по ее же определению, принадлежали к центральноазиатской группе большой монголоидной расы.

**Конфессиональная принадлежность
и хронология могильника.**

Вся совокупность признаков погребений «Усыпальницы I» указывает на то, что он оставлен мусульманами - жителями средневекового Каракорума. Например, замечание И.В. Селицкого о том, что «места для мусульманских кладбищ не требуют никаких особых условий, но вообще выбираются сухие и открытые» [19], вполне соответствует топографии описываемого могильника. Ориентировку могил и скелетов на север или северо-северо-восток определило географическое положение Монголии относительно Мекки, так как только положенные на правый бок и повернутые лицами на запад или запад-юго-запад умершие получали возможность ориентироваться на кыблу. Хотя в Северной Монголии другие мусульманские могильники этого периода неизвестны, аналогии отдельных элементов погребального обряда «Усыпальницы I» можно найти в археологических материалах с соседних и более удаленных территорий. Настоящая публикация не претендует на полный обзор источниковедческой литературы по данному вопросу, для характеристики принадлежности и датировки могильника вполне достаточно нескольких примеров.

По данным С.Р. Минцлова, мусульманские погребения могильника Саадак-Терек в Туве располагались в грунтовых ямах с подбоями. «В подбой на доске укладывали труп человека на правый бок, затем прикрывали подбой другой доской и засыпали яму, утрамбовывая землю. Сверху могилу обставляли плитами по стенкам ямы так, что получалась подпрямоугольная оградка.» [20]. Производивший здесь позже раскопки С.А. Теплоухов, также обнаружил под каменными оградками 8 погребений, ориентированных головами на северо-запад, а лицами на юго-запад.

Четыре могильные ямы имели подбои, в которых найдены останки взрослых людей (мог. 32, 34, 35, 39), в двух ямах без подбоев стояли деревянные гробы (мог. 33, 38), и в двух ямах были погребены маленькие дети без гробов (мог. 36, 37). Аналогом каракорумским является здесь могила 33 с захоронением женщины около 25 лет, лежавшей вытянуто на правом боку и с кистью левой руки на бедре. Ее похоронили в «деревянном гробу в виде ящика из досок, крышку которого составляли доски, прибитые (железными гвоздями - В.В.) поперек» [21]. Памятник в Саадак-Тереке датируется XIII-XIV вв.

Обращаясь в прошлое Центральной и Средней Азии, следует отметить, что уже в одной из катакомбных могил усуньского некрополя I в. до н.э. - II в.н.э. у г. Манас-Супа в Таласском районе Киргизи был обнаружен гроб из арчевых досок, который «представлял собой ящик прямоугольного сечения, слегка суживающийся к ногам. Сделан гроб без гвоздей, на пазах, а кое-где крепления сделаны деревянными колышками» [22]. Дощатые гробы с расширением в головной части зафиксированы также в погребениях усуней I-IV вв.н.э. из Карабулакского могильника в Отрарском оазисе. Их боковые стенки крепились с помощью шипов и «для большей прочности закреплялись деревянными клиньями. Крышкой служили 1-2 доски» [23].

При раскопках в зоне строительства Большого Чуйского канала развалин христианской церкви VII-VIII вв. были обнаружены впускные погребения, «относящиеся к европеоидному антропологическому типу», но напоминающие по обряду мусульманские. Стенки одной из могильных ям были «обложены сырцовым кирпичом, с покрытием, имевшим вид двускатной крыши и состоявшим из того же кирпича», а в стенках двух других были сделаны подбои, в которых найдены остатки скелетов [24]. На раннемусульманском кладбище XI-XII вв. близ городища Куйрык-тобе в Отрарском оазисе был «выявлен довольно густой ряд однотипных захоронений в прямоугольных склепах, сложенных из сырцового кирпича. Перекрытия состояли из установленных наклонно, поперек боковых стен

склепа, кирпичей. Погребенные лежали на правом боку или на спине, головой на северо-запад, лицом на юг или верх» [25].

Погребения в могильнике XI-XII вв. у городища Утурлы-тепе, расположенного на границе Казахстана и Сырдарьинской области Узбекистана находились в узких земляных ямах или деревянных ящиках-гробах, «обложенных сырцовым кирпичом. Большинство погребенных лежало на правом боку лицом к западу» [26]. Остатки деревянных гробов были обнаружены в кирпичном гумбезе могильника XIV в. из урочища Кой-Сары на Иссык-Куле [27].

В могильниках золотоордынских и болгарских городов Поволжья наблюдается такая же ситуация. Так, например, на Селитренном городище (древний Сарай-Бату) выделяются четыре основных типа погребального обряда: в подземных кирпичных склепах, в ямах с деревянными перекрытиями, уложенными на кирпичные или земляные заплечики, в могилах с подбоями и в простых грунтовых ямах. Несколько могил имели кирпичные надгробия или оградки, причем «внутри одной из таких оградок... было поставлено по кирпичу у изголовья и в ногах» [28, 29], аналогичных по назначению вертикальным деревянным доскам погребений 1 и 29 в «Усыпальнице I». В могильнике урочища «Бабий бугор» близ городища Болгар в ряде случаев сохранились остатки деревянных гробовищ, а также «колоды и массивные четырехугольные ящики, более широкие у головы и суженные к ногам, сложенные из толстых досок, по углам связанные вырубками, без применения железных гвоздей и скобок» [30].

Характерной чертой погребального обряда каракорумских мусульман является положение умерших преимущественно в однотипные гробы из тонких лиственничных досок без пола, отсутствие коллективных и подбойных погребений, погребального инвентаря и остатков жертвенной пищи. Два куриных яйца, найденные в погребении 21, и череп собаки, лежавший между погребениями 12-13, являлись, по всей видимости, оберегами. К примеру, во время научной поездки к уйгурам в 1914-1915 гг.

С.Е. Малов пришел к заключению, что «шаманство прочно держится в Восточном Туркестане вместе с господствующим там мусульманством», а его главная цель - «это переводение болезни в животных или в какие-либо предметы. Ее «переводили» в голубя, курицу, овцу, в череп мертвеца... Болезнь «переводилась» шаманами также в куриное яйцо, череп собаки, лошади, в пестрого и черного козла» и т.д. [31]. Приведенный пример показывает, что такого рода суеверия могли бытовать и в среде мусульман Каракорума, а куриные яйца и череп собаки, связанные с погребениями младенцев; служили защитой их душ от злых потусторонних сил.

Датировка могильника «Усыпальница I» серединой XIII - началом XIV вв. обоснована нами в предыдущей статье [32]. О том, что в Каракоруме в это время проживала большая колония мусульман, упоминали в своих записках Г. Рубрук, Рашид ад-Дин, авторы «Мэнгу-ю-му-цзи» и другие современники. По словам В.В. Бартольда, «главными представителями торговли и распространения культуры среди монголов были мусульмане; в орде Чингисхана были мусульманские купцы еще до его выступления из Восточной Монголии, но, как в Китае, так и в Монголии, успехи мусульманской торговли и культуры в то время не были связаны с успехами мусульманской религиозной пропаганды» [33]. Именно слабостью идеологических догматов ислама у новообращенных жителей средневековой столицы Монголии, представленных в материалах «Усыпальницы I» преимущественно женскими черепами монголоидного расового типа, можно объяснить появление в могилах предметов, связанных с традиционными верованиями шаманизма.

Многонациональный Каракорум отличала большая веротерпимость. Буддисты, мусульмане, христиане православного и несторианского толков имели здесь свои храмы, своих священников, свой круг последователей. В период его постепенного угасания после переноса Хубилаем имперского центра в Пекин и образования столиц улусных владений Джучи, Чагатаем, Хулагу, Батыем за тысячи километров от родных кочевий, Каракорум превратился во вполне провинциальный город, только юридически еще

сохранявший значение оплота монгольской державы. Разрушались парадные дворцы монгольской знати, строившиеся при Угэдэе и Мункэ, сокращались ремесленное производство и торговля, процветавшие при Г. Рубруке, угасал творческий потенциал городской экономики и культуры, питавшийся за счет прежнего притока военнопленных из разных стран мира. Короткий период возрождения, своего рода ремиссия тяжелой болезни городской жизни, наступивший после падения Юаньской династии при Тогон-Тэмуре и его сыне Билике, оставил после себя очень мало видимых следов. Одним из них можно считать большой мусульманский могильник на северной окраине города, образовавшийся на месте разрушенного погребального комплекса довольно богатого и знатного лица, похороненного в могиле 1.

Раскопки «Усыпальницы I» в 1978-1980 гг. позволили разрешить только одну из многочисленных загадок Каркорума - определить месторасположение и планировку могильника мусульманской части его населения. Наша попытка возможной датировки, а также половозрастная и расовая диагностика найденных здесь 37 черепов, произведенные Д. Тумэн, являются лишь введением в дальнейшее комплексное исследование сложнейших проблем жизнедеятельности одного из известнейших городов средневекового мира. Изучение северного могильника Каракорума настоятельно требует своего продолжения.

1. Киселев С.В., Мерперт Н.Я. Из истории Кара-Корума. // Древнемонгольские города. М., 1965, рис. 80.
2. Ларичев В.Е. Азия далекая и таинственная. Очерки путешествий за древностями по Монголии. Новосибирск, 1968, с. 168.
3. Расчистка погребений, фотографии и чертежи выполнены автором, полевые антропологические определения принадлежат Д. Тумэн, в разные годы на памятнике работали археологи Д. Баяр и Г. Мэнэс, земляные работы осуществляли студенты и школьники г. Улан-Батора.

4. Волков В.В., Новгородова Э.А., Войтов В.Е. Работы на Чулууте и в Хара-Хорине. //АО-1978 года. М., 1979, с. 597.
5. Войтов В.Е. Элементы архитектурного декора из древних памятников Центральной Монголии. // НС ГМИНВ, вып. XV. М., 1981, с. 49-53.
6. Войтов В.Е. Могильники Каракорума (по материалам работ 1976-1981 гг). // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск, 1990, с. 133 и рис. 1.
7. Там же, рис. 3,7-12.
8. Тумэн Д. Палеоантропологический материал монгольского времени из Хархорина. // SA, Археологийн судлал, т. XI. Улаанбаатар, 1980. Fasc. 8, с. 89.
9. Там же, с. 89.
10. Там же, с. 90.
11. Там же, с. 91.
12. Там же, с. 88.
13. Там же, с. 86-87.
14. Там же, с. 90-91.
15. Там же, с. 90-91.
16. Там же, с. 91.
17. Там же, с. 88.
18. Там же, с. 94.
19. Селицкий И.В. Кульджинские переселенцы пограничной с Китаем полосы. (Экономико-этнографические очерки и бытовая жизнь джаркентских таранчей и дунган). // ИОАИЭКУ, т. XX, вып. 6. Казань, 1904, с. 274.
20. Кызласов Л.Р. Памятник мусульманского средневековья в Туве. // СА, №2. М., 1963, с. 203.
21. Там же, с. 203-206.
22. Бернштам А.Н. Археологические работы в Казахстане и Киргизии. // ВДИ, №. 4. М., 1939, с. 177.

23. Баруздин Ю.Ю. Карабулакский могильник. // КСИЭ, вып. XXVI. М., 1957, с. 99.
24. Кызласов Л.Р. Работы Чуйского археологического отряда в 1953-1954 гг. // КСИЭ, вып. XXVI. М., 1957, с. 93.
25. Нурмуханбетов Б. Работы курганного отряда. // АО-1974 года. М., 1975, с. 492.
26. Буряков Ю.Ф., Перевозчиков И.В., Ростовцев О.М., Халилов Х., Ходжайов Т.К. Работы в Сырдарьинской области. // АО-1974 года. М., 1975, с. 498.
27. Винник Д.Ф. К историко-топографическому изучению урочища Кой-Сары. // ИАН Кирг. ССР, сер.обществ.наук, т. V, вып. 1. Фрунзе, 1963, с. 31-32.
28. Яблонский Л.Т. Исследование средневекового некрополя на городище у с. Селитренного. // ПИИЭ-1976 года. М., 1978, с. 182-183.
29. Яблонский Л.Т. Некоторые результаты исследования средневекового мусульманского некрополя Селитренного городища в 1976-1977 годах. // ПИИЭ-1977 года. М., 1979, с. 197.
30. Ефимова А.М. Кладбище на окраине посада города Болгара. // Города Поволжья в средние века. М., 1974, с. 26.
31. Исиев Д.А. С.Е. Малов о шаманстве уйгуров. // Маловские чтения (Материалы конференции). Алма-Ата, 1990, с. 183.
32. Войтов В.Е. Элементы архитектурного декора..., с. 52-53.
33. Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. // Сочинения, т. V. М., 1968, с. 210.

"Усыпальница I"

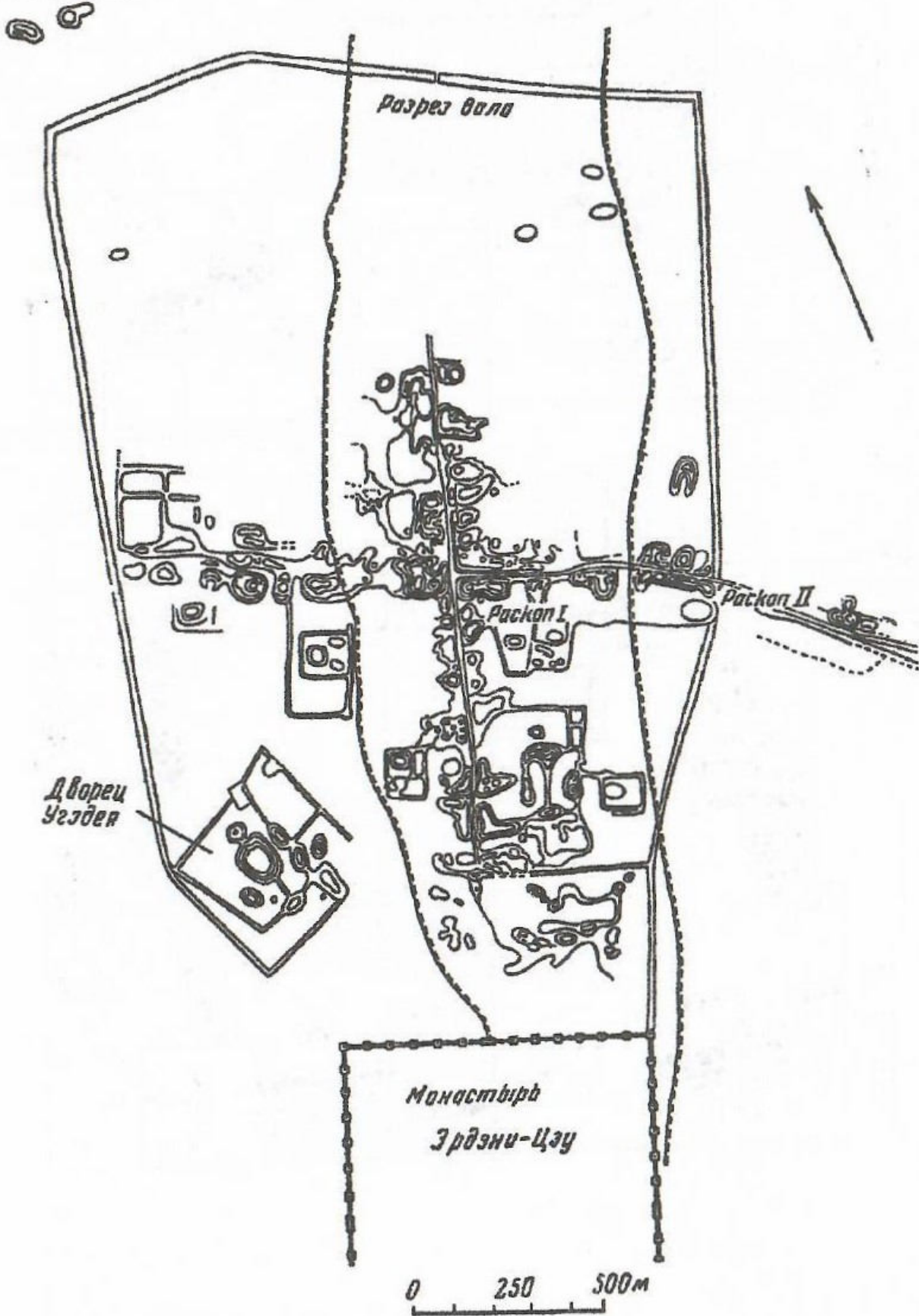
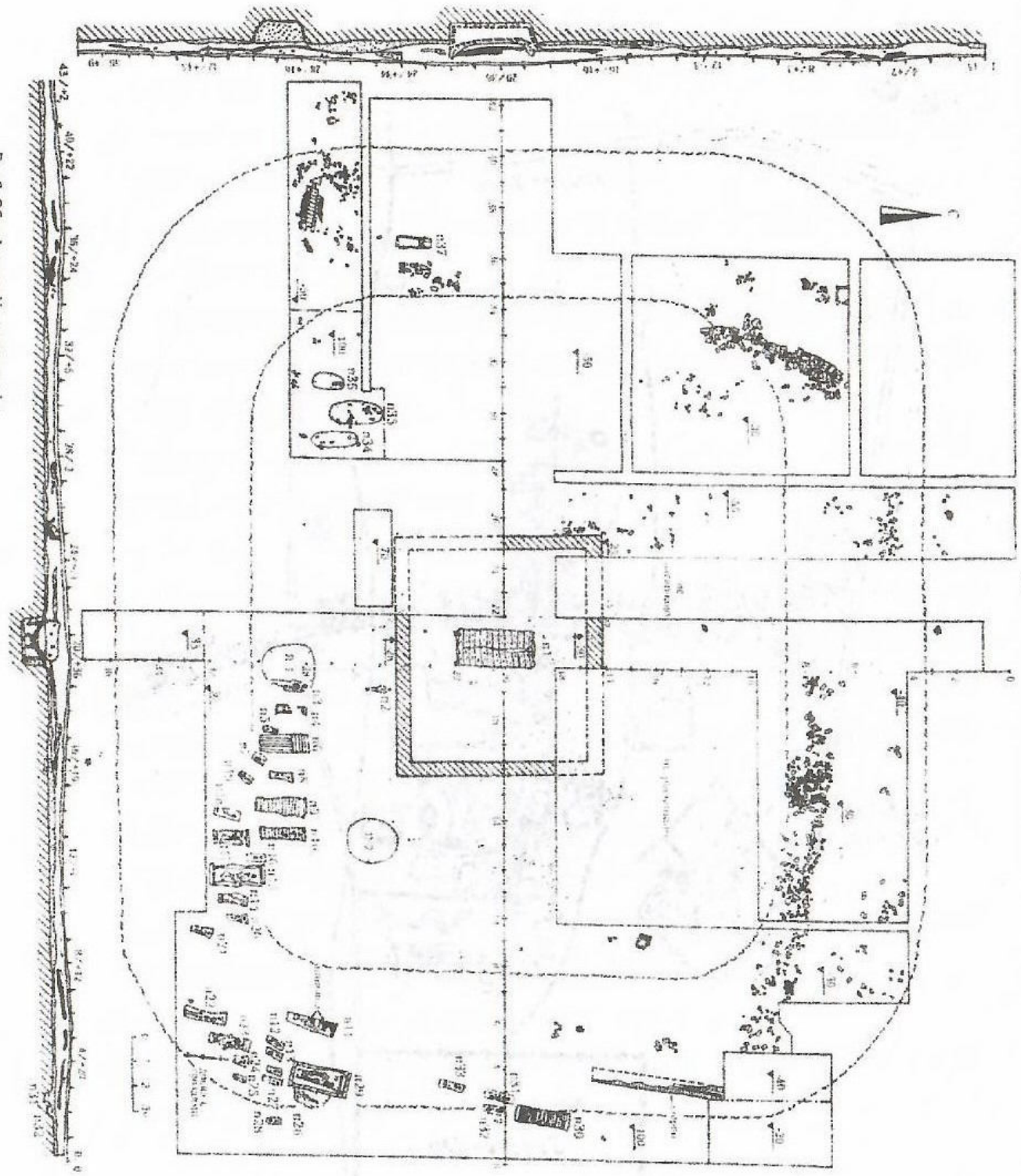

Рис. 1 Городище Кара-Корум. План С.В. Киселева

Рис. 2. Общий план «Ус-Траншита» 1»

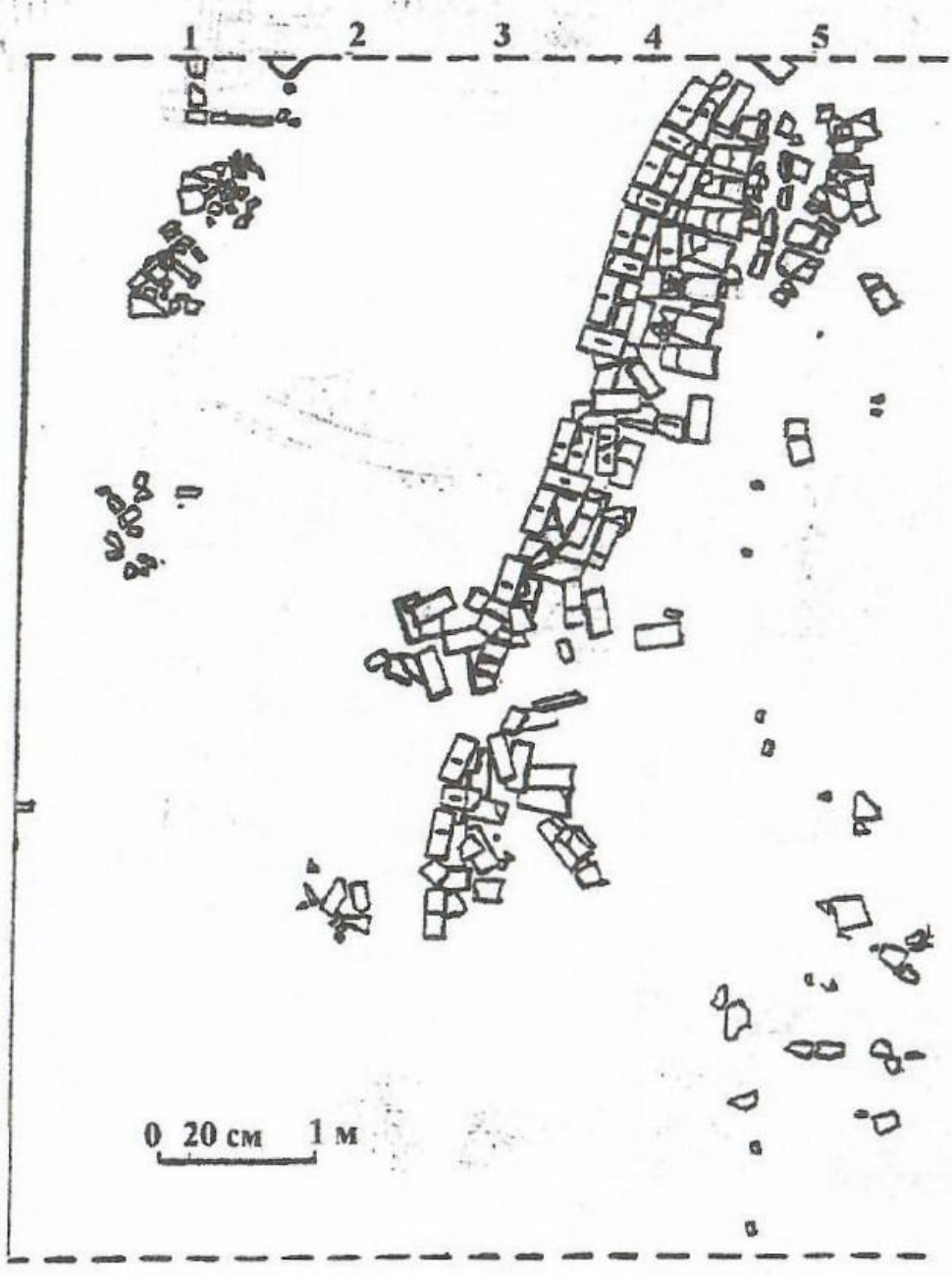
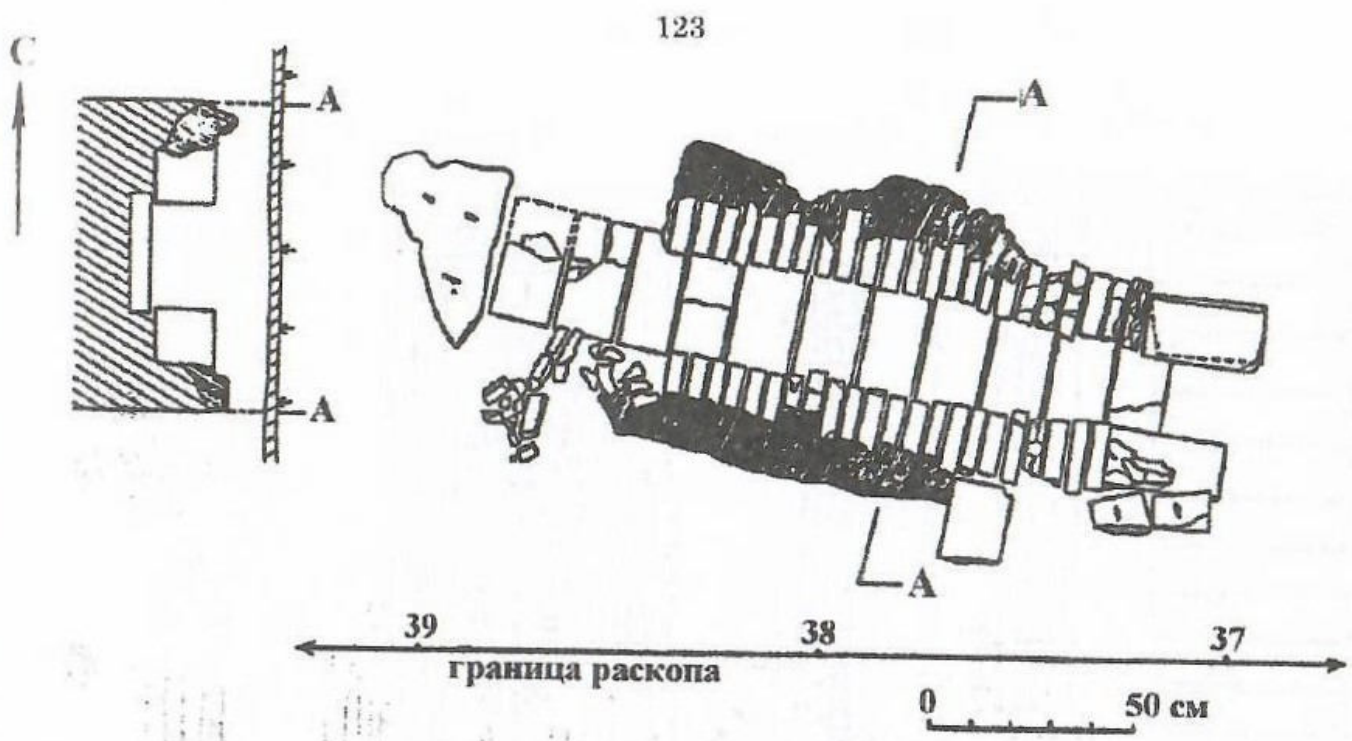

Рис. 3

погр. 1

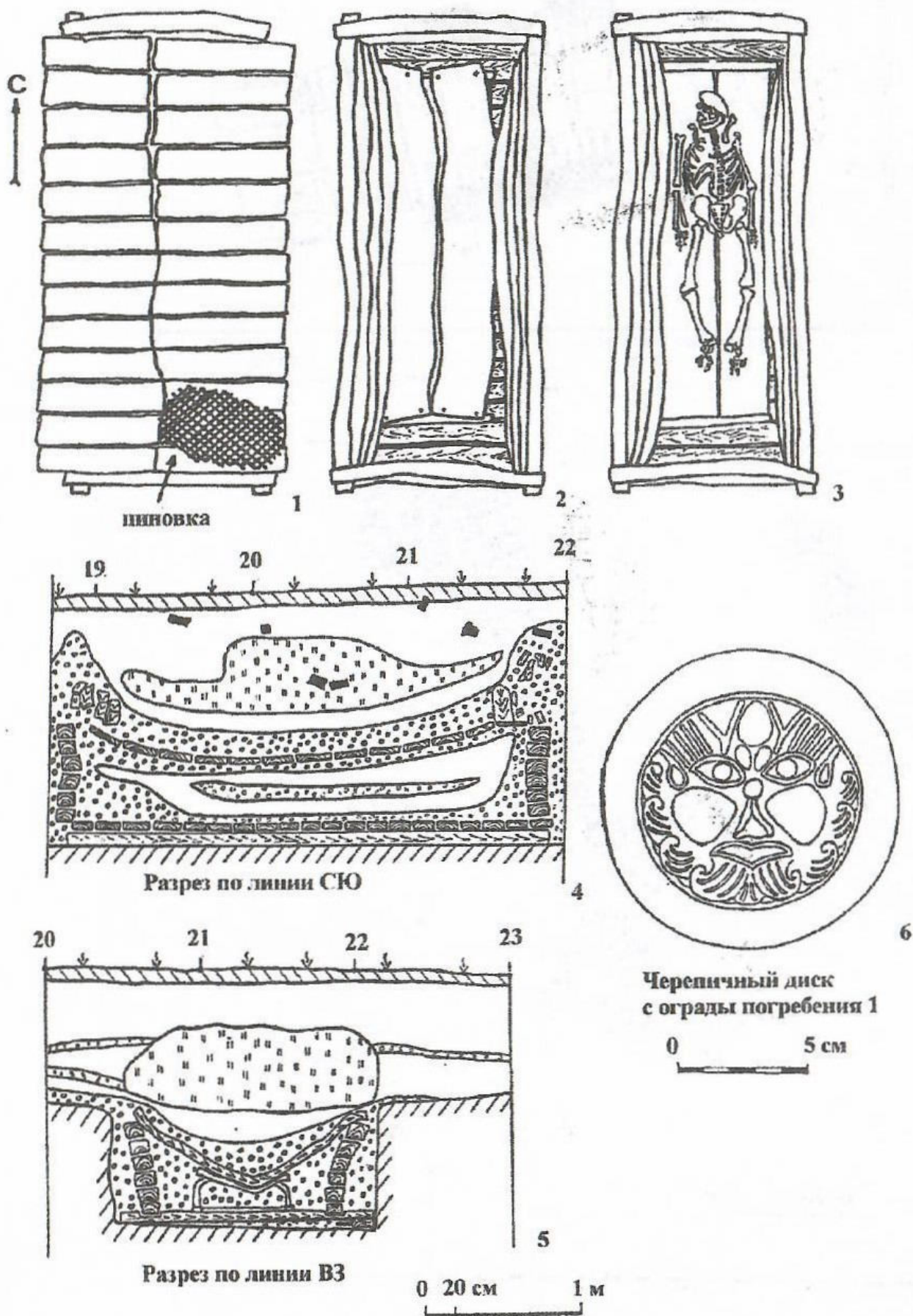

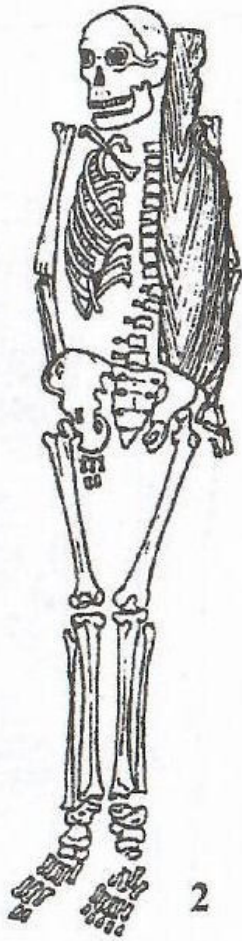
Рис. 4

погр. 2

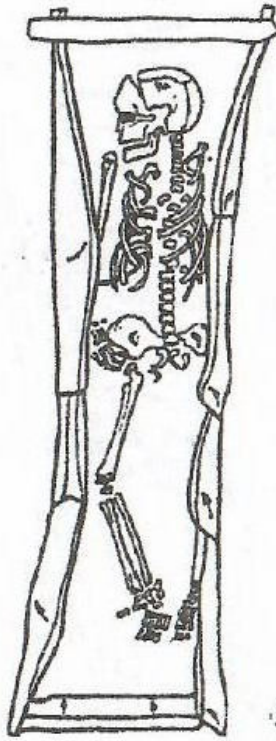
1

погр. 3

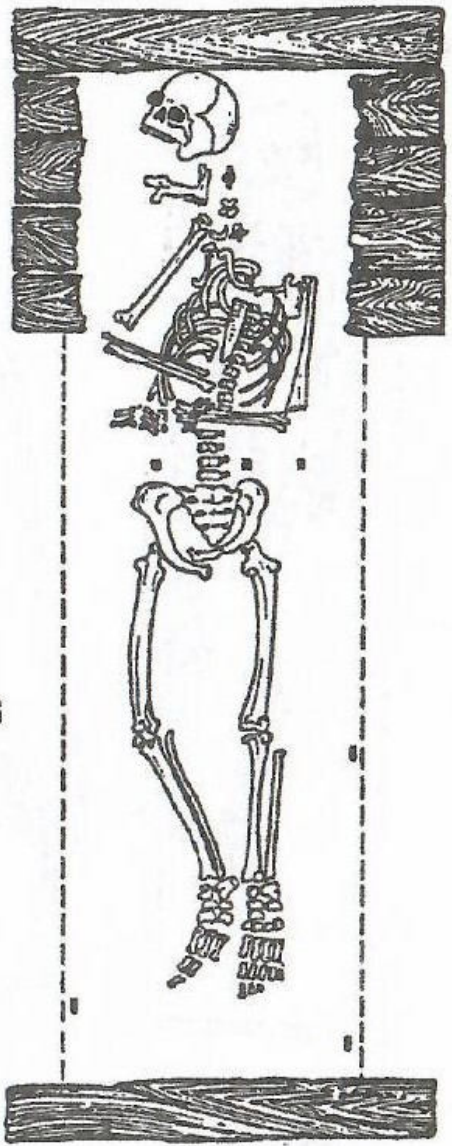
2

погр. 4

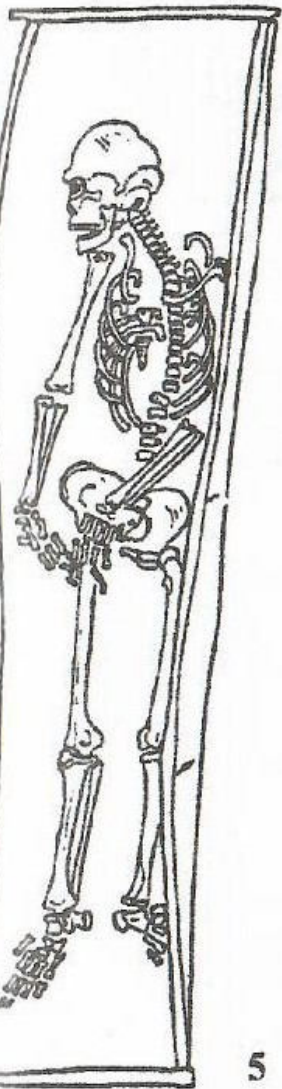
3

погр. 6

ГВОЗДИ

погр. 9

5

погр. 8

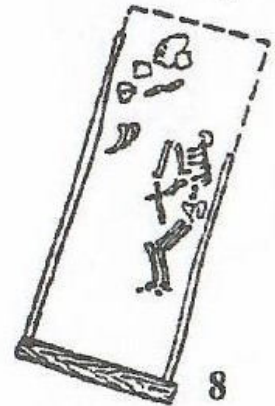
7

погр. 5

6

погр. 7

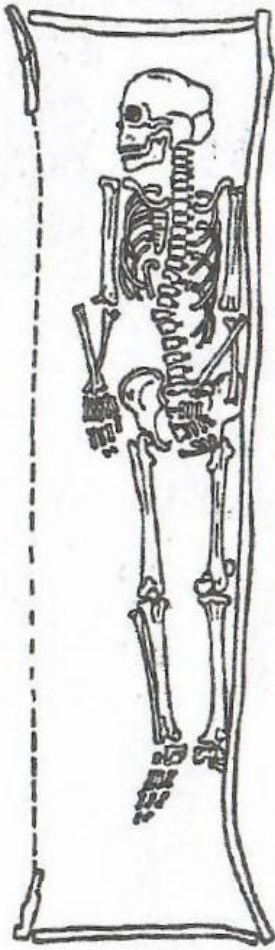
8

0 50 см

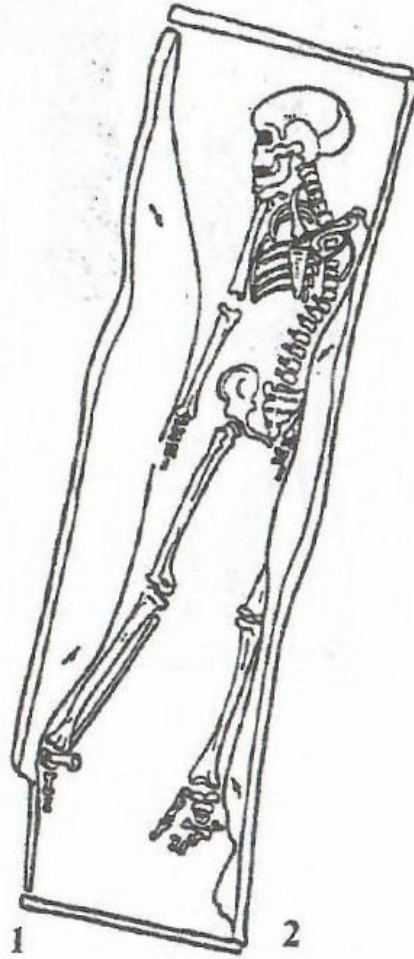
Рис. 5

С
↑

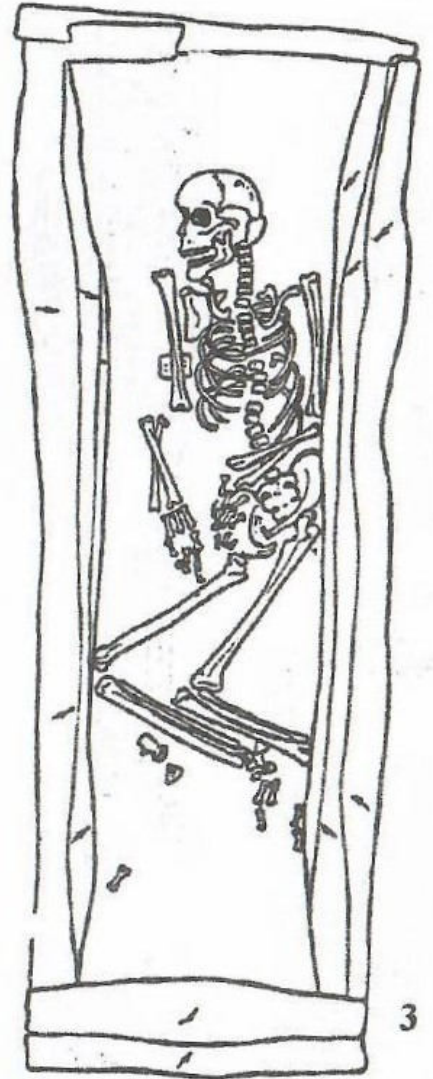
погр. 10

погр. 11

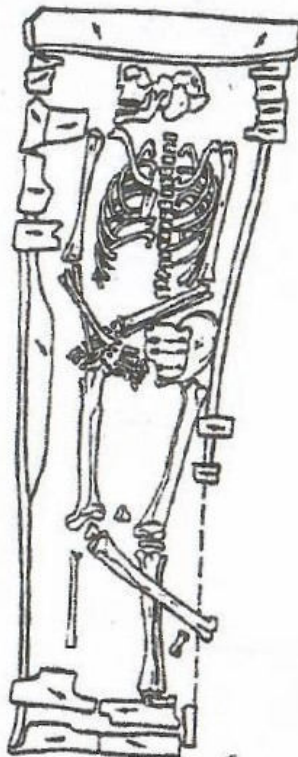
погр. 15

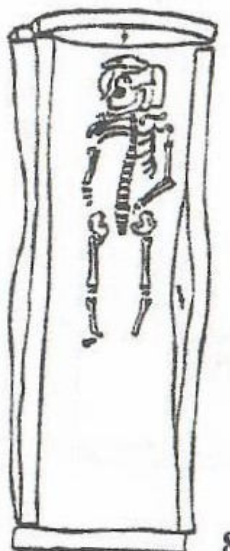
погр. 12

погр. 17

погр. 14

погр. 16

погр. 13

0 50 см

Рис.6

погр. 18

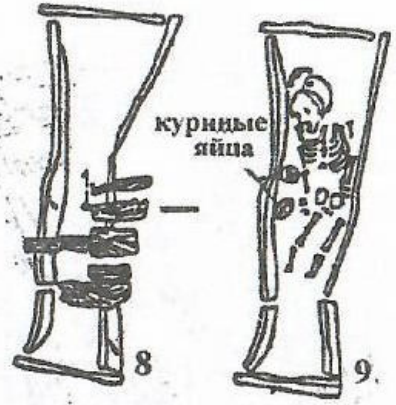
погр. 19

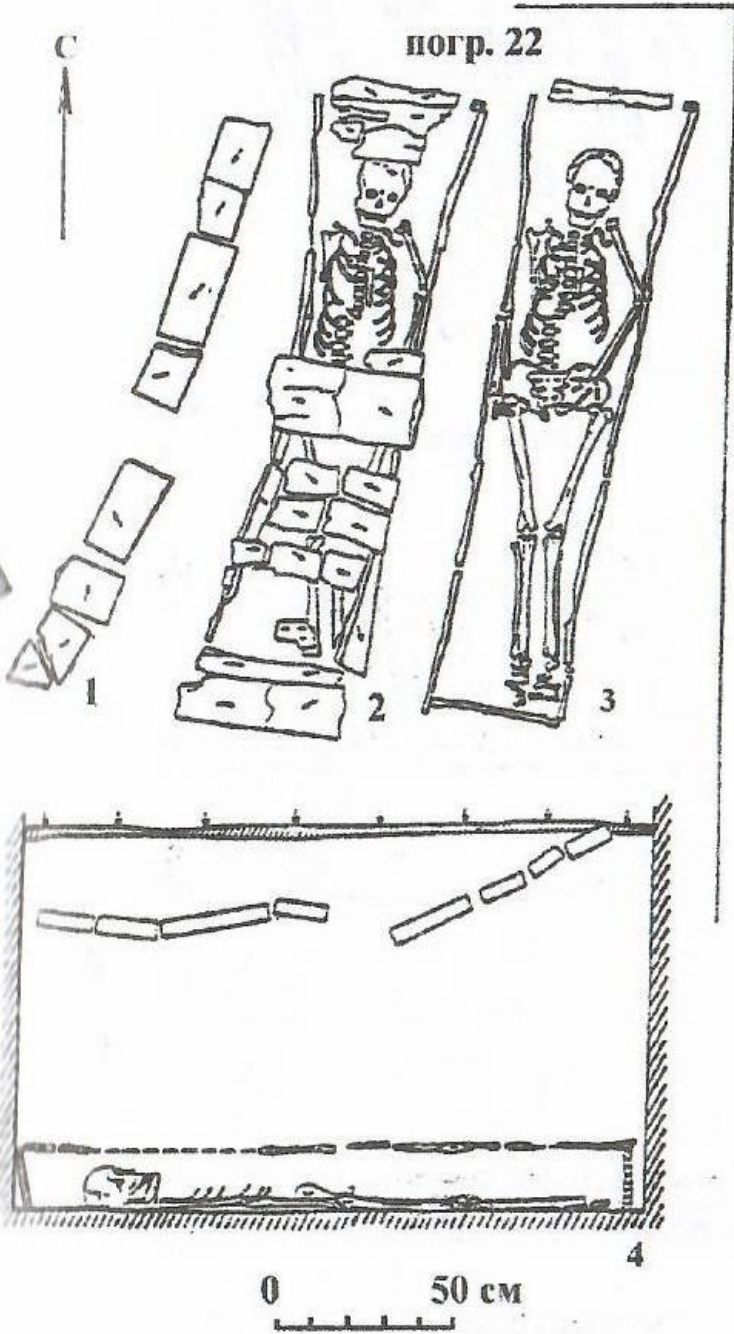
погр. 20

погр. 21

погр. 22

погр. 24

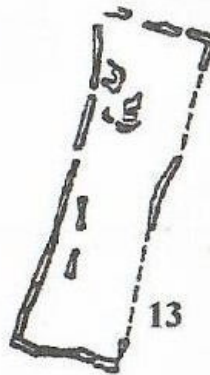
погр. 25

погр. 26

погр. 27

погр. 28

погр. 31

погр. 32

погр. 33

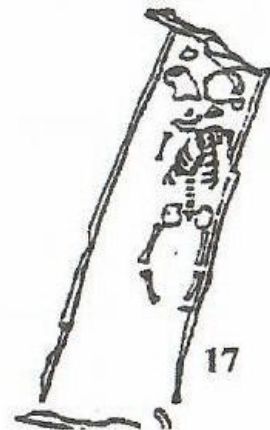
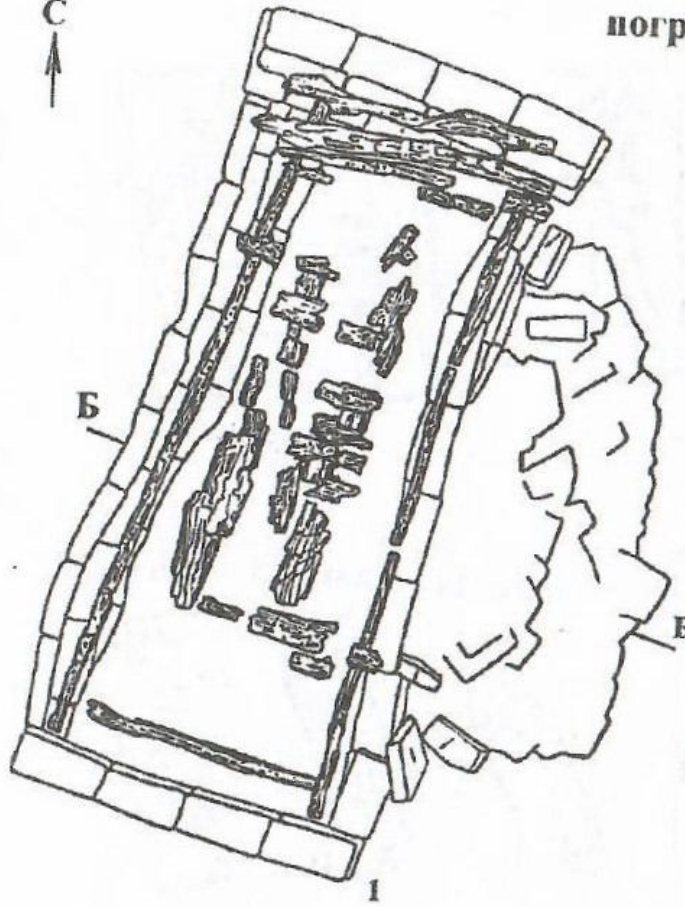
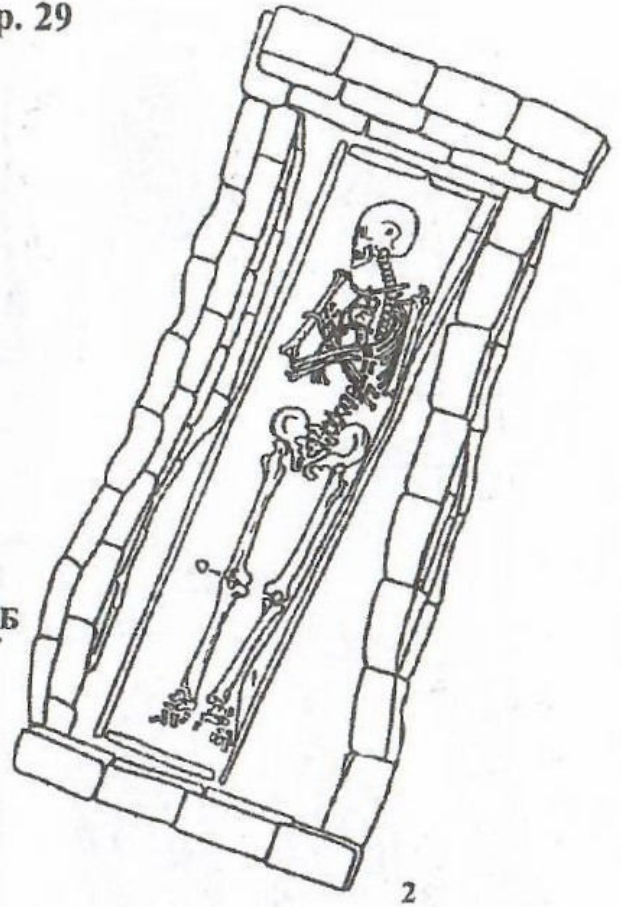

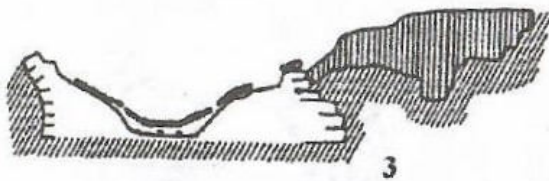
Рис. 7

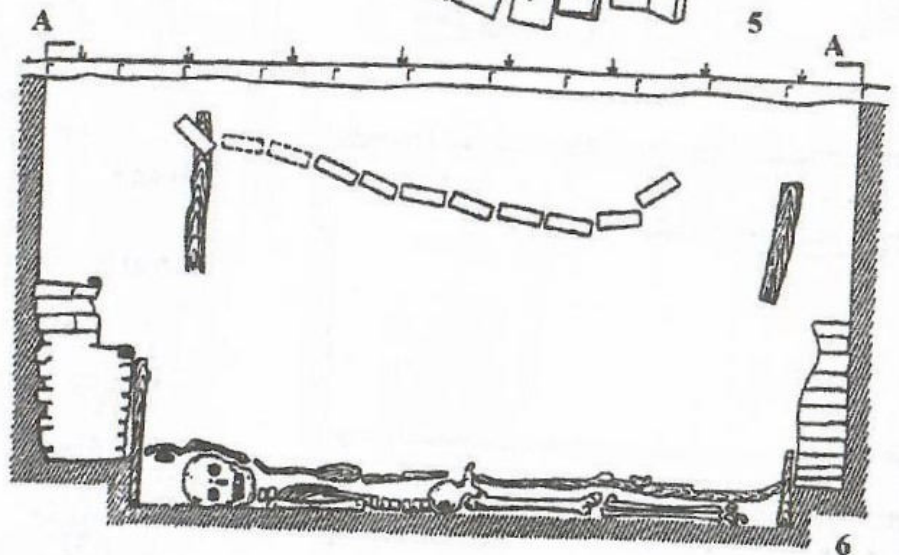
Разрез Б-Б

План "крыши"

Фасад северной стенки

0 50 см

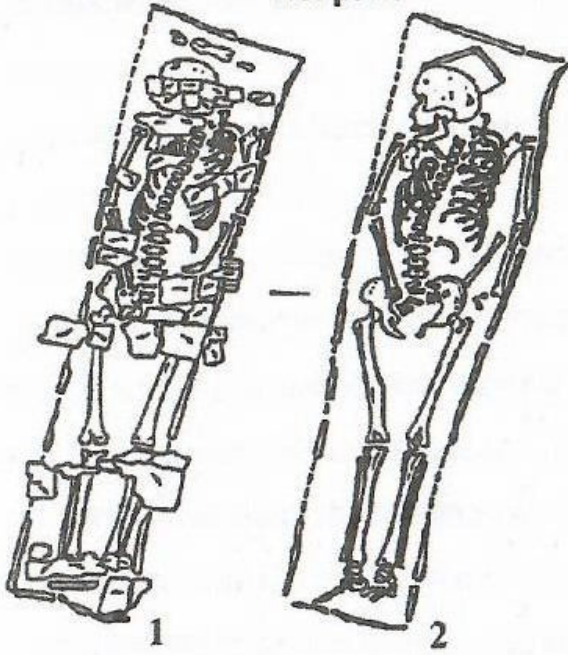

Фасад западной стенки

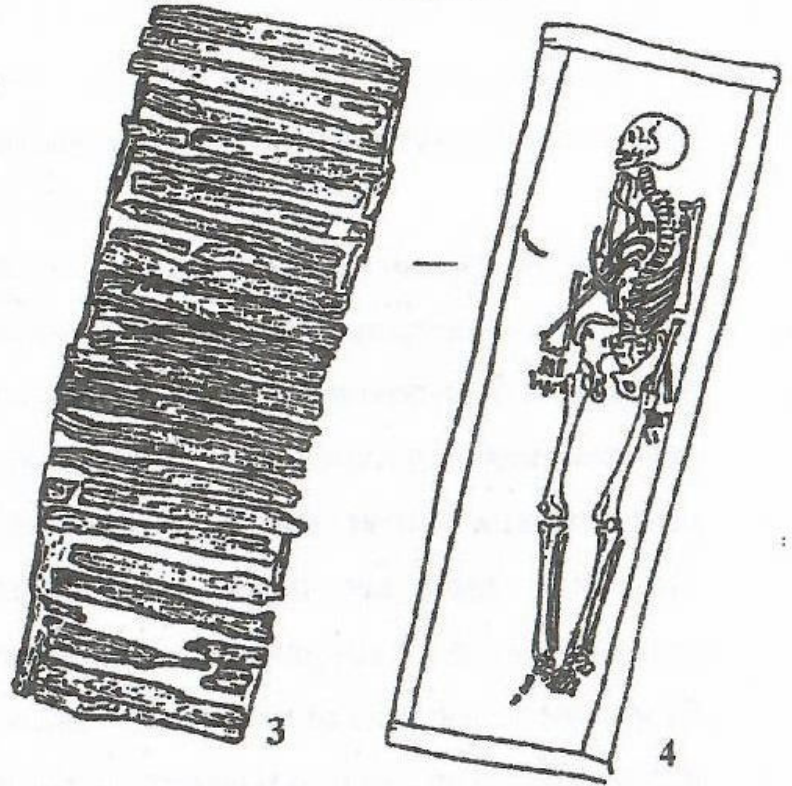
Рис. 8

погр. 23

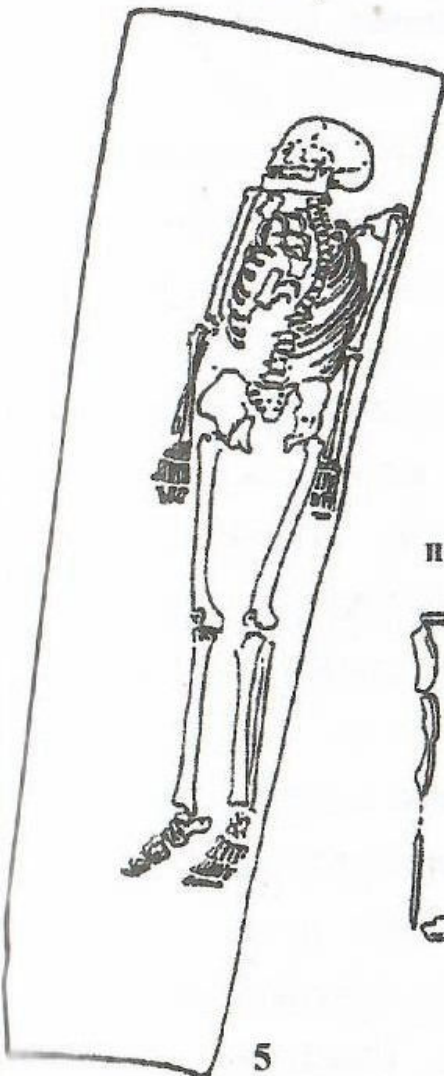

погр. 30

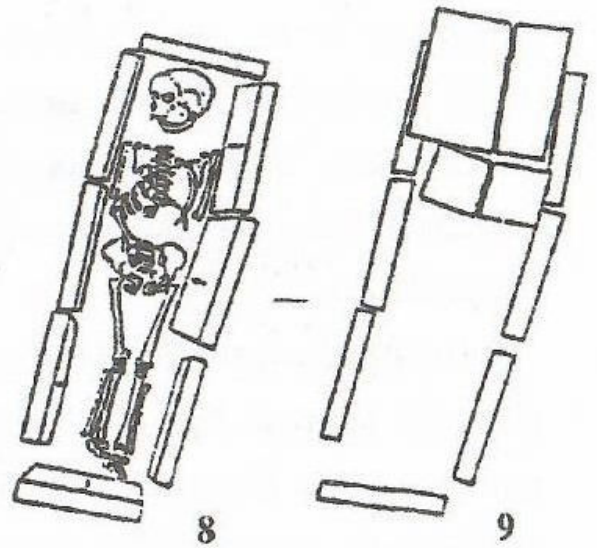

0 50 см

погр. 35

погр. 37

погр. 34

погр. 36

0 50 см

Вытянутые костяки эпохи ранней бронзы в Закубанье

Погребальный обряд северо-кавказской культурно - исторической общности, приходящей на смену майкопской и новотитаровской культурам в степном Закубанье, характеризуется прежде всего вытянутым на спине положением костяков. В. А. Марковин, высказавший точку зрения о генетической связи между майкопской и северокавказской культурой, выделил промежуточные, переходные комплексы, где скорченные погребения сопровождаются ранним северо - кавказским инвентарем [1]. При этом автор подчеркивал, что традиции погребального обряда степных катакомбных племен проникают на эту территорию лишь на позднем этапе существования северокавказской культуры [2]. Остаются не выясненными причины появления обряда вытянутого труположения у северо - кавказцев.

В настоящее время целостная объективная картина эпохи должна создаваться с учетом планомерных исследований, проведенных на современном методологическом уровне с использованием данных стратиграфии.

В последние годы в Закубанье выявлен ряд захоронений, относящихся к эпохе ранней бронзы, характерной особенностью которых является вытянутое на спине положение погребенных. Очевидно, они являлись одним из основных субстратов, послуживших основой для происхождения основных признаков погребального обряда северо - кавказской культурной общности.

Составленные ранее схемы периодизации памятников эпохи ранней и средней бронзы Кубани не охватывают всей территории региона и не учитывают всего накопленного в настоящее время материала.

Стратиграфическая колонка взаимосменяемости погребальных обрядов для эпохи бронзы степного Прикубанья, созданная В.А.

Трифоновым, включает наиболее ранние подкурганые погребения, относящиеся к эпохе энеолита. Это скорченные на спине костяки с подогнутыми ногами в овальных глубоких ямах (к. 5, ст. Батуриная, Брюховецкий р-н, 1980 г.) с восточной ориентировкой [3.4].

А.А. Нехаев к наиболее древним захоронениям относил погребения майкопской культуры, однако не исключал их сосуществование или даже более позднее стратиграфическое положение по отношению к группе погребений, характеризующихся довольно обширными прямоугольными ямами со скелетами, лежащими в скорченном положении на левом боку с западной ориентировкой (Выселковский р-н, п. Первомайский, к. 4). Скорченные погребения с восточной ориентировкой по А.А. Нехаеву относятся к древнейшим, которые составляют до 10% погребений в курганах и часто бывают основными [5]. Таким образом, констатируется наличие древнейшего населения в степном Правобережье реки Кубани. Однако, он же, анализируя материалы энеолитических поселений Закубанья, соотносит их с погребальными памятниками мариупольского облика, частности, с погребениями в кургане у ст. Старонижнестеблиевской [6].

В Закубанье (левобережье) погребений с характерным для ямной культуры инвентарем немного, но, если считать ямным обрядом скорченное положение костяков на спине или на боку с восточной ориентировкой, то наличие комплексов этой культуры в Закубанье бесспорно.

На материалах Чернышевского 1 курганного могильника выявлено время появления ямного влияния на местные погребальные обряды [7]. Архаичная группа новотитаровской (петропавловской) культуры сопоставляется с ямными памятниками [8]. Майкопская (новосвободненская) культура развивалась в тесном контакте с новотитаровскими древностями, которые имеют степные аналогии. Новотитаровская культура складывается из взаимодействия нескольких

компонентов и происхождение ее связывается с новосвободненской и ямной культурами [9].

Новые материалы, добытые в результате работ КАЭ ГМИНВ 1989 года позволяют, на наш взгляд, расширить представления о блоке культур эпохи ранней бронзы, существовавших в степном Закубанье.

Особенная важность стратиграфических наблюдений для курганов ранней и средней бронзы Закубанья обуславливается тем, что погребения, относящиеся к этому периоду, менее чем в половине случаев содержат инвентарь. Имеющийся погребальный инвентарь часто крайне невыразительный. Особенно это касается вытянутых костяков северокавказской культурно-исторической общности (области). Данные стратиграфии совместно с особенностями погребального обряда, включающего такие признаки, как конструкция могильного сооружения, положение погребенного, его ориентировка, степень окрашенности охрой, являются главными источниками для решения вопросов, касающихся относительной хронологии и локальных особенностей погребений эпохи ранней и средней бронзы.

В 1989 г. в Гиагинском районе Адыгейской АО близ х. Дукмасов и Мокрый Назаров на правом берегу р. Гиага раскопан хорошо стратифицированный курган (МН-1, к. 5). Основное погребение (№ 8) совершено с уровня древнего горизонта. Плахи перекрытия ориентированы с севера на юг и перекрывают могильную яму поперек. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами ориентирована с запада на восток с небольшим отклонением к северу. Глубина ямы до 190 см. На дне ямы, на подстилке в виде бурого органического тлена лежал костяк в вытянутом положении на спине, головой на восток с небольшим отклонением к северу. Руки и ноги вытянуты параллельно. Череп склонен к левому плечу. У правого плеча - комок охры, у костей стоп на подстилке зафиксировано охристое пятно.

Погребение № 8 перекрыто первой насыпью кургана. Затем с уровня древнего горизонта с юга у подножия первой насыпи совершено

погребение № 9. Выкид из ямы этого погребения лежит на древнем горизонте и вплотную примыкает с юга к краю первой насыпи. Конструкция могильной ямы и погребальный обряд этого погребения полностью идентичен обряду и конструкции погребения №8. Видимо, эти погребения, принадлежащие к одному стратиграфическому уровню в кургане, следует рассматривать как одновременные, или совершенные с минимальным хронологическим разрывом.

Следующий стратиграфический уровень в кургане представлен погребениями №№ 1 и 4, впущенными в первую насыпь. Погребение № 1 совершено в прямоугольной яме под деревянным поперечным перекрытием. Погребенный, ориентированный головой на восток, лежал на подстилке в виде органического тлена в скорченном положении на правом боку с завалом на спину. Правая рука вытянута к коленям, кисть левой находится в области таза. У правой руки найден овальный кремневый скребок на отщепе [10].

Судя по погребальному обряду это захоронение относится к новотитаровской культуре. Одним из характерных признаков этой обрядовой группы является положение рук погребенных [11].

Погребение № 4 совершено в яме под продольным деревянным перекрытием, лежащим, возможно, на заплечиках. Костяк, ориентированный головой на северо-восток, лежал в скорченном положении на правом боку. Правая рука вытянута к коленям. При погребенном обнаружена костяная молоточковидная булава с горизонтально-зональным орнаментом, две бронзовые слабовыпуклые бляхи с пунсонным орнаментом и бронзовый ромбовидный, черешковый нож. Ранний (новотитаровский) обряд захоронения и наличие металлического инвентаря, распространенного в среднебронзовое время, позволяют датировать это захоронение временем перехода от эпохи ранней бронзы к средней.

Стратиграфическое положение вытянутых костяков (№№ 8 и 9) безусловно указывают на то, что они относятся ко времени не позднее начала раннего бронзового века.

Исходя из вновь полученных данных, были проанализированы ранее раскопанные курганы в Закубанье, не имеющие четкой стратиграфии в силу особенностей почвы. Согласно общепринятой классификации материалов больших Кубанских курганов, безинвентарные погребения с вытянутым положением костяков, в прямоугольных ямах с перекрытиями и без перекрытий, имеющие неустойчивую ориентировку, автоматически относились к северо-кавказской культурно-исторической общности (кубано-терской культуре). В спорных случаях при недостаточно четкой стратиграфии, вытянутые костяки с восточной ориентировкой всегда "подгонялись" под признанную схему. Новые наблюдения позволили выделить ряд комплексов, явно принадлежащих другому, более раннему стратиграфическому уровню.

К описываемому типу следует отнести основное погребение из Армавира, раскопанное Н. И. Веселовским (курган 4). Захоронение заглублено в материк на 0,7 м. Размеры и описание формы ямы автором не приводятся. Могильная яма была перекрыта деревянными плахами. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на юг. Костяк не окрашен, вещей не обнаружено [12].

В материалах КАЭ ГМИНВ выявлены следующие погребения, относящиеся к этому стратиграфическому горизонту:

Уляп, к. 12, п.12 [13]. Могильная яма неправильной четырехугольной формы (220 x 245 см) ориентирована с северо-запада на юго-восток. Северная стенка ямы имеет два выступа, расположенные на углах. Деревянное перекрытие поперечное. Глубина ямы до 120 см. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-северо-запад. Кости рук чуть согнуты в локтях, у костей стоп зафиксированы следы охры. У правой кисти найдено 14 кремневых отщепов. Еще четыре отщепы лежали в юго-западном углу могильной ямы. У правой руки обнаружен

кремневый нож на отщепе. Это погребение является основным в кургане. Впускным оказалось погребение № 59, совершенное, вероятно, в край первоначальной насыпи. Погребение типично майкопское. В нем обнаружен красноглиняный сосуд с резко отогнутым венчиком, шаровидно-вытянутым туловом и плоским дном. В эту же насыпь впущены еще два раннебронзовых погребения (№№ 65 и 66). Одно из них (№65), новотитаровское, совершено в прямоугольной яме под поперечным деревянным перекрытием. Костяк ориентирован головой на юг, в скорченном положении на правом боку. Левая рука согнута в локте, кисть - на тазовых костях. Правая рука вытянута к коленям. Погребение №66 по обряду типично майкопское: скорченный на правом боку костяк ориентирован головой на юг, кисти рук - перед лицом.

Уляп, к. 17, п. 3. [14]. Погребение совершено в прямоугольной со скругленными углами яме глубиной до 140 см. Деревянное перекрытие - поперечное. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, ориентирован на восток с небольшим отклонением к югу. Руки чуть согнуты в локтях. Охра зафиксирована на подстилке в ногах костяка и справа от туловища. Погребение относится к стратиграфическому горизонту, следующему непосредственно за майкопским (новосвободненским?) погребением, лежащим на галечной вымостке (п. №7). Основным в кургане было погребение № 11 (ямного облика) с восточной ориентировкой, совершенное в скорченном положении на спине с поднятыми в коленях ногами. Руки согнуты в локтях, кисти рук - перед лицом .

Серегинский курган № 1, п. №№ 65 и 51 [15]. Относятся к одному стратиграфическому уровню. Погребение № 51 впущено в край досыпки над погребением № 65 с восточной стороны. По обряду и конструкции могильных сооружений погребения совершенно идентичные. Оба совершены в почти квадратных, больших, глубоких ямах под деревянными перекрытиями. Костяки в обеих могилах лежали в вытянутом положении на спине, с северо-восточной ориентировкой. Руки чуть согнуты в локтях (п. № 51). В погребении № 65 обнаружены игральные кости.

По погребальному обряду и месту расположения в курганной насыпи эти комплексы являются аналогичными приведенным выше погребениям №8 и 9 у х. Мокрый Назаров. Погребение №51 так же примыкает с востока к подножию насыпи над погребением №65. Разница между Серегинским и Мокроназаровским курганами только в том, что в Серегинском кургане вытянутые погребения не являются основными. Они впущены в насыпь над основным захоронением в кургане (№66). Это погребение в прямоугольной яме под поперечным деревянным перекрытием содержало скорченный на правом боку костяк с восточной ориентировкой. Правая рука погребенного вытянута к коленям. Деревянные конструкции на дне могильной ямы, видимо, представляли собой разобранный повозку с кузовом, аналогичным повозкам из Чернышевского 1 курганного могильника. Характерный погребальный обряд и наличие повозки позволяют отнести погребение № 66 к раннему этапу новотитаровской культуры.

Таким образом, в курганах степной части среднего Закубанья на основании стратиграфических наблюдений выявлена новая, пока не многочисленная, обрядово-хронологическая группа погребений. Для нее характерны глубокие подпрямоугольные ямы с поперечным деревянным перекрытием и восточная, реже северо-восточная ориентировка вытянутых на спине костяков. Руки почти во всех случаях чуть согнуты в локтях. Охра наблюдалась преимущественно в ногах, иногда она сформирована в комок или пирамидки. Инвентарь архаичного облика, встречается редко и немногочислен. Это кремневые орудия и отщепы и в одном случае - игральные кости-альчики.

Стратиграфическое положение данной обрядовой группы погребений таково: они являются либо основными в кургане при том, что новотитаровские и майкопские (новосвободненские) погребения их перекрывают, либо впускными, но только по отношению к тем же обрядовым группам. Из этого следует, что на основании прямой и обратной стратиграфии, по отношению к погребениям эпохи ранней бронзы можно сделать вывод о том, что обряд вытянутого труположения с

ориентировкой в восточный или северо-восточный сектор сосуществовал в Закубанье с другими раннебронзовыми культурами.

Вопрос о культурной атрибуции и происхождении вытянутых раннебронзовых погребений сводится, в сущности, к поискам аналогичных традиций захоронения в сопредельных регионах.

Энеолитические захоронения на Северном Кавказе совершались в скорченном положении на боку. Ранний пласт в Нальчикском могильнике представлен скорченными на правом или левом боку погребениями с широтной ориентировкой, или на спине с подогнутыми ногами. Они датированы второй половиной IV тыс. до н. э. [16].

В Закавказье энеолитические погребальные традиции так же не связаны с вытянутым труположением. Здесь погребения совершались на территории поселений в скорченном положении. Например, погребения на Бабадервиш [17], Кюль-тепе [18], и поселении Гинчи [19], где обнаружено два сильно скорченных погребения на правом боку, ориентированные головой на северо-запад и юго-запад.

На Северо-Восточном Кавказе известны энеолитические вытянутые погребения. Это прежде всего два погребения (№№ 22 и 23) на территории Лугового поселения. Они совершены в грунтовых ямах, перекрытых каменной кладкой. Костяки лежали в вытянутом положении на спине, с северо-восточной ориентировкой. Ступни и тазовые кости были посыпаны охрой [20]. Однако, энеолитическая принадлежность этих комплексов поставлена под сомнение. Не исключено, что они относятся к среднебронзовому времени [21]. Древнейшими подкурганными погребениями в этом регионе являются скорченные на левом боку костяки, ориентированные головой на восток. Погребальный обряд некоторых захоронений имеет ярко выраженные черты "древнейших культур южнорусских степей" [22].

Поиски аналогий вытянутым ранним захоронениям приводят в ареал степных культур эпохи энеолита. Впервые энеолитические вытянутые погребения были выделены из общей массы курганных захоронений в

начале XX в. В. А. Городцовым на территории бывших Изюмского и Бахмутского уездов [23]. Впоследствии этот опыт нашел поддержку у Н. Я. Мерперта, отнесшего вытянутые погребения Северского Донца к древнейшим ямным [24].

Прежде всего обращает на себя внимание древняя традиция восточной ориентации костяков в степном регионе. На материалах Нижнего Дона В.Я.Кияшко определил, что в этом регионе в течение энеолита и раннебронзового века происходило изменение ориентации подкурганных захоронений. Восточная ориентировка погребенных в целом более древняя, чем западная [25]. Д. Я. Телегин на территории Украины выделяет памятники новоданиловского типа эпохи энеолита с преобладающей восточной и северо-восточной ориентировкой [26].

Что касается вытянутого положения костяков, то эта традиция зафиксирована И.Ф. Ковалевой в целом пласте погребений в регионе Днепровского Левобережья в эпоху энеолита. Здесь обнаружено более ста подкурганных погребений в ямах под деревянными перекрытиями с северо-восточной ориентацией. И.Ф.Ковалева так характеризует эту обрядово-стратиграфическую группу: вытянутые на спине костяки с руками, уложенными вдоль туловища, с преимущественно восточной ориентацией. Изредка встречается подогнутость одной из ног. Иногда в составе тризны встречены сосуды, но в могилах они не обнаружены. Для инвентаря характерны также изделия, сформированные из охры, костяные восьмерковидные пронизи. По И.Ф.Ковалевой, горизонт с вытянутыми погребениями предшествует погребениям всех этапов ямной культуры, от которых они четко отделены стратиграфически [27]. Автор считает возможным объединить все варианты вытянутых погребений Орельско - Самарского Поднепровья в постмариупольскую культуру, хронологически следующую за раннеэнеолитической Азово-Днепровской культурой и наследующей ее черты.

В частности, они представляются более ранними по отношению к первой хронологической группе Волго - Уральского варианта ямной культурно - исторической общности, выделенной Н.Я.Мерпертом [28].

Район Правобережья Днепра также входил в зону формирования вытянутого обряда погребений энеолитического времени [29]. Носители энеолитических степных культур тесно контактировали с трипольскими племенами, о чем свидетельствует наличие в инвентаре последних трипольских импортов [30].

В хронологической шкале степного и лесостепного энеолита, разработанной В.А. Сафроновым, вытянутые погребения Днепрового левобережья синхронизируются с Триполем VI и предшествуют памятникам нижнемихайловского типа [31].

В.А. Трифонов, исследуя степное Прикубанье, относит к энеолитической группе захоронений, наряду с четырьмя типами скорченных костяков, погребения типа 9, вариант 1, содержащие вытянутые на спине костяки. Типичной ориентировкой для этого типа является восточная и южная. Тип 9 представлен единичными захоронениями и вместе с остальными энеолитическими погребениями составляет не более 2% от всех учтенных автором погребений энеолита - средней бронзы. В группе инвентаря из энеолитических погребений с вытянутыми на спине костяками, кроме ножевидных пластин и верхней части сосуда, орнаментированного треугольниками, отмечен бронзовый нож майкопского облика с широким треугольным черешком и слабо выделенными плечиками. Автор считает возможным сопоставление этого обряда захоронений с энеолитическими среднедонскими II группы по В.Я.Кияшко, и вытянутыми приазовскими погребениями. Хронологически они сопоставимы с нижним слоем Михайловки, и синхронизируются с позднесреднеднепровскими памятниками [32].

В вытянутом положении на спине совершались и новотитаровские захоронения. Например, погребение № 79, являвшееся основным в упомянутом Чернышевском кургане № 5. Прямоугольная могильная яма с

заплечиками перекрыта двумя накатами. Рядом с погребением на выкиде из могильной ямы стояла деревянная четырехколесная повозка. Вытянутый на спине костяк подростка лежал головой на восток [33].

В Большом Петропавловском могильнике погребение 5 кургана 1 содержало также костяк подростка, лежащий в вытянутом положении на спине головой на северо – восток [34]. Новотитаровские вытянутые погребения, видимо, хронологически сопоставимы с рассматриваемым типом захоронений, однако по ряду признаков они различаются (прежде всего по преобладающей ориентировке, характерной позе погребенных, а также по инвентарю).

На территории Центрального Предкавказья (Ставрополье, Кавминводы) в погребении 1/14 Нежинской 1 курганной группы зафиксирован обряд погребения, имеющий признаки, которые станут типичными для погребального обряда эпохи средней бронзы. Здесь обнаружен костяк в вытянутом положении на спине, головой на восток. Два сосуда из этого погребения изготовлены в майкопских технологических традициях и находят аналогии в Закубанском майкопе. С.Н.Кореневский относит это погребение ко времени перехода от традиций погребального обряда майкопской культуры к эпохе средней бронзы, протосреднебронзовому времени. Процесс перехода к новым традициям погребального обряда, по мнению автора, отражает "какие-то сложные этно - культурные процессы, возможно, частично миграционного характера" [35].

В специальной статье, посвященной вопросу о происхождении вытянутого труположения на Северном Кавказе, Б.М.Хашегульгов основывает свои выводы на "полном отсутствии в эпоху ранней бронзы вытянутого обряда захоронения в этом регионе". Происхождение этого обряда и его распространение в эпоху средней бронзы он связывает с Пруто-Днестровской, Буго-Днепровской и Доно-Донецкой группами племен конца IV-нач. III тыс. до н.э. и рассматривает это "как археологический факт

миграции древних племен" [36]. Однако, этот процесс, очевидно, происходил уже в раннебронзовое время.

Вышеизложенное позволяет соотнести вытянутые погребения в Закубанье со степными, украинскими и сделать вывод о том, что степные черты, степные традиции погребальной практики проникают в Закубанье в доямное позднеэнеолитическое время. В степном Закубанье уже в начальные периоды ранней бронзы сосуществуют три обрядово-хронологических группы захоронений: майкопская (новосвободненская), новотитаровская и обрядовая группа вытянутых костяков постмариупольских традиций. Ее культурная атрибуция еще до конца не выяснена, но, не смотря на это, сам факт такой древней фиксации погребальной практики с вытянутой ингумацией очень важен, поскольку известно, что в более молодую эпоху этот тип захоронения становится доминирующим на Северном Кавказе. Материалы Предкавказья, отражающие аналогичный и столь ранний обряд, очень ограничены, однако, они позволяют выдвинуть гипотезу о появлении в этом регионе вытянутых костяков еще в раннебронзовый период, когда были живы майкопские керамические традиции. Погребальный обряд северокавказских племен эпохи средней бронзы сложился, видимо, в том числе под влиянием обряда погребений этого типа.

1. Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). М., 1960, с. 107.
2. Марковин В.И. Указ. соч., с. 69.
3. Трифонов В.А., Бочкарев В.С. и др. Работы Кубанской экспедиции 1978 - 1980 гг. // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983, с. 84.
4. Трифонов В.А. О смене обрядовых групп погребений в Степном Прикубанье (энеолит - средняя бронза). // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тезисы докладов. Ереван, 1982, с.13-14.

5. Нехаев А.А. Памятники эпохи бронзы степного Правобережья реки Кубани. // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов на Дону, 1983, с. 41.
6. Нехаев А.А. Энеолитические поселения Закубанья. // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990, с. 20.
7. Днепровский К.А. Обрядовые группы захоронений финальной ранней бронзы в Чернышевском I курганном могильнике // Древний и средневековый Восток, ч. II. М., 1988, с. 365.
8. Гей А.Н., Каменецкий И.С. Северо - Кавказская экспедиция 1979-1983гг. // КСИА, № 188. М., 1986, с. 40.
9. Гей А.Н. Проблема формирования новотитаровской культуры в степном Прикубанье. // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1994, с. 25, 26.
10. См. Отчет о работе КАЭ ГМИНВ в 1989 г. М., 1990, с. 54.
11. Гей А.Н., Каменецкий И.С. Указ. соч., с. 38.
12. ОАК за 1902 г. Спб., 1904 г., с. 45.
13. См. Отчет о работе КАЭ ГМИНВ за 1983 г. М., 1984, с. 121.
14. Там же, с. 121.
15. См. Отчет о работе КАЭ ГМИНВ за 1987 г. М. 1988, с.67.
16. Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В. Могильник в г. Нальчике.// МИА, № 3. М., 1941, с. 104.
17. Нариманов И.Г. Древнейшие земледельческие культуры Закавказья. // Тез. докл. VII Международного конгресса историков. М., 1966, с. 122.
18. Абибулаев О.А. Погребальные памятники из поселения Кюль – Тепе. // Археологические памятники в Азербайджане. Баку, 1965, с. 29 – 44.
19. Гаджиев М.Г. Новые данные о южных связях Дагестана в IV- III тыс. до н.э. // КСИА, № 108. М., 1966, с. 56.
20. Крупнов Е.И. Прикаспийская экспедиция.// КСИИМК, №.55. М., 1954, с. 99 , 100.

21. Хашегульгов Б.М. К вопросу о культурной принадлежности погребений эпохи бронзы на Луговом могильнике (ЧИАССР). // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988, с. 66.
22. Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо - Восточного Кавказа.// МИА, № 100. М., 1961, с. 139 – 140.
23. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903г. // Труды XIII АС, т. I. М., 1905, с. 216 – 217.
24. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974, с. 148.
25. Кияшко В.Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф.канд. дисс. М., 1974, с. 12.
26. Телегин Д.Я. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном Левобережье Украины. // Археология Украинской ССР, т.1. Киев, 1985, с. 313.
27. Ковалева И.Ф. Вытянутые энеолитические погребения Днепровского ариала. // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов на Дону, 1983, с. 22; она же. Еще раз о стратиграфическом соотношении постмариупольских, нижнемихайловских и древнеямных погребений. // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1986, с. 56 - 66.
28. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско - Уральского междуречья. М., 1974, с. 54 - 60.
29. Николаева А.В., Рассамкин Ю.Я. О позднеэнеолитических памятниках Правобережья Днепра. // СА, №3. М., 1985, с. 54.
30. Збенович В.Г. К проблеме связей триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья. // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, с. 66 - 68.

31. Сафронов В.А. Хронологическая система энеолита и бронзового века юга восточной Европы. // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979, с. 25.
32. Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита - средней бронзы (периодизация). // Древнейшие культуры Прикубанья. Л., 1991, с. 100.
33. Днепровский К.А. Обрядовые группы захоронений..., с. 366.
34. См. Отчет о работе Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР за 1982 г., с. 32-33.
35. Корневский С.Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990, с. 19-20.
36. Хашегульгов Б.М.. К вопросу о происхождении обряда вытянутого труположения на Северном Кавказе. // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986, с. 48, 53.

Терехова Н.Н., Кожухов С.П.

Металлографическая характеристика кузнечных изделий из меотских погребений Ново-Вочепшийского могильника

Металлографическое изучение железных изделий эпохи раннего железа позволяет ставить и решать проблемы историко-технического и историко-экономического характера, связанные с развитием металлообработки. Кроме того, особый интерес объективные данные металлографического анализа приобретают при изучении крупных серий изделий из регионов, где происходило активное взаимодействие двух и более различных археологических культур. В частности, подобные исследования позволяют решить вопрос о происхождении того или иного конкретного предмета вооружения, особенно в случае, когда этот предмет (допустим, меч) имеет признаки различных культур, например сарматской (кольцевидное навершие) и меотской (отсутствие металлического перекрестья). Накопление в последние годы значительного количества изделий из черного металла, происходящих из памятников Закубанья, позволяет решить многие проблемы истории древнего производства в этом регионе.

Настоящая статья посвящена публикации результатов металлографического исследования небольшой коллекции железных предметов, изученных в Лаборатории Естественных-научных методов Института Археологии РАН. Эта коллекция происходит из раскопок Кавказской археологической экспедиции ГИМНВ в 1986 и 1988 г. Значительная часть вещей взята из погребений ранней группы (III-I вв. до н.э.) Ново-Вочепшийского могильника, расположенного на окраине хутора Новый Вочепший в Теучежском районе Республики Адыгея. Коллекция включает такие категории предметов, как ножи, наконечники дротиков, наконечники копий, мечи, предметы конского снаряжения - всего 24 предмета. Кроме того, нами исследовано несколько предметов конца IV - начала III вв. до н.э. из могильника Пшиш (раскопки Л.М.Носковой, ГМИНВ,

1988 г.) и окрестностей аула Тауйхабль (случайная находка КАЭ ГМИНВ в 1985 г.).

Описание технологии изготовления изделий, реконструируемой на основании металлографических данных, (см. Приложение), дается по категориям. Образцы для металлографического исследования отбирались с рабочей части изделий, а также с рукоятей (ножи), втулок (наконечники копий и дротиков). Металлографическое исследование проводилось на металломикроскопе МИМ-7, измерение микротвердости - на микротвердомере ПМТ-3 при нагрузке 100 г.

Ножи. Исследовано 6 экземпляров из могильника Ново-Вочепшийский. (ан. 7208, 7209, 7210, 7211, 7222, 7223), 1 экз. - из могильника Пшиш (ан. 7206), 1 экз. - из могильника Тауйхабль (ан.7207). Ножи в основном представлены в обломанном виде (целых экземпляров только два - ан. 7210, 7222) (рис. 1). Все ножи из Ново-Вочепшийского могильника, судя по целым экземплярам и сохранившимся фрагментам, относятся к одному типу - с горбатой спинкой (различаются лишь размерами). Нож из могильника Пшиш имеет прямую спинку.

Как показало металлографическое исследование, технология изготовления ножей, происходящих из Ново-Вочепшийского могильника, достаточно стандартна - сварка из нескольких полос сырцовый (неравномерно науглероженной) стали, иногда в сочетании с железными полосами. Возможно, использовалась единая полоса-заготовка, сложенная в несколько раз и сваренная. Почти все экземпляры ножей имеют более или менее выраженные (в зависимости от концентрации углерода) признаки термообработки. В структуре металла иногда фиксируются признаки перегрева (ан. 7223). Только один нож из Ново-Вочепшийского могильника оказался откованным целиком из мягкого железа, имеющего в структуре характерные включения нитридов железа (ан.7222). Среди прочих этот экземпляр выделяется крупными размерами (длина 22 см., наибольшая ширина полотна 3,3 см.), четкими контурами "горбатой" спинки.

Нож из Тауйхабля по технологии не отличается от вышеописанной группы ножей из Ново-Вочепшийского могильника.

В отличие от этой группы, нож из могильника Пшиш изготовлен из цельносталевой заготовки, причем использована качественная сталь, полученная путем преднамеренной цементации железной полосы. Отметим, что этот нож является самым древним в изученной коллекции и датируется раннеэллинистическим временем. Технология, по которой он изготовлен, ближе к технологии железных изделий скифского времени из Келермесского могильника [1]. Все прочие ножи из Ново-Вочепшийского могильника относятся ко II-I вв. до н.э.

Наконечники копий. Исследовано 6 экземпляров (все - из Ново-Вочепшийского могильника), представленных разными типами: с узким листовидным пером без ребра жесткости, втулка укреплена кольцом (ан. 7219, длина 30 см.); с листовидным пером, имеющим ребро жесткости (ан. 7216, 7220, 7221, длина пера - 15-20 см., втулка обломана); с треугольным пером со скругленными углами, имеющим ребро жесткости (ан. 7217, 7218, длина 38 и 27 см.) (рис. 2).

Для наиболее полной технологической реконструкции пробы отбирались как с пера, так и с втулки. Полученные в результате микроскопического изучения данные позволяют заключить, что при изготовлении изделий данной категории использовалась простейшая технология - наконечники копий формировались целиком из железа, причем отличавшегося повышенной мягкостью (см. показатели микротвердости в Приложении, в структуре металла зафиксированы включения нитридов железа). Лишь один экземпляр (ан. 7216) откован из заготовки, сваренной из нескольких полос мягкой сырцово-стали.

Наконечники дротиков. Исследовано 4 экземпляра, все они происходят из Ново-Вочепшийского могильника (ан. 7212, 7213, 7214, 7215) (табл. 3). Изученные экземпляры имеют близкую форму и размеры. Общая длина - 27-

29 см., перо (длина 6,5-10 см.) - треугольное с четко выраженными жальцами, втулка короткая - 6-7 см., сомкнутая, иногда укреплена железным кольцом в основании, стержень между пером и втулкой - круглый в сечении.

Как установлено на основании металлографических данных, все наконечники изготовлены по единой технологической схеме: изделие формовалось из железа или мягкой сырцової стали (ан. 7214), перо подвергалось специальной операции - цементации (насталиванию) с целью улучшения рабочих качеств с последующей термообработкой. О достоверности подобной схемы свидетельствует характер структуры образцов, взятых с пера (феррито-перлит, сорбит) и со втулки или со стержня (феррит, на фоне которого выявляются включения нитридов железа).

Мечи. Исследовано 4 экземпляра из Ново-Вочепшийского могильника (ан. 6598, 6599, 6600, 6601(рис. 4). Все мечи во фрагментированном состоянии. Два из них имеют антенновидное навершие (ан. 6598, 6599), один - кольцевидное навершие и прямое перекрестье (ан.6601\8.9), последний меч, с прямым перекрестием, не имел металлического навершия. Как показало микроскопическое изучение образцов, отобранных из различных частей мечей, при изготовлении их использовалась простая технология - ковка целиком из железа (ан. 6600, 6601\8.9), или мягкой стали (ан. 6598), и либо из неравномерно науглероженной сырцової стали (ан. 6599). Специальных приемов по улучшению рабочих качеств не использовалось.

Предметы конского снаряжения. Исследовано два комплекта удиц с обломком псалия, происходящих из одного погребения (N 57) могильника Пшиш (рис. 3) (в этом же погребении найден нож - ан. 7206, о котором речь шла выше). Образцы для металлографического исследования отбирались из различных частей удиц, а также с обломка псалия (рис. 3).

Полученные данные позволяют говорить о том, что оба экземпляра удиц и псалий изготовлены целиком из мягкого железа без каких-либо

дополнительных приемов по улучшению рабочих качеств. Любопытно отметить, что в традициях северо-кавказских мастеров раннескифского времени было использование стали для изготовления удил. Особое внимание уделялось при этом такому элементу, как грызла. Довольно часто удила подвергались термообработке [3].

Обобщая данные, полученные на основании металлографического анализа железных изделий из меотских погребений III в до н э - I в. н.э. в Краснодарском крае, можно сделать ряд выводов относительно характера местной железообработки.

Кузнечные приемы, используемые при изготовлении изделий, в основном, простейшие - ковка целиком из железа или сырцовый мягкой стали, происходящей непосредственно из сыродутного горна. Специально полученная качественная сталь практически отсутствует. Лишь в одном случае мы можем говорить об использовании подобного материала - это нож из могильника Пшиш. Как уже упоминалось выше, он является (вместе с удилами из того же могильника) самым древним предметом в рассматриваемой коллекции.

С технологической точки зрения обращает на себя внимание такая категория, как наконечники дротиков. Она явно выпадает из общих технологических характеристик - только на предметах этой категории зафиксированы специальные приемы по упрочиванию части (в данном случае пера) с помощью цементации и последующей термообработки. За счет этого перо, откованное из железа или мягкой стали, становилось гораздо тверже. Остальная часть изделия, будучи железной, хорошо выдерживала нагрузку при ударе. Целесообразность подобной схемы очевидна, однако, ее происхождение пока неясно. Возможно, своеобразие этой технологии объясняется тем, что дротики такого типа (с длинным стержнем и жаловидной головкой) на Кубани являются заимствованием, видимо, из Северного Причерноморья [3] и могли быть усвоены вместе с технологией их изготовления. К сожалению, мы почти не имеем

сравнительного материала. На сегодня нам известны результаты анализа всего лишь двух дротиков - один из Лесостепи, другой из района Горгиппии [4]. Оба изготовлены по иной технологической схеме, нежели дротики из Ново-Вочепшия. Впрочем, не исключено, что своеобразие технологии ново-вочепшийских дротиков является всего лишь локальной особенностью. Необходимо исследовать синхронные материалы из различных памятников с обоих берегов Кубани.

Исследованная коллекция, разумеется, слишком мала, чтобы делать широкие обобщения, но некоторые тенденции все же просматриваются.

Так, явно отмечается стандартизация приемов в отношении определенных категорий изделий. Например, ножи, как правило, многослойные, т.е. откованы из нескольких полос металла, либо из одной, но сложенной в несколько раз и сваренной. Почти обязательна для этой категории термообработка, хотя из-за характера сырья (неравномерно науглероженная сырцовая сталь) она не всегда выявляется достаточно четко. Наконечники копий почти всегда откованы просто целиком из железа. Наконечники дротиков, как уже отмечалось, изготовлены по совершенно особой схеме.

Особенно выразительно отличие в технологии изготовления предметов разных категорий в том случае, когда они происходят из одного погребения (например, ср. технологию наконечника копья и дротика из погребения 190 Ново-Вочепшийского могильника, ан. 7215 и 7219 или технологию изготовления ножа и конского снаряжения из погребения N 57 могильника Пшиш, ан. 7206, и 7204, 7205 (см. таблицу).

Хотелось бы обратить внимание на особенность местного сырья, отличающегося повышенной мягкостью (см. показатели микротвердости в таблице) и имеющего в структуре металла характерные включения (нитриды железа). Следует отметить как характерную черту местной железообработки - хорошее качество кузнечной проковки сырьевого материала. Металл хорошо очищен от шлаковых включений, зерно равномерное, структуры перегрева зафиксированы в единичных случаях. Наиболее близкие

соответствия рассмотренные технологические характеристики имеют в материалах Серегинского могильника, расположенного в 90 км. восточнее Ново-Вочепшийского, на левом берегу реки Лабы [5].

В настоящее время имеется большая коллекция железных изделий из памятников Закубанья VII в. до н.э. - III в. н.э. Изучение предметов из разных памятников в хронологическом диапазоне в тысячу лет позволило бы проследить историю развития железообработки у закубанского населения, зависимость ее от различных традиций, возможно, выявило бы конкретный вклад скифов, сарматов и местного неиранского населения в развитие железоделательного и кузнечного ремесла. Такая работа значительно углубила бы наши знания об общем уровне развития производительных сил региона и облегчило бы решение многих частных вопросов развития ремесла и военного дела, тесно связанных с железообработкой.

1. Терехова Н.Н. Характеристика техники кузнечного производства железных изделий из Келермесских курганов и Келермесского грунтового могильника. // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989, с.113-116.

2. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. // САИ, вып. Д 1-4. М., 1964, с. 34.

3. Шрамко Б.А., Солнцев Л.А., Фомин Л.Д. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии. // СА, N 4. М. ,1963, с. 36-57.

4. Хранится в архиве Лаборатории естественно-научных методов ИА РАН.

5. Терехова Н.Н. Результаты металлографического исследования предметов из Серегинского грунтового могильника. // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.

приложение

NN пп	Предмет	Памятник	Шифр	N анализа	Структурный состав	Содержа- ние угле- рода %	Микро- твер- дость	Технология
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Нож	М-к Ново-Во- чепшийский	Погр.60, нах. 21 инв. № 33	7223	Феррит и перлит	0,1-0,3	135-143	Не равномерно науглероженной стали
2	Нож	там же	Погр.82, нах. 13 инв. №101	7211	Феррит, перлит, сор- бит, мартенсит	0,1-0,4	135-221 254-274 420-514	Сварка из нескольких стальных полос, за - калка
3	Нож	там же	Погр.95, нах. 4 инв. № 171	7210	Феррит и перлит характер структуры сорбитообразный	0,2-0,4	116-143 221-236	Сварка из нескольких полос стали. Возмож- но, подвергался тер- мообработке
4	Нож	там же	Погр.96, нах. 6 инв. № 171	7208	Феррит и перлит характер структуры сорбитообразный	0,2-0,4	143-221 254	Сварка из нескольких полос стали. Возмож- но, подвергался тер- мообработке
5	Наконечник копья	там же	Погр.189, нах. 2 инв. № 246	7220	Феррит, включения нитридов железа		105-116	Целиком из железа
6	Наконечник копья	там же	Погр.190, нах. 4 инв. № 252	7219	Феррит, следы пер- лита, включения нит- ридов железа		105-116	Целиком из железа
7	Наконечник копья	там же	Погр.192, нах. 3 инв. № 267	7217	Феррит, включения нитридов железа		105-145	Целиком из железа
8	Наконечник копья	там же	Погр.198, нах. 2 инв. № 310	7218	Феррит, следы пер- лита, включения нит- ридов железа		110-128	целиком из железа
9	Наконечник копья	там же	Погр.188, нах. 1 инв. № 189	7221	Феррит, феррито-пер- лит, включения нитри- дов железа		128-135	целиком из железа

10	Наконечник копья	М-к Ново-Вочел- шийский	Погр. 172, нах. 2 инв. № 189	7216	Феррит, феррито-пер- лит, включения нитри- дов железа	0,2-0,3	112-135 143-206	Из заготовки, сварен- ной из нескольких по- лос сырьевой стали
11	Нож	там же	Погр. 103, нах. 2 инв. № 229	7209	Феррит, феррито-пер- лит	0,2-0,3	116-135 143-221	Сварка из нескольких полос железа и сыр- цовой стали
12	Нож	там же	Погр. 200, нах. 3 инв. № 308	7222	Феррит, следы перли- та, включения нитри- дов железа	0,1	116-135	Целиком из железа
13	Наконечник дротика	там же	Погр. 164, инв. № 1216	7214	Феррит, феррито-пер- лит, сорбит	0,2-0,4	135-143 206-221	Из заготовки, откован- ной из сырьевой ста- ли, перо подвергнуто цементации и термо- обработке
14	Наконечник дротика	там же	Погр. 190, нах. 5 инв. № 253а	7215	Феррит, феррито-пер- лит, сорбит, включе- ния нитридов железа	0,1-0,4	116-135 254-297	Из заготовки, откован- ной из железа, перо подвергнуто цемента- ции и термообработке
15	Наконечник дротика	там же	Погр. 196, нах. 5 инв. № 295	7213	Феррито-перлит, сорбит,	0,3-0,4	221-236 254	Из стальной заготовки (перо, возможно, было подвергнуто цемента- ции), термообработано
16	Наконечник дротика	там же	Погр. 195, нах. 3 инв. № 284	7212	Феррит, феррито-пер- лит, сорбит	0,2-0,4	110-128 206-221 254	Из стальной заготовки (перо, возможно, было подвергнуто цемента- ции), термообработано
17	Меч	там же	Погр. 142, нах. 1 инв. № 44	6600	Феррит		122-151	Целиком из железа
18	Меч	там же	Погр. 199, нах. 9 инв. № 272	6601/8 6601/9	Феррит, включения нитридов		95,8-111 116-128	Целиком из железа

19	Меч	там же	Погр. 146, нах. 9 инв. № 31	6598	Феррит, феррито-пер- лит	0,1-0,3	116 143-181	из мягкой сырцово- стали
20	Меч	там же	Погр. 153, нах. 14 инв. № 55	6599	Феррито-перлит. Хара- ктер структуры сорби- тообразный	0,1-0,8	151-181 221-236 254-274	Из неравномерно на- углероженной сырцо- вой стали. Возможно, подвергался термо- обработке
21	Нож	М-к Пшиш	Погр. 57, нах. 21 инв. № 21	7206	Феррито-перлит, сор- бит	0,3-0,4	181-221 254-274	Из стальной заготов- ки с последующей термообработкой
22	Удила	там же	Пор 57, нах.2	7204	Феррит, включения нитридов железа		116-151	Целиком из железа
23	Удила	там же	Пор. 57, нах.2	7205	Феррит, включения нитридов железа		110-143	Целиком из железа
24	Нож	М-к Тауйхабль	инв. № 110	7207	Феррит, феррито-пер- лит. Характер структу- ры сорбитообразный	0,2-0,4	151-181 221-236	Сварка из нескольких полос сырцово-й ста- ли. Возможно, подвер

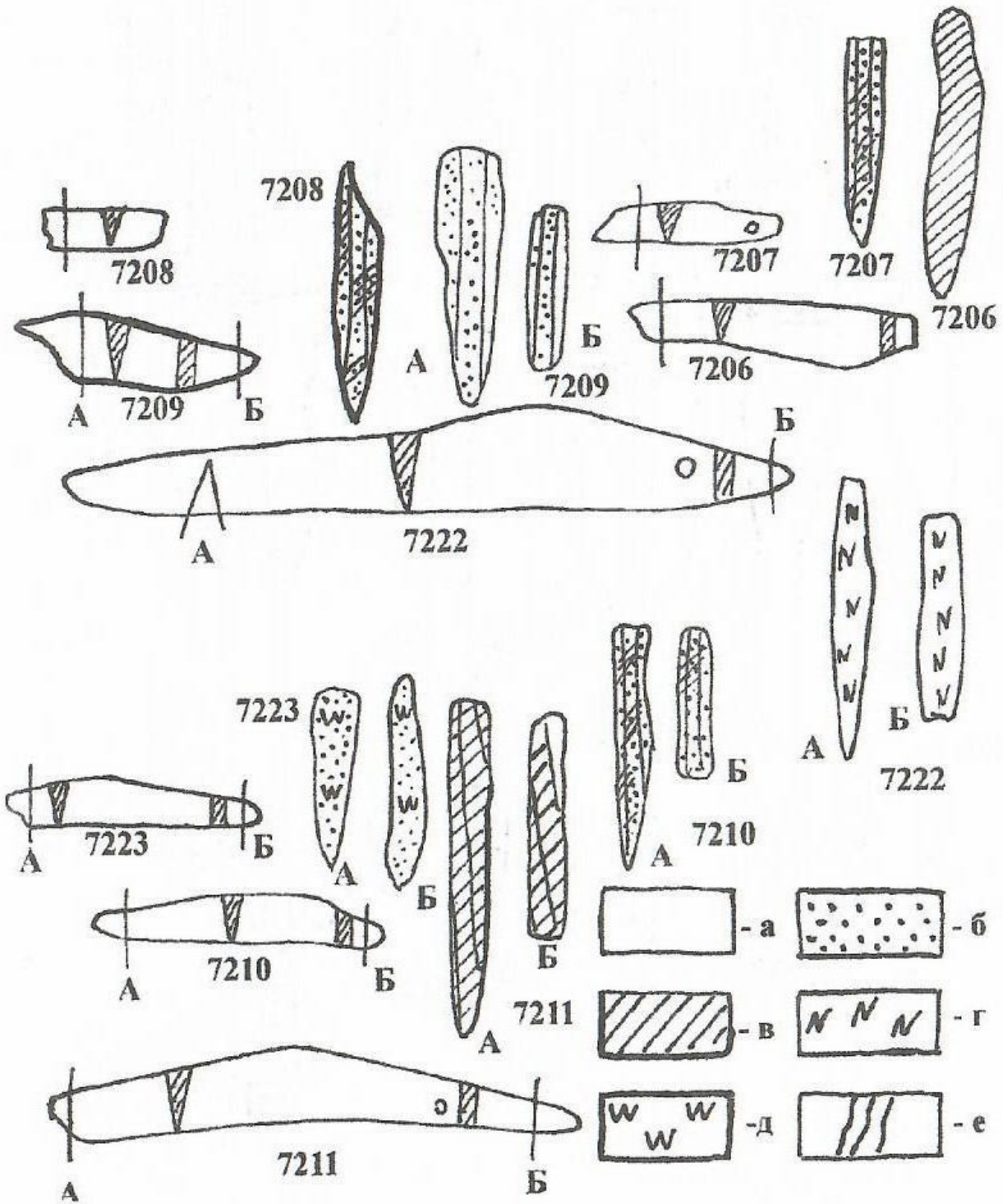

Рис. 1 Ножи

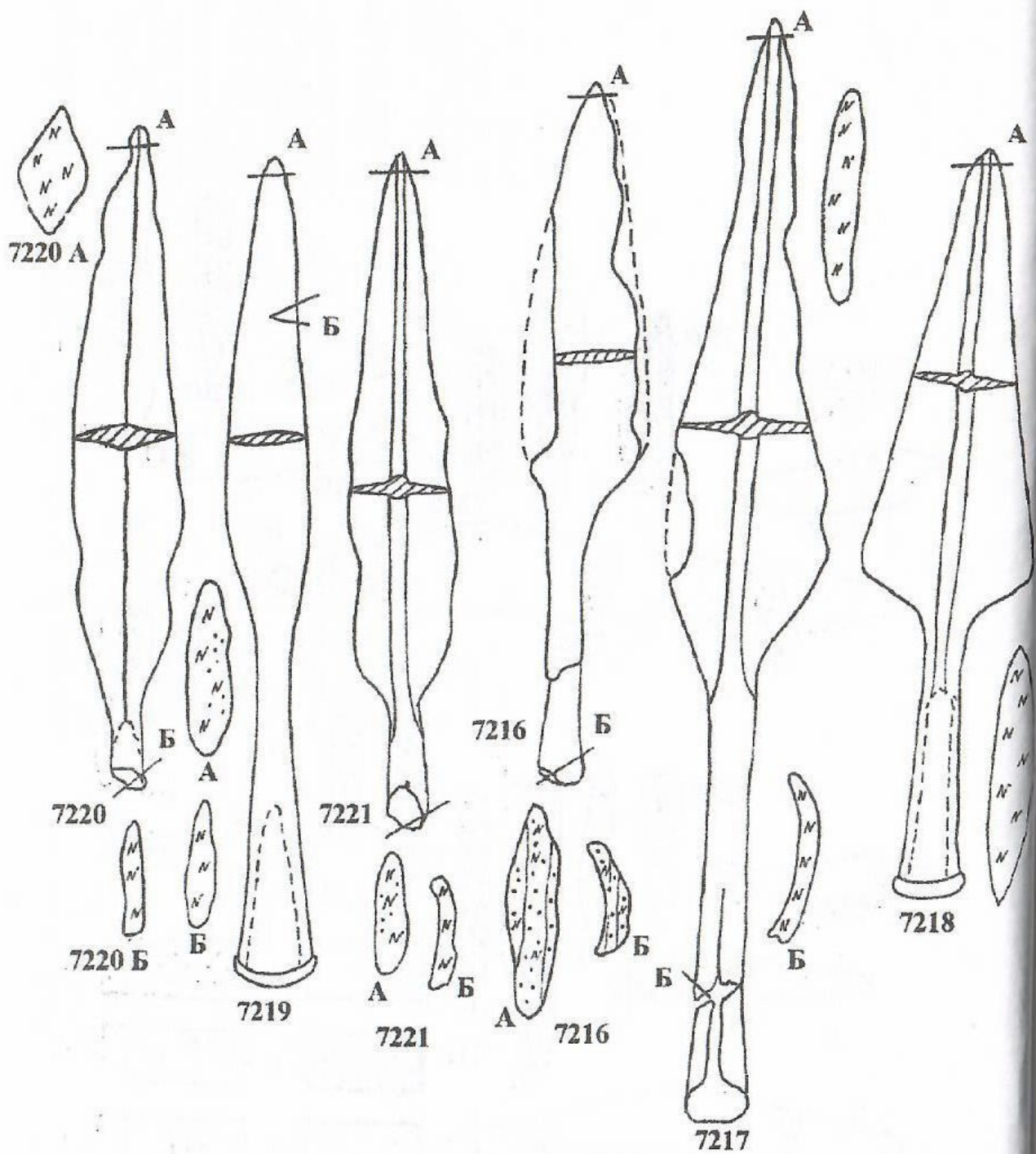

Рис. 2 Наконечники копий

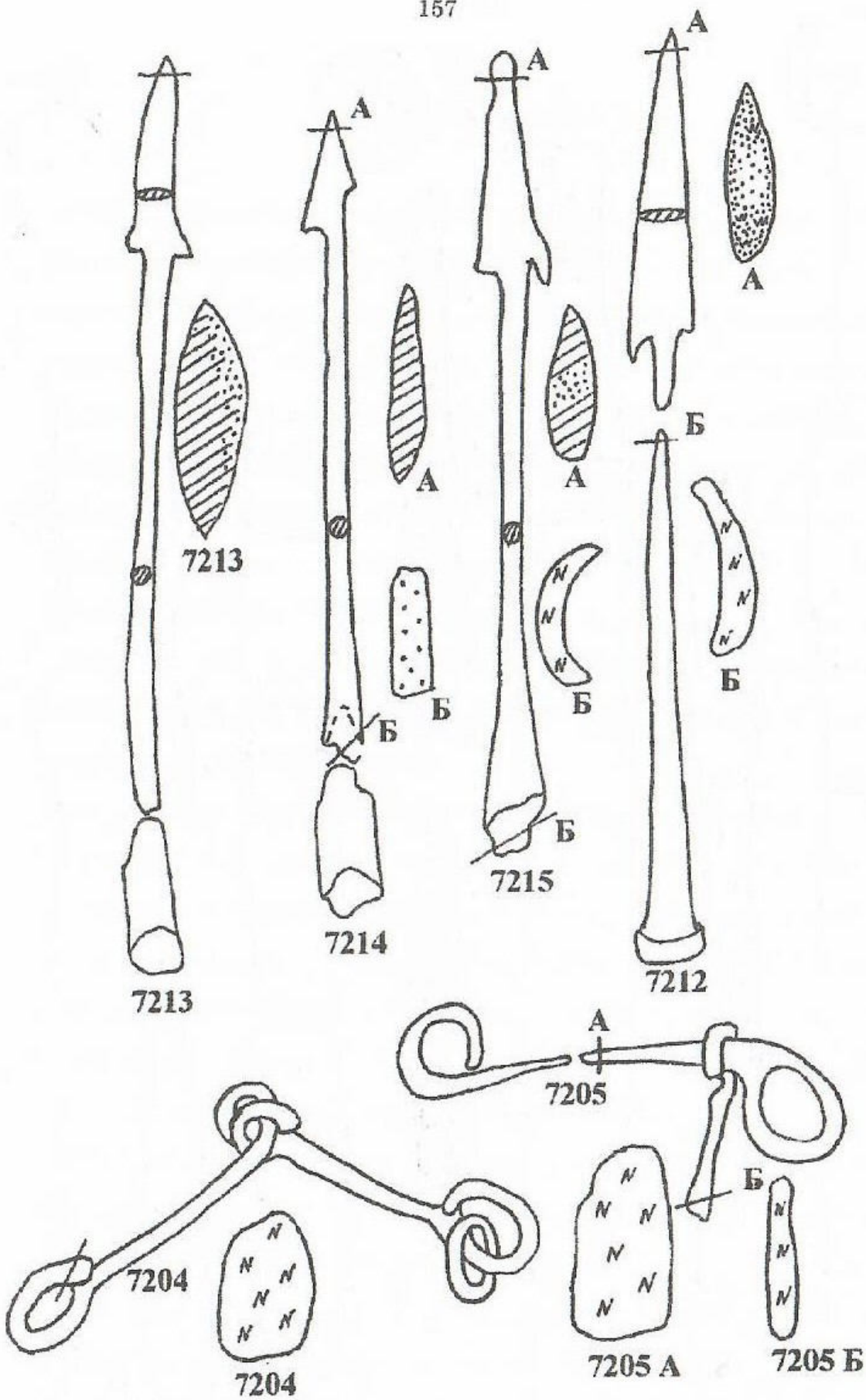

Рис. 3 Наконечники дротиков, предметы конской упряжи

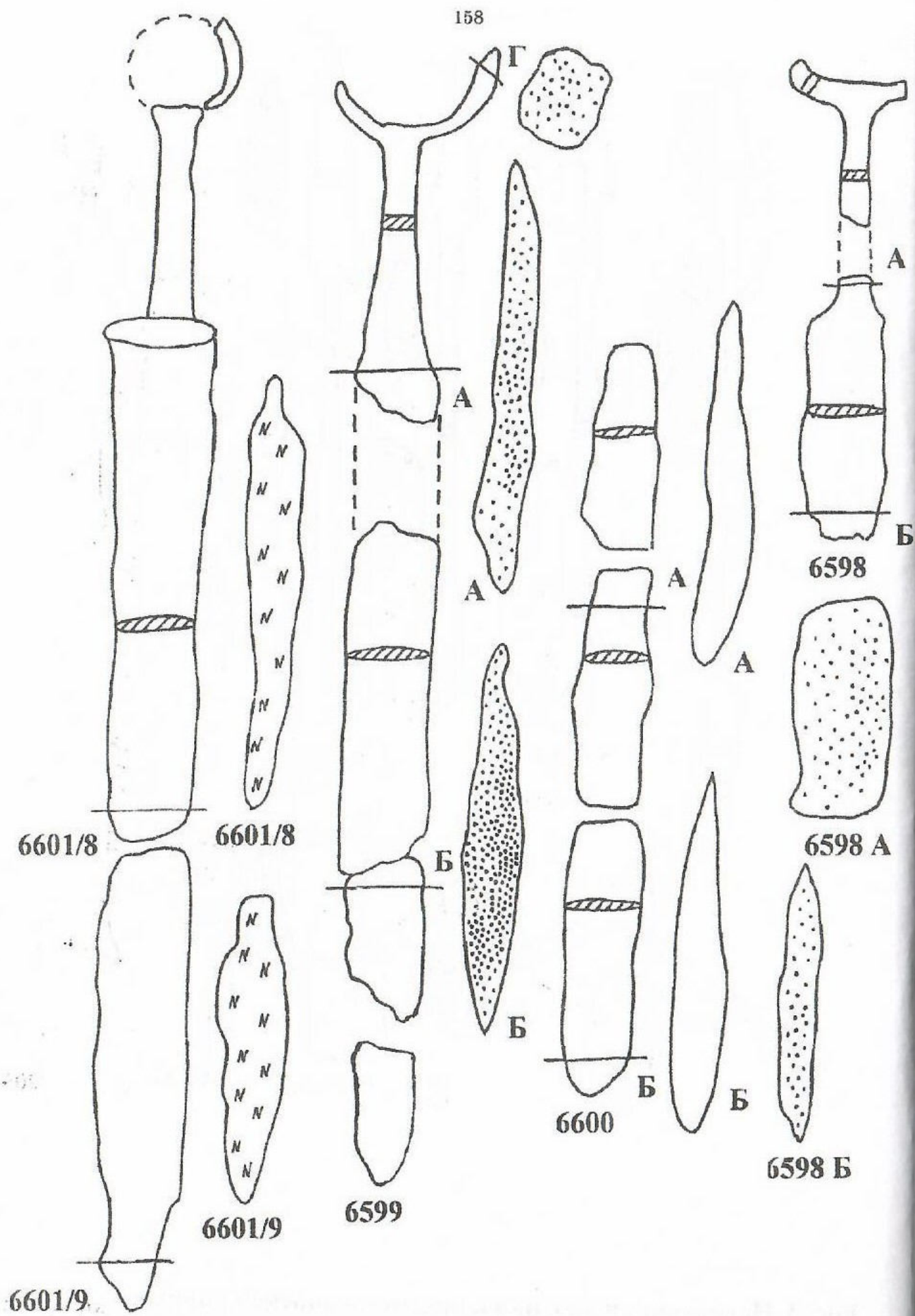

Рис. 4 Мечи и кинжалы

Закубанские катафрактары

В истории развития вооружения и военного искусства появление катафрактарной конницы было важным этапом, на многие столетия определившим способы ведения боя и позволившим сарматам и парфянам эффективно бороться с римской армией. И хотя исходные компоненты - длинные копья и длинные всаднические мечи, шлемы и доспехи, а также средства защиты боевого коня - были известны задолго до появления парфянских и сарматских катафрактариев (тяжелая конница существовала у ассирийцев и персов, скифов, македонцев, в ханьском Китае), именно в среде ираноязычных кочевников последних веков до н.э. - первых веков н.э. сложился новый тип тяжелой кавалерии, отличавшийся от предшествующих, в первую очередь, своей организацией и тактикой, а также характером решаемых задач.

Строго говоря, удовлетворительного определения термина "катафрактары" нет до сих пор. Вслед за А.М. Хазановым под катафрактариями я понимаю панцирную конницу, вооруженную длинными копьями и длинными мечами, атакующую противника крупными контингентами, в тесном сомкнутом строю, с целью прорыва или охвата его боевых порядков, обычно в тактическом взаимодействии с легкой конницей, или, гораздо реже, с пехотой [1].

Несмотря на разнообразие мнений о прародине катафрактариев, большинство исследователей согласны с тем, что впервые они появились в Центральной Азии [2]. Вряд ли целесообразно искать какую-то конкретную область, где зародился этот род войск, поскольку достижения в военной области быстро переносились на значительные расстояния, и порой бывает очень трудно выявить истоки того или иного компонента в конкретном наборе вооружения. При сложении благоприятных условий катафрактары как бы заново формировались в новых и новых регионах.

Данная работа - попытка дать краткий очерк формирования и развития тяжелой конницы на конкретных материалах археологических памятников Закубанья, выяснить место этого региона в формировании комплекса вооружения сарматских катафрактариев, определить истоки и исходные компоненты этого комплекса.

Территориальные рамки настоящего исследования ограничены Левобережьем Кубани, на участке от станицы Северской на западе до реки Лабы на востоке, являвшимся ядром сложения меотской культуры, где эта культура, по меньшей мере, до II-I вв. до н.э., сохранилась в наиболее "чистом" виде, мало затронутом посторонними влияниями. Таким образом, выбранный регион наиболее наглядно демонстрирует механизм взаимодействия аборигенного и пришлого населения в первые века н.э., в том числе и в области вооружения, и связанной с ним тактике.

Для работы привлечены некоторые результаты анализа более чем 700 погребений III в. до н.э. - середины III в. н.э. с территории Закубанья. В среднем около 30 % из них содержали предметы вооружения. Подсчет взаимовстречаемости оружия, доспеха и конского снаряжения позволил получить представление о составе войска и применяемой тактике. Так, в III-I вв. до н.э. на изучаемой территории в меотском войске преобладала легковооруженная копьеносная пехота, в составе которой было очень много (до 50%) метателей дротиков. Конница также была вооружена главным образом копьями, количество лучников было невелико. И конница, и пехота не имели металлических доспехов [3]. Положение стало меняться с усилением сарматской экспансии и образованием смешанного меото-сарматского племенного массива. Картографирование показывает высокую плотность и относительную равномерность распределения металлического доспеха на территории Среднего Закубанья (рис.1).

Этнополитическая ситуация в Причерноморском регионе в целом, и в частности на Кубани, в последние века до н.э. - первые века н.э. была нестабильна. Сарматы наталкивались на сопротивление местных племен и особенно Боспора и государств, от которых он находился в зависимости -

Понтийского царства, а затем Рима. Неэффективность традиционного вооружения и привычной тактики сарматов ярко проявились во время их столкновений с тяжелой боспорско-понтийской пехотой под командой Диофанта. "...Шлемы и панцири из сыромятной бычьей кожи..." и легкие копья и мечи не позволяли устоять в столкновении с тяжеловооруженной фалангой [Страбон, VII, 3, 17]. Появление в Северном Причерноморье римских войск и их явное военное превосходство обострили потребность в выработке нового набора вооружения и тактики, которые позволили бы сарматам и тесно контактирующим с ними меотам бороться с новым опасным противником. В обществе, где в политическом и военном отношении доминировали кочевники, выходом могла быть только реформа конницы. Отбор наиболее эффективных видов вооружения и конского снаряжения, и способов их боевого использования привели к созданию тяжелой панцирной кавалерии, рассчитанной на применение, главным образом, в ближнем бою - катафрактариев.

Поскольку под катафрактариями понимаются всадники, вооруженные длинным копьем, длинным мечом, и защищенные шлемом и нательным доспехом, ведущие бой на конях, также защищенных доспехом, целесообразно рассмотреть, как и когда в Закубанье появляются все эти компоненты, и складывается тяжелая кавалерия как самостоятельный род войск, со своей организацией и тактикой. Рассмотрим все компоненты по отдельности.

МЕЧИ.

Мечи как важнейший вид вооружения использовались населением Закубанья еще в скифское, а затем в сарматское время. К IV в. до н.э. у меотов уже существовали длинные (в среднем 60-70 см., отдельные экземпляры до 105 см.), всаднические мечи. В III-I в. до н.э. общее количество мечей в погребениях уменьшается, они демонстрируют значительное разнообразие форм. Появляются сарматские элементы в оформлении оружия, а также мечи и кинжалы собственно сарматских форм.

В самом конце I в до н.э. - середине II в н.э. на изучаемой территории господствовали цельнометаллические мечи и кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестьем, но уже в I в. н.э. появляются мечи без металлического навершия и с металлическим перекрестьем, длина которых не превышает 60 см., а ширина клинка равна 2,5-3 см. (рис. 2,1-3). Этот тип оружия был принесен сарматами, видимо, из Средней Азии [4]. Подобные мечи сарматских типов были мало пригодны для рубки с коня и не могли прорубить защитный доспех. В конце I в. н.э., необходимость иметь эффективное оружие ближнего боя, в том числе для борьбы с тяжелой римской и боспорской пехотой, вынуждает удлинить и утяжелить оружие. Возможно, под влиянием меотской традиции перекрестье на мечах исчезает и во II - первой половине III вв. н.э. мечи становятся более массивными, общая длина достигает 70-100 см., черенок также удлиняется, у некоторых экземпляров до 20 см. (рис. 2,4-6). Эти всаднические мечи составляют главное оружие конницы и в погребениях встречаются даже чаще, чем копья. С Кубани они распространились на Боспор [5] и в Поволжье [6]. Следует отметить, что такие мечи встречаются не только в погребениях катафрактариев и сами по себе не могут служить признаком, определяющим принадлежность к тяжелой кавалерии.

КОПЬЯ.

Копья являлись важнейшим элементом панοπлии в течении всего раннего железного века на территории Закубанья, что позволило К.Ф. Смирнову выделить меотских копейщиков как основу местного племенного ополчения [7]. В III в. до н.э. - III в. н.э. наконечники копий морфологически и технологически продолжают древнюю северо-кавказскую традицию, восходящую ко времени переднеазиатских походов скифов [8]. Считается, что сарматские катафрактарыи первых веков н.э. широко применяли так называемые "штурмовые" копья - очень массивные и длинные - до 3-4 м. [9]. Это подтверждается как сообщениями древних авторов [Плутарх, Красс, 27], так и изображениями на фресках боспорских склепов [10]. К сожалению, невозможно подтвердить этот факт археологически - копейные

древки в погребениях не сохраняются. Кроме того, в ряде случаев можно говорить о помещении в могилу копий со сломанными древками и ритуально погнутыми наконечниками (могильник у хут. Городской, погр.4-6) [11]. В материалах закубанских могильников этого времени найден только один наконечник необычно больших размеров - длиной 50 см.. Диаметр его втулки почти в два раза больше среднего показателя, что может указывать на применение очень массивного и длинного древка (рис.2,7). Между тем очевидно, что копье длиной 3-4 м. может иметь и сравнительно небольшой наконечник - 20-30 см, как это подтверждается более поздними материалами [12].

Учитывая важность защитного вооружения в снаряжении катафрактария, стоит подробнее остановиться на находках шлемов и панцирей в археологических памятниках Закубанья.

ШЛЕМЫ.

Если не считать 6 шлемов аттического типа, найденных в памятниках конца IV в. до н.э. - III в. до н.э. [13], учтено 18 случаев находок металлических шлемов в Среднем Закубанье, вписывающихся в хронологические рамки данной работы. Почти все они уже опубликованы, что позволяет ограничиться кратким описанием [14].

Шлемов римско-италийского происхождения всего два, оба относятся к типу Монтефортино. Один из них происходит из ритуального комплекса № 1 Серегинского кургана 1 (рис.5,1) и датируется серединой-третьей четвертью I в. н.э. [15]. Второй шлем найден В.А.Каминским в 1991 г. в грунтовом могильнике I-II вв. н.э. в станице Владимирской. (Не опубликован, хранится в КГАИМЗ). Судя по форме и декору этого шлема, он может быть датирован последними веками до н.э.

Кроме этих двух находок, все шлемы, найденные в Закубанье, вероятно, "варварского" производства. Четко выделяются две группы. Первую можно датировать, за единственным исключением, II-I вв. до н.э., вторую - I-III вв. н.э.

В первую группу входит пять шлемов, объединенных характерным технологическим признаком. Все они бронзовые, кованые, из двух половин и скреплены заклепками по линии сагиттального шва. Часто сохраняются следы крепления нащечников. Иногда на теменной части имеется отверстие для крепления султана. Видимо, самым ранним в этой группе является шлем из окрестностей ст. Даховской, неоднократно описанный в литературе [16]. Б.З.Рабинович датировал его IV-III вв. до н.э. (рис.3,1). Остальные шлемы происходят из памятников II-I вв. до н.э. Они найдены в погребении 138 Серегинского грунтового могильника (рис.3,3), в кургане 3, погребение 3 у озера Четук (рис. 4,1 и 3,2). Еще один шлем происходит из Курганинского кургана 1986 года, объект № 10 (рис. 4,2), и датируется серединой II в. до н.э. [17].

По мнению В.Р.Эрлиха, все двусоставные шлемы местного, северокавказского производства. Орнаментальные элементы - волюты и стрельчатый передний край - говорят о знакомстве мастера с декором аттических и фракийских образцов. В качестве примеров шлемов, близких по оформлению, В.Р. Эрлих приводит находки из ст. Ахтанизовской [18]. Его идея о местном производстве двусоставных шлемов представляется плодотворной, но некоторые приводимые им аналогии кажутся сомнительными. Шлем из Ахтанизовской, например, имеет остроконечное навершие и изготовлен из одного куска металла. Не исключено, что более вероятными аналогиями могут оказаться две другие группы шлемов. И в первую очередь следует указать на позднюю группу аттических шлемов с козырьком, так называемых "фракийских", и датируемых периодом с конца IV в. до н.э. - началом II в. до н.э. На территории Северного Причерноморья найдено четыре экземпляра [19]. Некоторые шлемы изготавливались из нескольких частей, скрепленных заклепками, в частности по линии сагиттального шва, как например, шлем с острова Мелос [20], (рис.5,3), и шлем из Пергама, датируемый концом III в. до н.э. [21], а их орнамент близок к орнаменту шлемов из Четука и Курганинска. На одном из

четукских шлемов сохранились следы крепления налобной пластины, видимо, с изображением (рис.3,2)..

Столь же вероятным кажется другой источник, из которого на Кубань могла проникнуть идея изготовления подобных шлемов. Так, богиня на большом фаларе из Северского кургана одета в шлем, по форме близкий кубанским двусоставным. Он не имеет нащечников, украшен по бокам орнаментом, а по сагиттальному шву проходит валик. Шлем украшен султаном из пучка волос. Отверстия для султана на некоторых вышеописанных шлемах также имеются (рис.9,2). Время изготовления фалара (середина II в. до н.э.) совпадает со временем бытования двусоставных шлемов, место изготовления - видимо, Бактрия [22]. Известно, что полусферические шлемы из двух половин применялись парфянами и кушанами [23]. Возможно, импульс для изготовления подобной конструкции был принесен с Востока.

Таким образом, группу двусоставных шлемов, найденных в памятниках Закубанья, следует считать местным подражанием эллинистическим или восточным образцам. Стоит отметить, что три из пяти бронзовых двусоставных шлемов происходят из смешанных, сармато-меотских (Курганинский курган-кладбище), или даже чисто сарматских памятников (Четукские курганы), что позволяет, как мне кажется, предпочесть именно центральноазиатскую версию их происхождения.

В первые века н.э. на Кубани появляются шлемы новых типов. Лучшее всего они представлены находками из могильника у хутора Городского, на южном берегу Краснодарского водохранилища. В могильнике найдено 6 железных шлемов. Автор раскопок относит их к одному типу, содержащему два варианта [24] (рис.6,1-5). Эти шлемы изготовлены из довольно узких вертикальных пластин, образующих их каркас. С внутренней стороны к ним внахлест приклепаны горизонтальные железные пластины. Вариант "а" имеет навершие в форме полусферы, приклепанное к вертикальным пластинам тульи (рис. 6,4). На шлеме из погребения № 6 найдены фрагменты железной чешуйчатой бармицы, набранной из маленьких (0,8x2

см.) пластин (рис. 6,5). Вариант "б": отличается от варианта "а" формой навершия - оно коническое, и большей "ажурностью". По сопровождающему инвентарю шлемы варианта "а" можно датировать в пределах конца I - II вв. н.э., вариант "б" - серединой II - началом III в. н.э. [25].

Подобные шлемы, в литературе называемые каркасными, или решетчатыми, редко встречаются в погребениях. За пределами Кубани они встречены только в Пантикапее [26]. В начале 1990-х годов наборный металлический шлем был найден в могильнике первых веков н.э. под Анапой. А.М.Хазанов, ссылаясь на S. Gransay, упоминает о сасанидских шлемах такого типа [27]. До настоящего времени они были известны главным образом по изображениям - на фресках боспорских склепов [28], на рельефах колонны Траяна [29], на арке Галерия [30], на известном граффити из Дура Эвропос и на памятниках кушанской скульптуры [31].

Касаясь происхождения каркасных шлемов, М.И.Ростовцев писал, что сарматы заимствовали этот тип доспеха на Востоке [32]. Действительно, уже во II-I вв. до н.э. известны конические каркасные шлемы кушанских царей [33]. Стоит отметить, что каркасные шлемы, занесенные сарматами с Востока, были усвоены на Боспоре, как об этом свидетельствуют многочисленные изображения.

Кроме каркасных шлемов, в Закубанье найдены шлемы другого типа. Так, шлем из конского погребения № 6 Чернышевского могильника имел коническую форму и был изготовлен из трех частей, склепанных одна с другой. К венцу, сделанному из широкой железной пластины, приклепывалась сплошная тулья, увенчанная коническим навершием. Трудно сказать, были ли у него нащечники и наносник (рис.5,2). Эту находку можно датировать концом I - началом III вв. Ближайшая аналогия - шлем из станицы Тифлисской, опубликованный Э.Э.Ленцем (рис.8,1) [34]. Аналогии, приведенные Э.Ленцем, указывают на восточное происхождение подобных вещей.

Еще три шлема плохой сохранности найдены в Ленинахабльском могильнике, большая часть погребений которого относится ко II - первой половине III вв. н.э. Из них два (из погребений 135 и 142) были, видимо, коническими, форма третьего не восстанавливается [35]. Еще один железный шлем был найден во впускном погребении "Острого" кургана у станицы Ярославской [36].

Из 12 шлемов первых веков н.э. 10 были найдены вместе с панцирями. Стоит отметить, что на Правобережье Кубани в памятниках первых веков н.э. панцири встречены более 30 раз, а шлем только один раз [37]. Возможно, такое странное соотношение шлемов и панцирей на Правобережье объясняется разграбленностью курганов "Золотого кладбища".

ПАНЦИРИ.

Под панцирями подразумеваются доспехи, защищающие грудь, спину, живот и плечи воина, независимо от способа изготовления и материала. Некоторые панцири, найденные в Закубанье, имели дополнительные детали, защищающие также ноги. ✓

В меотских могильниках III-I вв. до н.э. остатки металлических доспехов пока не встречены. В настоящее время известны 25 находок доспехов и их фрагментов с территории Среднего Закубанья, и два доспеха, которые возможно, являются конскими катафрактми, из памятников III в. до н.э. - III в. н.э. В последние века до н.э., они появляются в курганах у станицы Некрасовской и памятниках "Зубовско-Воздвиженского" типа, связываемых с сарматами [38].

К самым ранним следует отнести находки из Воздвиженского кургана, кургана № 1 у Зубовского хутора и кургана № 2 на Лысой Горе [39]. Как правило, плохая сохранность доспехов в погребениях не позволяет полностью их реконструировать. Однако по сохранившимся фрагментам можно заключить, что доспехи из вышеперечисленных памятников были комбинированными и сочетали чешуйчатое покрытие с кольчужным

плетением. Чешуйки бронзовые и железные, прямоугольные, нижняя сторона округлая или подтреугольная (Лысая гора, курган № 2) вдоль чешуйки проходит продольное ребро. (На чешуйках из кургана № 2 на Лысой горе такого ребра нет) (рис.7.4). В верхней части пластин пробиты по две пары отверстий, с помощью которых чешуйки крепились одна к другой (рис.7,2-3). Способ набора пластинок такой же, как и в более раннее время - внахлест, горизонтальными рядами [40].

Кроме чешуек, в доспехах из Воздвиженского и Зубовского курганов и кургана №2 у Лысой Горы были части, сделанные из железных колец, обычного для кольчуг плетения - когда в одно кольцо продевается четыре соседних. Кольца сделаны из проволоки диаметром около 1 - 3 мм., диаметр колец - 8-9 мм. (рис.7,5). А.М.Хазанов, ссылаясь на находки кожаной подкладки с обрывками кольчуги и прикрепленными к этой подкладке чешуйками, предположил, что доспех мог состоять из кольчуги и надевавшегося поверх нее чешуйчатого нагрудника, отметив впрочем, малую вероятность подобного доспеха для времени около рубежа эр. Скорее всего, заключает исследователь, чешуйчатые и кольчатые части объединялись непосредственно, в одном доспехе, и крепились к одной подкладке, причем чешуйки усиливали грудь [41].

А.В.Симоненко в своей диссертации, посвященной вооружению сарматов и поздних скифов Северного Причерноморья, касаясь находок доспехов из Зубовского и Воздвиженского курганов и кургана № 2 на Лысой горе, указывал, что "большинство типов чешуек имеет аналогии в римских панцирях, найденных в Западной Европе и на Ближнем Востоке" [42].

Г.Робинсон в своей монографии приводит несколько экземпляров находок, происходящих из римских укрепленных лагерей. Эти чешуйки очень близки к находкам на Кубани. Так, небольшие чешуйки с продольным ребром и треугольным краем были закреплены на бронзовой кольчуге из кастелла Ньюстед (хранятся в Музее древностей Эдинбурга). Похожие чешуйки, но с прямоугольной нижней частью, бронзовые и железные,

покрывали кольчатый железный панцирь I в. н.э., хранящийся в Аугсбургском музее [43].

Если панцири из Закубанья действительно римского происхождения, то вполне вероятно, что это были не рубашки с рукавами, а безрукавные панцири с оплечьями, широко применявшиеся в римской армии в последние века до н.э. [44]. Опираясь на изображения римского времени, можно гипотетически реконструировать панцири из Зубовского и Воздвиженского курганов следующим образом. Это были короткие, едва доходившие до бедер кольчужные рубашки без рукавов или с очень короткими рукавами, оплечья могли быть накладными, как у греческих и римских панцирей предшествующего времени, подобно изображениям на скульптуре из Vacheres в Южной Франции (вторая половина I в. до н.э.) или на рельефе храма Афины Nikephoros в Пергаме (начало II в. до н.э.) [45]. Края оплечий были окантованы кожей, (следы кожи сохранились на пластинках из закубанских курганов). Оплечья были покрыты чешуйчатым набором, возможно, поверх кольчужного плетения, либо пластины просто нашивались на кожаную основу (рис.8,3-4). В Эрмитаже сохранился довольно значительный фрагмент панцирного набора из Зубовского кургана № 1, что позволяет предположить размещение чешуек не только на оплечьях, но и на груди. Возможно, он был близок к вышеупомянутому панцирю из Vacheres (рис.8,5).

Панцирные пластинки, аналогичные пластинкам из кургана № 2 на Лысой горе, были найдены в станице Некрасовской, в кургане № 4 1905 года [46]. Следов кольчуги там не встречено. А.М.Хазанов полагал, что это остатки панцирного пояса [47], но скорее всего, эти детали являются элементами наборного панциря. Обломки панциря (без указания типа) встречены у станицы Некрасовской в кургане 3 1906 года, вместе с фибулой [48]. Датируются закубанские наборные панцири временем с I в. до н.э. по I в. н.э., хотя на Правобережье Кубани комбинированный доспех, сочетающий пластины и кольчужное плетение, применялся до II-III вв. н.э. (курган № 51 у ст. Тифлисской) [49]. Обломки пластин, возможно,

панцирных, и обрывок кольчуги происходят из объекта 12 Курганинского кургана-кладбища. Реконструкция невозможна. По мнению авторов раскопок, объект 12 является продолжением объекта 10, в котором, в частности, был найден бронзовый шлем середины II в. до н.э. (см. выше) [50]. Оба комплекса можно датировать II-I вв. до н.э., или даже I в. до н.э. (золотая полихромная фибула-брошь, железный жезл в виде "древа жизни", черешковые наконечники стрел).

Кольчуги без чешуек в погребениях Среднего Закубанья встречаются с начала I в. н.э. Сегодня мне известно 19 находок кольчуг или их фрагментов в Закубанье - в могильниках у ст. Владимирской, из окрестностей ст. Даховской, у х. Городское, в Ленинахабле и в станице Ярославской. Фрагменты кольчуг были найдены в станице Афипской и в кургане из станицы Северской [51]. Фрагменты кольчуги были найдены в Курганинском кургане-кладбище [52] и в кургане у станицы Михайловской [53], а также в Габукойском кургане [54]. В могильнике у х. Городское на поверхности кольчуг сохранились следы матерчатых подкольчужных рубах. Наиболее сохранившиеся кольчуги (погребения №№ 1 и 10) были сделаны в виде длинных, до 150 см., рубах, в нижней части спереди и сзади были разрезы, позволяющие сидеть верхом. Полы обертывались вокруг ног наподобие штанин и скреплялись в таком положении над коленом и на голени широкими кольчужными лентами. Шею защищала бармица шлема, которая крепилась к воротнику кольчуги пряжками [55]. Перед нами, таким образом, весьма совершенный вид доспеха, объединяющий в себе средства защиты практически для всего тела, в том числе и наиболее уязвимых у всадника мест - бедер и голеней (рис.7, 4-4а, 7).

Стоит отметить, что сам принцип защиты ног при помощи панцирных полотнищ был известен еще в скифское время, в том числе и на Кубани (изваяние из Краснодарского музея, V в. до н.э.) [56], причем ножные доспехи изготавливались как отдельно от панциря, так и слитно. Их отличие от доспеха из хутора Городское состояло в способе бронирования - доспехи скифского времени наборные, из металлической чешуи [57].

В погребения № 6 могильника у хутора Городской, кроме кольчуги и шлема, находились две железные пластины - прямоугольная, размером приблизительно 32 x 15 см., и треугольная, размером 32 см. x 17 см. (размеры даны по рисунку). Автор раскопок полагает, что их назначение - служить усилением кольчуги (рис.7,4). Погребения с кольчугами датируются концом I - началом III в. н.э. [58].

Еще три кольчуги встречены в Ленинохабльском могильнике. Сохранность плохая, покроем не восстанавливается. Погребения с кольчугами в Ленинохабле датируются II- первой половиной III вв. н.э. На Правобережье Кубани кольчуги найдены в памятниках II-III вв. н.э, как в курганах, так и в грунтовых могильниках [59].

Поскольку элементы кольчужного плетения в доспехах появляются в Закубанье не ранее I в. до н.э. (Воздвиженский курган), а собственно кольчуги - в I в. н.э., логично предположить, что местное население заимствовало кольчугу, усиленную чешуйками, а также без дополнительного набора, у римлян, применявших этот вид доспеха в последние века до н.э. - первые века н.э.. На рельефе Эмилия Павла в Дельфах 168 г. до н.э. изображены римские пехотинец и кавалерист в кольчатых панцирях с наплечниками. Судя по рельефам, такие панцири применялись и в I в. н.э. На скульптуре из музея Гране I в. до н.э. воин одет в кольчужную рубашку, короткие кольчужные рубашки изображены и на римских памятниках I-II вв. н.э. [60]. В таком случае нельзя исключить возможности попадания кольчуг римских легионеров на Кубань в качестве трофеев, в результате столкновений с римской армией в I в. н.э. (Война с сираками 49 г.). В последующее время поставщиками кольчуг, приспособленных для конного воина (с защитой для бедер и ног) могли быть боспорские города. В Пантикапее были обнаружены отходы металлообрабатывающих мастерских. В одном из них, датируемом первой половиной III в. н.э., были, в частности, обнаружены кольца от кольчуги [61].

Не исключено, что рядовые воины употребляли панцири и шлемы из сыромятной бычьей кожи, о распространении которых у сармат писали Страбон и Тацит [Страбон, География, VII, 3, 17; Тацит, История, I, 79], однако никаких следов кожаного доспеха в погребениях не обнаружено, что, возможно, объясняется плохой сохранностью органики. Павсаний в "Описании Эллады" упоминает о чешуйчатом панцире, набранном из пластинок, изготовленных из конских копыт [62].

В литературе высказывалось мнение о применении сарматами катафракт для защиты лошадей, хотя и реже, чем например, в парфянской или сасанидской коннице [63]. В Закубанье только в двух случаях встречен в погребении доспех, который авторы раскопок отнесли к катафрактам [64]. Еще две катафракты были обнаружены на Правобережье Кубани [65] и одна - в Кепях [66]. Если обратиться к памятникам изобразительного искусства Боспора и Рима, изображающим сарматских всадников, то лошади на них изображены в пластинчатой броне, как например на надгробии Афения первой половины I в. н.э. [67], или на рельефах колонны Траяна начала II в. н.э. [68]. Лошадь катафрактария из Дура-Эвропос защищена чешуйчатым панцирем [69]. Следует отметить, что других средств защиты коня (например, налобников), в археологических памятниках Кубани не зафиксировано.

Говоря о катафрактариях, следует особо обратить внимание на верховых лошадей. Для длительных рейдов и особенно в бою тяжеловооруженный всадник нуждался в особой породе высокорослых, крупных и хорошо выезженных лошадей. Наличие таких животных у закубанских воинов подтверждается находками лошадей центрально-азиатского типа в Ленинохабльском могильнике. Вместе с тем, остеологические материалы из могильника у хут. Городское свидетельствуют об использовании средневысоких пород животных, близких к степным породам Юга России [70]. Видимо, в Закубанье среднеазиатские типы лошадей были редкостью. Полиен свидетельствует, что сарматские дружинники имели до трех подменных лошадей [Полиен, VIII, 56]. Это, учитывая также громоздкость

вооружения, требует, чтобы при каждом тяжеловооруженном всаднике было как минимум 1-2 оруженосца, что подтверждается боспорскими росписями и погребальными стелами [71]. ✓

Таким образом, проанализировав находки предметов вооружения, мы видим, что III-I вв. до н.э. в погребальных памятниках населения Закубанья металлические шлемы крайне редки, а доспехи неизвестны, что согласуется с набором наступательного оружия, распространенного в их среде и не рассчитанного на бой с тяжеловооруженной пехотой или тяжелой конницей. Положение меняется с проникновением во II-I в. до н.э. в Закубанье населения, оставившего памятники Зубовско-Воздвиженской группы, которые исследователи связывают с сираками. В этих памятниках во II-I вв. н.э. встречаются шлемы варварского производства, первоначально имевшие не столько защитную, сколько знаковую функцию (они изготовлены из очень тонкого металла). На рубеже н.э. и в I в. н. э. применяются шлемы и панцири - чешуйчатые, комбинированные и кольчатые - римского производства. Иберо-парфянская война 35 г. н.э. показала высокую боевую выучку и боеспособность тяжелой сарматской конницы, превзошедшей в рукопашном бою парфян [Тацит, Анналы, VI, 35]. В.Б.Виноградов полагал, что на стороне иберов в этой войне выступали сираки [72]. Недавняя находка сосуда с изображениями воинов, из кургана в Косике, дает представление о том, как выглядел тяжеловооруженный сарматский копейщик 30-х годов н.э. [73]. Обращают на себя внимание следующие характерные особенности: очень длинная пика является главным оружием. На поясе короткий меч или кинжал с подтреугольным перекрестьем и круглым навершием. Нельзя исключить, впрочем, что мастер пытался изобразить кольцевидное навершие. К поясу подвешен горит с небольшим луком. На всаднике нет шлема, ноги также ничем не защищены, что свидетельствует об относительной уязвимости этого воина, особенно в ближнем бою (рис.8,1). Дальнейшее проникновение сарматского (или сарматизированного) населения в Закубанье приводит к складыванию во второй половине I в. н.э. новой этнической общности [74] в

среде которой вырабатываются более совершенные формы защитного вооружения, очевидно, очень близкие к вооружению племен Правобережья Кубани. Уже в конце I в. н.э. появляются железные шлемы (могильник у хутора Городской), видимо, занесенные с Востока и усвоенные в местной среде. Кольчуги удлиняются, появляются средства защиты ног всадника (могильник у хут. Городской) и доспехи для боевого коня. На рубеже I-II вв. н.э. складывается набор тяжелого кавалерийского вооружения - длинное копье, длинный меч, шлем и панцирь. В постоянных походах и стычках вырабатываются оптимальные формы применения панцирной конницы - удар сомкнутым клинообразным строем [Арриан. Тактика, 16, 6], с целью прорыва или охвата неприятельских боевых порядков. Эффективность его подтверждается случаями разгрома сарматами крупных контингентов римских войск [Тацит. История, I, 79]. Высокая стоимость набора вооружения и необходимость постоянных тренировок в его использовании способствовали выделению слоя профессиональных воинов-дружинников, для которых война была образом жизни. Появляются привилегированные кладбища, типа Ленинахабльского могильника (48 % погребений содержит предметы вооружения) и особенно могильника у хутора Городской (58 % погребений содержит оружие), где погребались тяжеловооруженные всадники с боевыми конями. В первом из этих могильников 20 % воинов являлись катафрактариями, остальные - легкими конными копейщиками и меченосцами, в могильнике у хутора Городской катафрактарии составляют около 60 % от общего числа воинов, остальные, так же как и в предыдущем могильнике, отличаются только отсутствием металлического доспеха. В это же время в рядовых могильниках (Чернышевский, Штурбинский) процент погребенных с оружием равен 12-13, и кроме легковооруженных воинов, появляются мужские погребения, сопровождаемые лишь кинжалами (составляют от 50 до 66 % от общего числа погребенных с оружием). В данном случае очевидно, что кинжал лишь подчеркивает социальный статус владельца, как лично свободного члена племени, скорее всего уже не принимавшего непосредственного участия в походах, и значит, что

количество боеспособных воинов не превышает 6-7 % погребенных, причем катафрактариев нет.

Если суммировать все погребения конца I в. н.э. - первой половины III с территории Среднего Закубанья (учтены только хорошо раскопанные комплексы из более или менее полно исследованных могильников), получим следующую картину. Всего учтено 64 комплекса, из них 10 - катафрактарии (15 % от общего числа), 20 - всадники с мечами и копьями, но без металлических доспехов (30 %), 11 погребенных имели только копья (17%), 17 имели только кинжалы (26 %), и 6 - только стрелы (9,4 %). Таким образом, исключая погребенных с кинжалами, получаем 47 погребений с инвентарем, пригодным для ведения боевых действий, и количество катафрактариев возрастает до 21 % от общего числа боеспособных воинов. Это невероятно много. Мы не имеем точных данных для первых веков н.э., но по данным византийского военного трактата X в., количество катафрактариев в конном войске обычно не превышало 6 % [75]. Сравнение со средневековой Византией в данном случае правомерно, т. к. там, в отличие от Западной Европы, катафрактарии применялись именно как монолитная войсковая единица, т.е. так же, как в сарматское время. Эти подсчеты достаточно условны, т.к. в ряде случаев какие-то предметы вооружения могли просто не класть в могилу, но тенденция просматривается отчетливо. Дружины закубанских сарматов в первые века н.э. предстают как сравнительно небольшие, мобильные и очень хорошо вооруженные отряды, где на каждого катафрактария приходилось по несколько легковооруженных всадников. Взаимодействие их было двояким. С одной стороны, мы знаем функции легкой конницы - разведка, охваты, прикрытие флангов и т. п., и главным образом преследование разбитого неприятеля. Но кроме того, из истории военного искусства известно, что тяжеловооруженные всадники нуждались в конных оруженосцах. Судя по памятникам изобразительного искусства, на Боспоре катафрактариев сопровождал как минимум один оруженосец. На практике это число должно быть еще большим, т. к. количество подменных лошадей у сарматов могло

доходить до 3 [Полиен, VIII, 56], и они также нуждались в уходе. Однако, в отличие от средневековых рыцарей, часто сражавшихся в одиночку, катафрактарии действовали крупными тактическими единицами, в сомкнутом строю. Таким образом, непосредственно после начала сражения оруженосцы освобождались от работы по обслуживанию своих патронов, и могли использоваться в качестве легкой кавалерии. Не приходится сомневаться, что какая-то часть легких всадников была именно оруженосцами катафрактариев. В частности, служба эта могла быть своего рода военной школой для юношей из благородных семейств, как это было в средние века, подготовкой для последующего превращения в катафрактариев. Бросается в глаза почти полное отсутствие пехоты. Это согласуется со свидетельствами античных авторов (Тацита, Арриана) о сарматах как о стремительных конниках, совершающих глубокие и внезапные рейды.

В целом можно сказать, что в I-III вв. н.э. набор вооружения, в том числе защитного, в Закубанье (как и на Правобережье Кубани) наиболее ярко демонстрирует сарматских "катафрактариев", как они известны нам по античным источникам. Еще А.М. Хазанов на основании анализа археологических данных, в том числе материалов "Золотого кладбища", предположил, что ранее всего катафрактарии как особый род войска могли появиться именно на Северном Кавказе, где еще в последние века до н.э. "... меотская и сиракская аристократия... .. создала сильные конные дружины, а участие северо-кавказских сарматов и меотов в митридатových войнах с Римом и их связи с Закавказьем, эллинизированной Малой Азией и Ираном могли способствовать этому" [76].

Раскопки последних 30 лет подтверждают гипотезу А.М.Хазанова. Действительно, мы видим, что на Кубани, на обоих ее берегах, окончательно сложился тот комплекс тяжелого вооружения, который обычно связывают с сарматскими катафрактариями, и включающий в себя защитное вооружение, тяжелое длинное копье и всаднический меч. Общее количество находок панцирей по обоим берегам Кубани сегодня

насчитывает около 60 экземпляров, и около 40% от этого количества происходит с Левобережья. Почему этот небольшой регион дал больше находок тяжелого вооружения, чем все остальные территории обитания сарматов? Этому способствовал ряд обстоятельств. Военные причины были рассмотрены выше. Кроме того, Кубань занимает ключевое место, позволяя контролировать как перевальные пути в Закавказье, так и северо-причерноморские степи, по которым сарматы доходили до дунайской границы Римской империи. Природные богатства района помогали снабжать фуражом крупные дружины в промежутках между походами, здесь воины могли зимовать и восстанавливать силы. Прекрасные пастбища еще с раннескифского времени позволяли выращивать и содержать достаточное количество боевых коней, к тому же в первые века н.э. в регионе появляются крупные кавалерийские кони, способные нести тяжеловооруженного всадника. Видимо, они также были приведены из Центральной Азии [77]. Население меотских городищ обеспечивало хлебом и могло, используя богатую рудную базу Кавказа и развитые традиции металлообработки, в достаточном количестве изготавливать оружие и снаряжение. Близкий Боспор мог поставлять сложные изделия (металлические доспехи) и предметы роскоши. Варварские вожди с дружиной служили в качестве наемников или союзников боспорским царям, знакомились с античными военными приемами, и принимали активное участие в боспорских делах. Столкновения между собой и особенно с римским и боспорским войском побуждало местные племена вырабатывать наиболее эффективные типы вооружения и тактические приемы, заимствуя все лучшее друг у друга и у соседей. Все инновации в военном деле, шедшие из Центральной Азии, Европы, или Степи, концентрировались здесь. Неудивительно, что сираки, аорсы, а затем и аланы использовали Кубань как одну из важнейших баз для дальнейших походов. Именно это обстоятельство и объясняет особенности развития военного дела населения региона.

1. Хазанов А.М. Очерки военного дела у сарматов. М., 1971, с. 71-90.

2. Там же, с. 75-78.
3. Кожухов С.П. Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меото-сарматского времени (III в. до н.э. – III в. н.э.). Автореф. канд. дисс. М., 1994, с. 15-16.
4. Хазанов А.М. Указ. соч., с. 19; Мошкова М.Г., Прохоровская культура. // САИ, вып. ДІ-10. М., 1963, с. 34; Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975, с. 105.
5. Сокольский Н.И. Боспорские мечи. // МИА, N 33. М., 1954, с. 154.
6. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990, с.127-131.
7. Смирнов К.Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской. // МИА, № 64. М., 1958, с. 306.
8. Кожухов С.П. Указ.соч., с. 9.
9. Хазанов А.М. Указ. соч., с. 49.
10. Античные государства Северного Причерноморья. // Археология СССР. М., 1986, табл.СVII,3, СІХ,1.
11. Сазонов А.А. Могильник первых веков н.э. близ хутора Городской. ВАА. Майкоп, 1992, с. 251, рис.5-7.
12. Федоров Г. Холодное оружие. С пб., 1905, с. 76.
13. Рабинович Б.З. Шлемы скифского периода. // ТОИПК. Л., 1941, с. 144-145; Дитлер П.А. Античный шлем из станицы Темнолесской. // СА, № 1. М., 1964, с. 87.
14. Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968, с. 83-86, 183; Раев Б.В., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. Этруско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе. // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990, с. 132; Эрлих В.Р. Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубанья в скифское время. Канд. дисс. М. 1992, с. 112; Сазонов А.А. Указ. соч., с. 248-249.
15. Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. Указ.соч., с. 132.
16. Рабинович Б.З. Указ.соч., с.165-166, табл.ХХVI; Черненко Е.В. Указ. соч., с. 95, рис. 53,4.

17. Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. Указ.соч., с. 127-128, рис. 36,2.
18. Эрлих В.Р. Указ.соч., с. 112.
19. Waurick G. Helme der Hellenistischen Zeit und ihre Vorlaufer. // *Antike Helme*. Mainz, 1988, f.171, add. 50, 52-54.
20. Waurick G. Op. cit., F. 443-445, abb. 52.
21. Waurick G. Op. cit., Beilage 1.
22. Смирнов К.Ф. Северский курган. М., 1953, с. 30-37.
23. Горелик М.В. Кушанский доспех. // *Древняя Индия*. М. 1982, с. 102, табл.11, д,е,и.
24. Сазонов А.А. Указ. соч., с. 248; Сазонов А.А., Спасовский Ю.Н., Сахтарьек З.Н., Тов А.А. Новые материалы могильника первых веков н.э. близ хутора Городского. // *ВИА*, Майкоп, 1995, рис.5.
25. Сазонов А.А. Указ. соч., с. 256-257.
26. Хазанов А.М. Указ. соч., с. 62-63.
27. Там же, с. 63.
28. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России. Спб, 1914, с. 329.
29. Малашев В.Ю. Сарматы на колонне Траяна. // *Материальная культура Востока, часть I*, М., 1988, рис.1-2.
30. Хазанов А.М. Указ. соч., с. 63.
31. Горелик М.В. Указ. соч., табл.11, а-б.
32. Rostovtzeff M. Graffiti Showing Parthian Warriors. // *The Excavacion at Dura-Europos. t.II* New-Haven, 1931, p.197.
33. Горелик М.В. Указ. соч, с. 100., табл.116.
34. Ленц Э.Э. Описание оружия, найденного в Кубанской области. // *ИАК*, вып.4. Спб, 1902, с. 120-121, рис.1-3.
35. Ждановский А.М. О погребальном обряде ранней группы захоронений Ленинохабльского могильника. // *Археология и вопросы атеизма*. Грозный, 1977, с.133.
36. ОАК за 1896 г. Спб., 1899, с. 56.

37. Гущина И.М., Засецкая И.П. "Золотое кладбище" Римской эпохи в Прикубанье. С.Пб. 1994, с.11.
38. ОАК за 1905 г.Спб., 1908, с. 75; ОАК за 1906 г. Спб., 1909, с. 93.
39. Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения Зубовско-Воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ, вып. 70. М., 1989, с.100, табл. V,44, с.116, табл. XI, 112, с. 113-114., табл. IX,110.
40. Черненко Е.В. Указ. соч., с. 22.
41. Хазанов А.М. Указ. соч., с. 63.
- ✓ 42. Симоненко А.В. Военное дело населения степного Причерноморья. Автореф. канд. дисс. Киев, 1986, с. 8.
43. Robinson H. Russel. The Armour of Imperial Rome. London, 1975, f. 481,484.
44. Robinson H. Russel. Op. cit., f. 460.
45. Czabo M. Il mercenariato. // I Celti. Milano, 1991, p.332, 335.
46. ОАК за 1905 г., с. 75.
47. Хазанов А.М., Указ. соч., с. 61.
48. ОАК за 1906 г., с. 93.
49. Хазанов А.М. Указ. соч., с. 61.
50. Каминский В.Н., Берлизов Н.Е. Отчет о раскопках кургана-кладбища в городе Курганинске в 1986 г. Краснодар, 1987, с. 177-178. Архив ИА РАН
51. ОАК за 1906 г., с. 93; ОАК за 1907 г. Спб., 1910, с. 90.
52. Каминский В.Н., Берлизов Н.Е. Указ отчет..., с. 178.
53. Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В. Сарматское погребение у станицы Михайловской. // СА, № 4. М., 1985, с. 229.
54. Сысоев В. Габукойский курган. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXII. Тифлис, 1897 г., с. 36-37.
55. Сазонов А.А. Указ. соч., рис.16, с. 250.
- ✓ 56. Горелик М.В. Оружие Древнего Востока. М., 1994, табл. LI,30-30а.
57. Там же, табл. LI, 31-32, табл. LIII, 5-56.

58. Сазонов А.А. Указ. соч., с. 257, рис.16.
59. Хазанов А.М. Указ. соч., с. 61; Анфимов Н.В. Меотский могильник на западной окраине Краснодара. // Наш край: материалы по изучению Краснодарского края. Краснодар, 1960, с. 164.
60. Robinson H. Russel. Op. cit., p.167, f. 460, 462, 476-479.
61. Трейстер М.Ю. Бронзолитейное ремесло Боспора. // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. Пушкина, вып. десятый. М., 1992, с. 85.
62. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. // ВДИ, N 2. М., 1948, с.228
63. Хазанов А.М. Указ. соч., с. 74.
64. Гущина И.И., Засецкая И.П. "Погребения Зубовско-Воздвиженского типа...", с. 124; Ждановский А.М. Указ. соч., с. 67.
65. Десятчиков Ю.М. Катафрактарий на надгробии Афения. // СА, № 4. М., 1972, с. 74.
66. Горончаровский В.А., Никаноров В.П. Илуратский катафрактарий (К истории античной тяжелой кавалерии). // ВДИ, N 1. М. 1987, с. 209.
67. Десятчиков Ю.М. Указ. соч., с. 71, рис.3.
68. Малашев В.Ю. Указ. соч., рис.1,2.
69. Хазанов А.М. Указ. соч., табл. XXIX,4.
70. Ждановский А.М. Указ. соч., с. 56; Сазонов А.А., Спасовский Ю.Н., Сахтарьек З.Н., Тов А.А. Указ. соч., с. 125.
71. Горончаровский В.А. Катафрактарии в истории военного дела Боспора. // Петербургский археологический вестник., N 6. СПб, 1993, с. 79.
72. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. // ТЧИННИ, т.6. Грозный, 1963, с. 161.
73. Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики). // ВДИ, N 1. М., 1994, с.172-203, рис.7-8.

74. Марченко И.И. Проблемы этнической истории сиракского союза в Прикубанье. // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988, с. 80.
75. Кучма В.В. Византийские военные трактаты VI-X вв. как исторический источник. // Византийский временник, вып.40. М., 1979, с. 68.
76. Хазанов А.М. Указ. соч., с. 80.
77. Ждановский А.М. Указ. соч., с. 56.

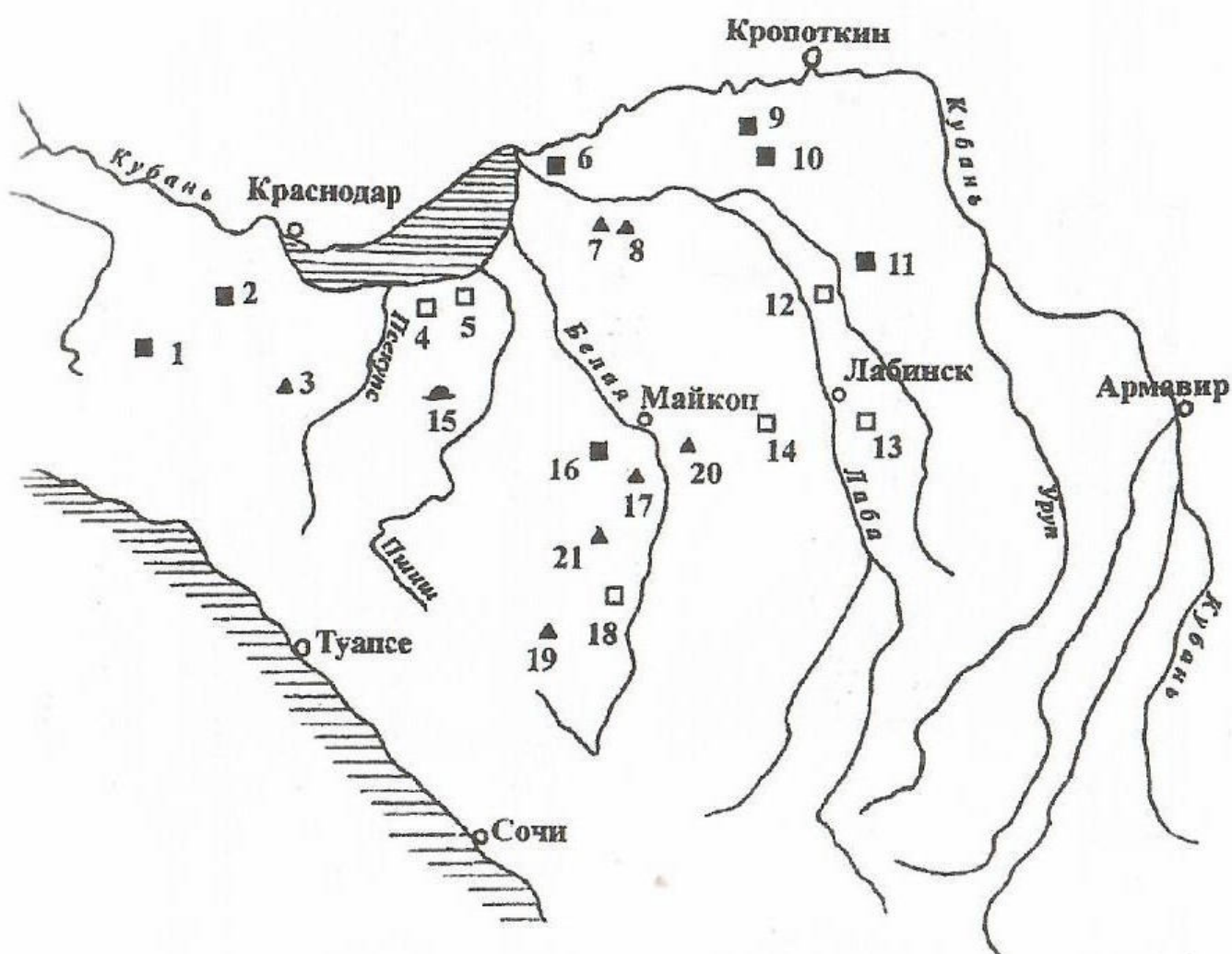

Рис.1

- находки металлического доспеха
- совместные находки металлического доспеха и шлемов
- ▲ находки шлемов

Места находок металлических доспехов и шлемов

1. Северская	8. х.Серегинский	15. Габукой
2. Афицкая	9. х. Зубовский	16. Лысая гора
3. Четук	10. Воздвиженская	17. Курджиц
4. Ленинохабль	11. Михайловская	18. Даховская
5. х.Городской	12. Курганинск	19. Мезмай
6. Некрасовская	13. Владимирская	20. Тульский
7. х.Чернышев	14. Ярославская	21. Темнолесская

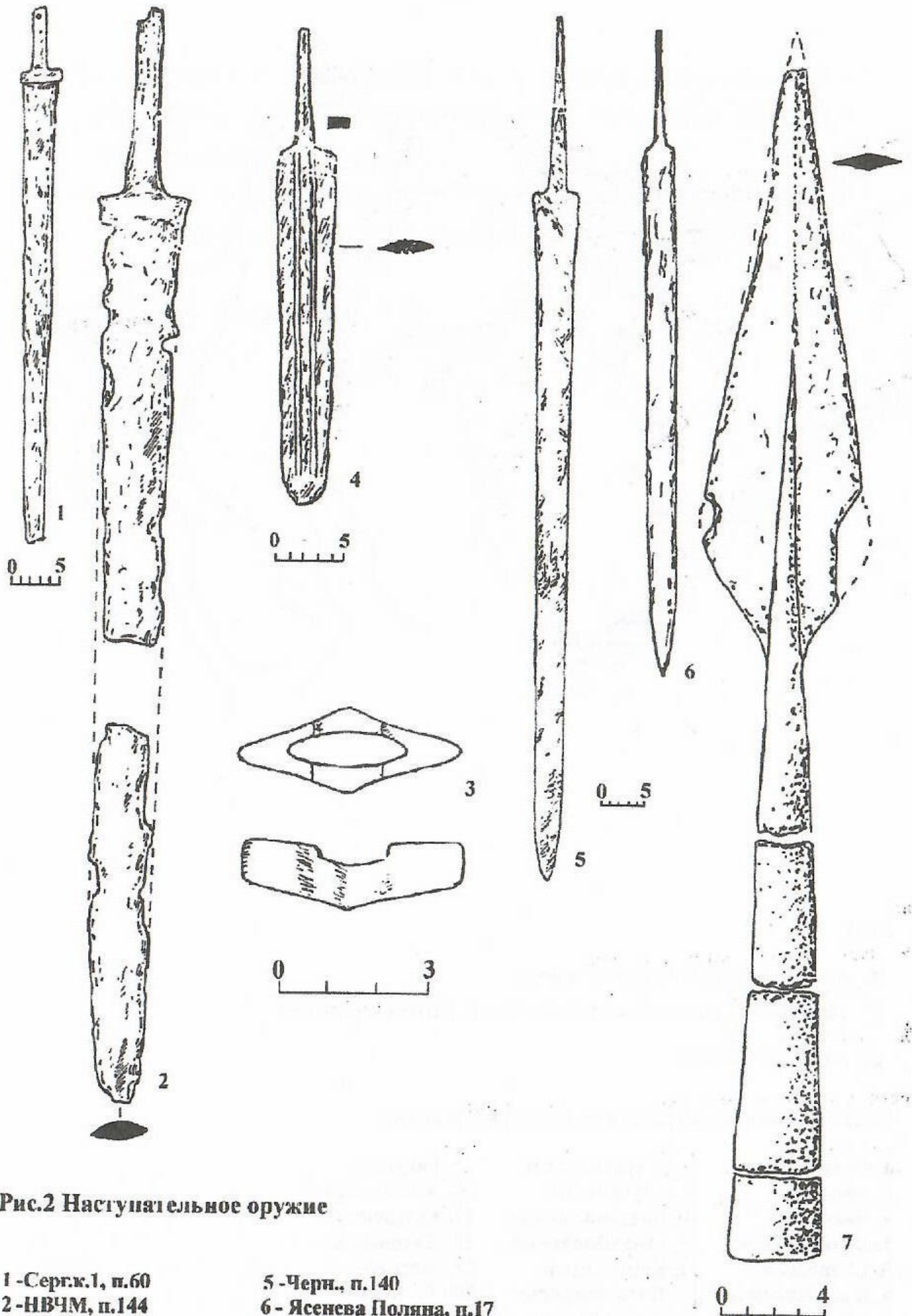

Рис.2 Наступательное оружие

1 - Серг.к.1, п.60

2 - НВЧМ, п.144

3 - Серг.к.1, рит.комп.1

4 - Четук,к.3, п.1

5 - Черн., п.140

6 - Ясенева Поляна, п.17

7 - НВЧМ, п.192

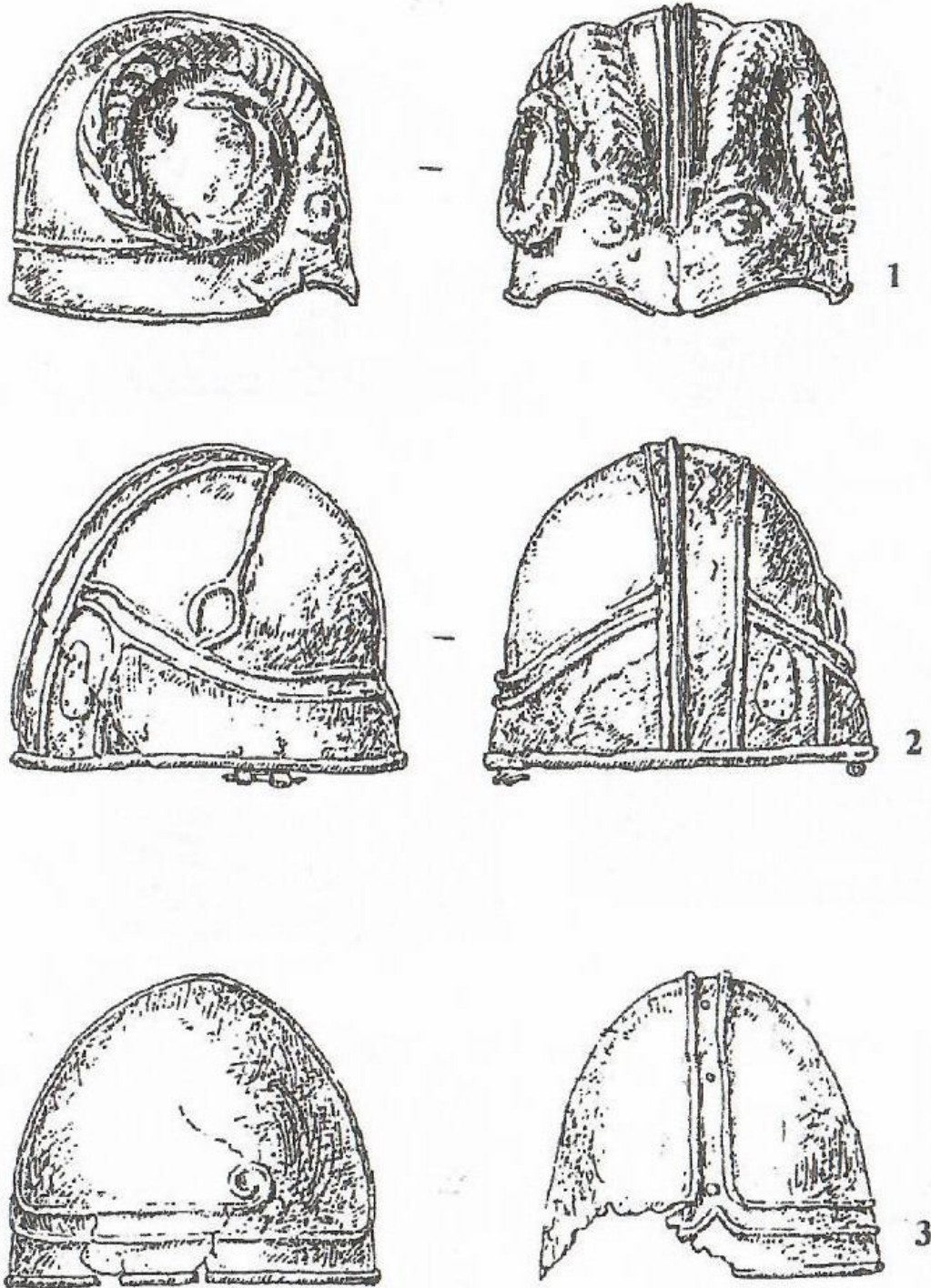

Рис.3 Бронзовые двухсоставные шлемы.
 1 - станица Даховская, Четук, курган 3, погр.3,
 3 - Серегинский г.м., погр.138

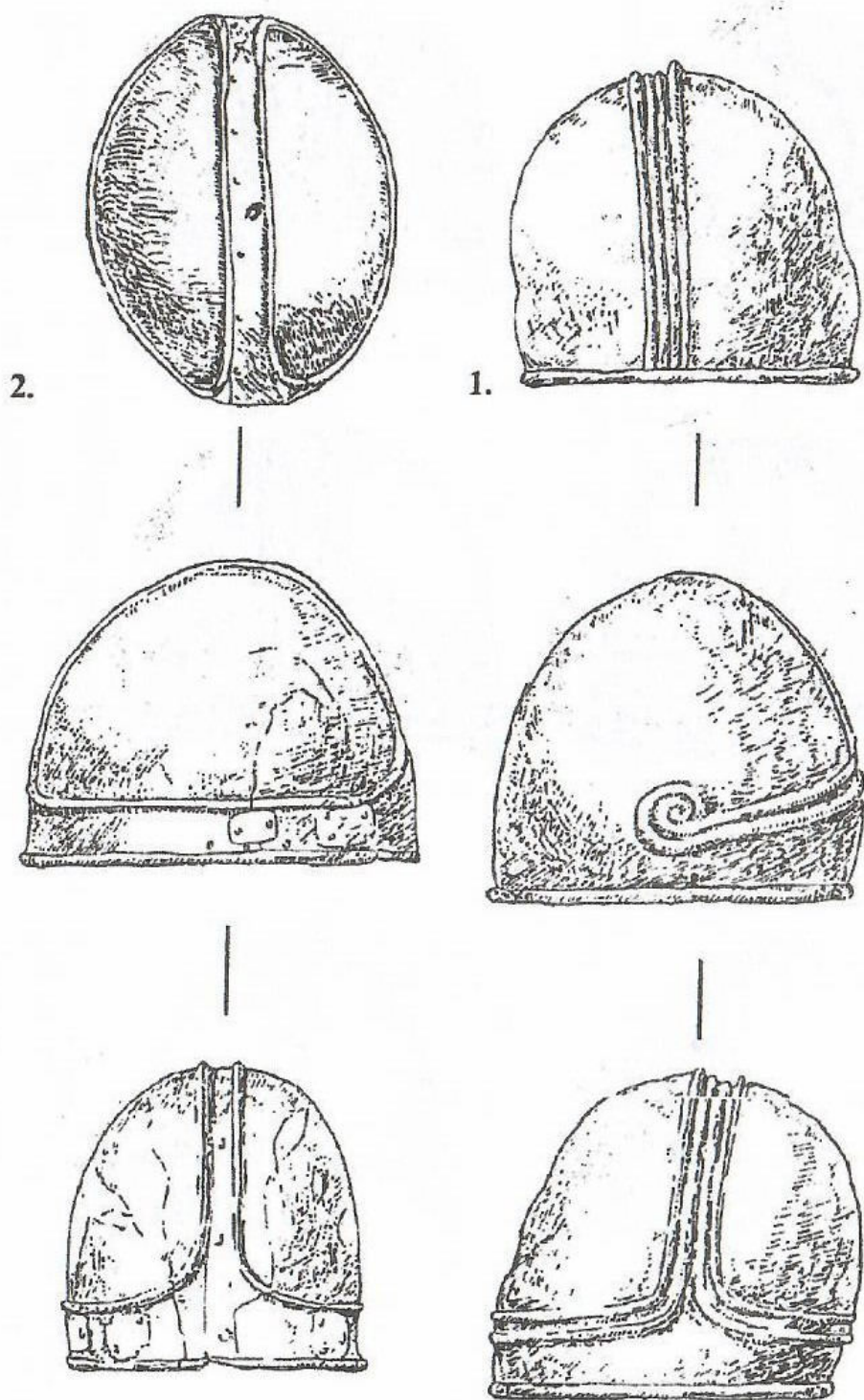

Рис.4
Бронзовые двусоставные шлемы: 1 - курган 3 у озера Четук,
2 - Курганинский курган-кладбище.

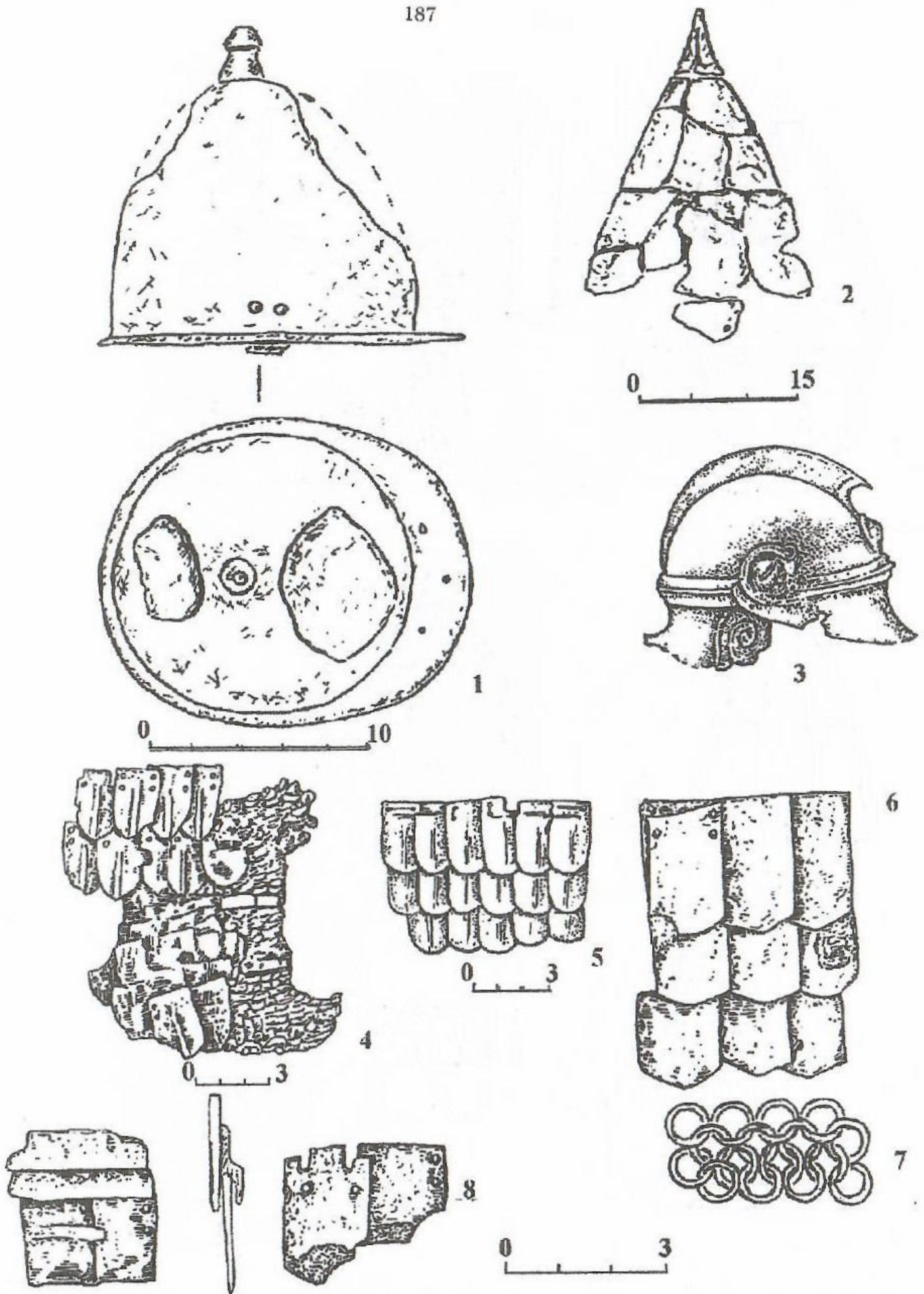

Рис.5 Шлемы и фрагменты доспехов. 1 - Серегинский кург. № 1, рит.компл. № 1, 2 - Чернышевский г.м., конск. погр.6, 3 - остров Мелос, 4 - Воздвиженский кург., 5 - Зубовский кург., 6-7 - Лысая Гора, кург. № 2, 8 - способ соединения чешуек.

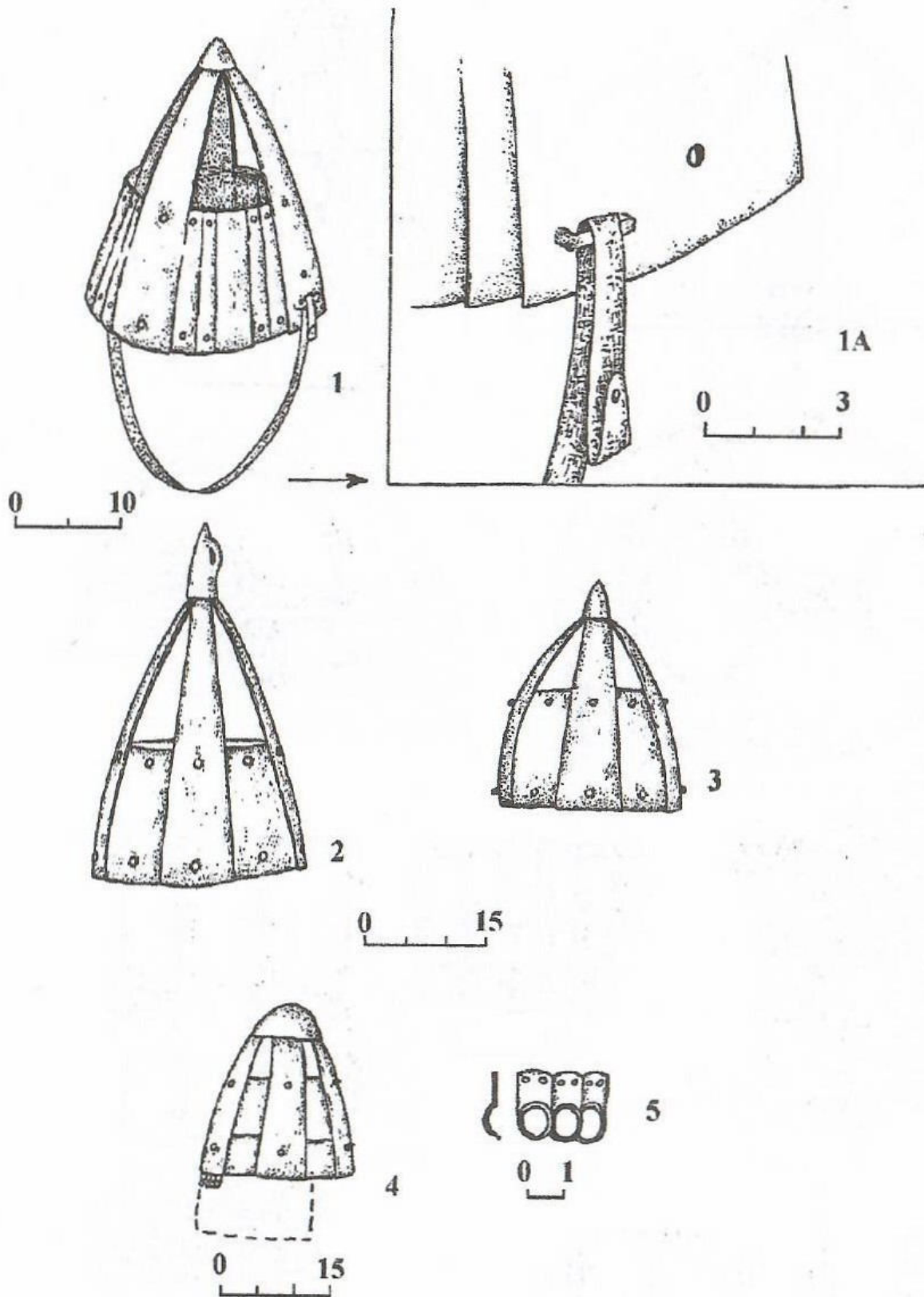

Рис.6 Наборные железные шлемы из могильника у хут. Городской
1, 1A - погр.1; 2 - погр.10; 3 - погр.8; 4,5 - погр.6

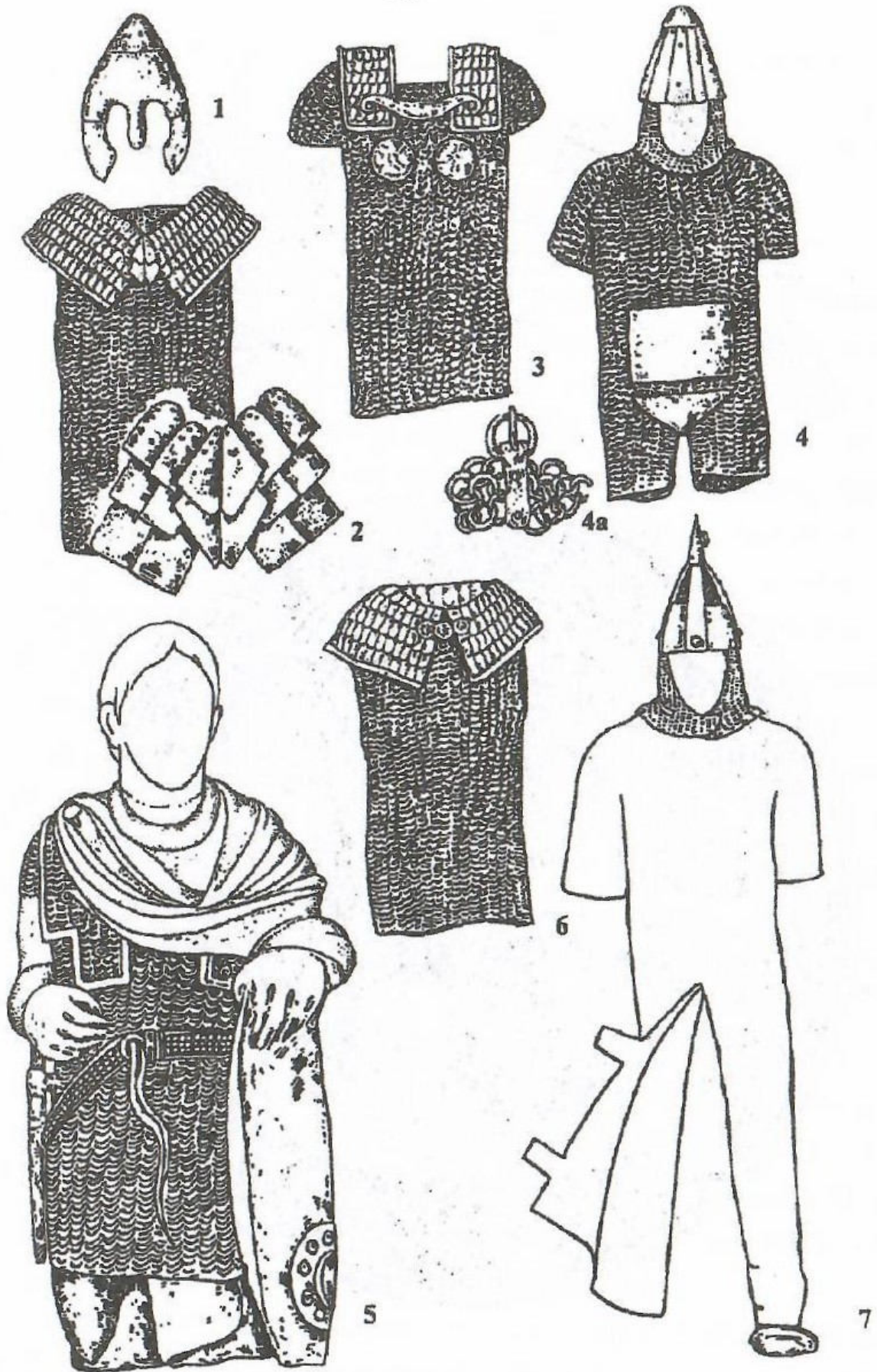

Рис.7. Реконструкция доспехов из памятников Закубанья. 1-2 - курган у ст. Ярославской. Рек.Э.Ленца, 3 - Zubovskiy хут., 4-4а,7 - м-к у хут. Городской. Рек. А.А.Сазонова, 5 - рельеф из Vachere, Южная Франция, 6 - вариант реконструкции панциря из Воздвиженского кургана.

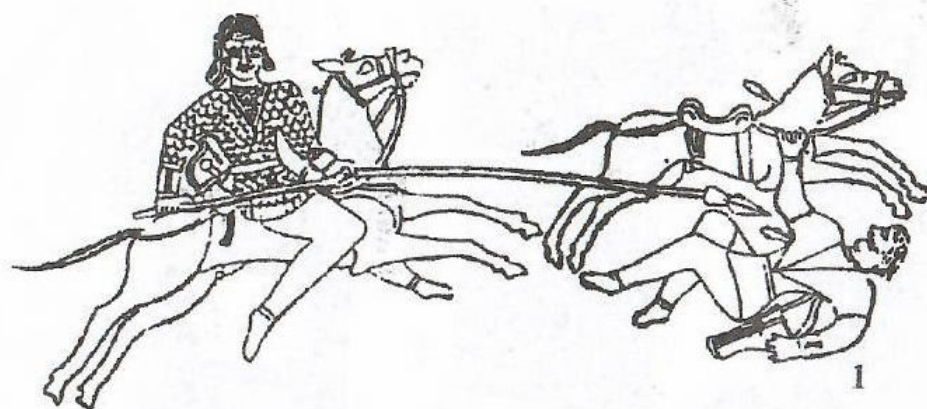

Рис. 8
 1. Изображение катафракта на сосуде из Косики
 2. Фалар из Северского кургана

Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинахабль в Адыгее

Первые кремационные могильники на Северном Кавказе были выявлены на восточном побережье Черного моря в период интенсивного дачного строительства в конце XIX-XX веков. Значительное место среди них занял Борисовский могильник, раскопанный В.В. Саханевым в 1912-1913 гг. близ Геленджика [1]. К настоящему времени кремационный обряд зафиксирован более чем в 25 пунктах на Восточном берегу Черного моря, начиная от Анапы и доходя до Туапсе. Увеличилось количество выявленных и исследованных кремационных могильников и в Закубанье. Сейчас их здесь насчитывается около 10. Как показывает картографирование памятников, все кремации находятся лишь на побережье и в Закубанье (рис.1), располагаясь, в основном, в нижнем течении левых притоков р.Кубани. Наиболее восточные кремации зафиксированы в Лабинском районе Краснодарского края. На правом берегу Кубани отмечен единственный случай безурновой кремации в Пашковском I могильнике и является, видимо, исключением, так как других подобных комплексов здесь до сих пор не обнаружено.

Из новых наиболее крупных средневековых могильников Закубанья с кремационным обрядом захоронения можно выделить Чернокленовский, Казазовский, Псекупский и Ленинахабльский [2]. Последние три из названных были обнаружены на южном берегу Краснодарского водохранилища в начале 80-х годов, когда произошел значительный размыв дна и периодически затапливаемого пологого берега.

Ленинахабльский кремационный могильник был открыт вблизи бывшего а. Ленинахабль (Теучежский район Адыгейской республики). Он находился в 3,85 км к северо-востоку от а. Тауйхабль, занимал небольшую возвышенность, имеющую пологое снижение к р.Пшиш (рис.2). Большая

часть погребений расположена на пологом склоне практически на одной глубине, в слое материковой глины. Первые находки с могильника Кавказской археологической экспедицией ГМИНВ сделаны в 1985 году, когда во время разведок были обнаружены урна с пеплом и согнутой саблей, фрагменты бронзовых браслетов, побывавших в огне, красноглиняная кружка с боковым сливом. Судя по находкам разбитых урн, по количеству подъемного материала, памятник подвергся сильному разрушению со стороны рыбаков и жителей близлежащих населенных пунктов. Значительный размыв поверхности могильника не позволил проследить форму и размеры ям для кремационных захоронений. Не удалось обнаружить и каменные обкладки, встречающиеся в аналогичных могильниках Закубанья и Восточного Причерноморья [3]. Было лишь отмечено несколько скоплений мелких камней около разбитых урн и отдельно от них, что с некоторой долей вероятности можно было бы связать с использованием камня в погребальном обряде.

За два года работ (1986, 1988 гг.) было исследовано 38 погребений: 32 - из них с обрядом кремации, а остальные 6 - с обрядом труположения. Большая часть (34 погребения) плотным массивом занимала основную площадь могильника. Из них только два погребения (пп. 20,35) были совершены по обряду труположения и относились к позднему средневековью. 4 аналогичных захоронения (пп. 13,14,25,26) находились за пределами распространения кремаций и составляли отдельную группу. Погребения 25 и 26 относятся к позднему средневековью, а погребения 13 и 14, возможно, одновременны кремациям. Но на основании всего лишь двух найденных погребений делать вывод о биритуальности памятника не представляется возможным. Поэтому в данной статье они не рассматриваются. Кремационное погребение 11 по инвентарю: сероглиняный кувшин и бронзовая фибула - датируется V веком и также не входит в основную группу захоронений публикуемого могильника.

Почти все кремационные погребения однородны: 24 (пп. 1,3-8,15-19,21-24,27,28,31-33,36,37,1-1985 г.) - содержат погребальные урны, либо

сосуды, выполняющие их роль; а 7 (пп. 2,9,10,12,29,30,34) - сопровождаются конскими захоронениями. В пп. 2,12 - урны отсутствуют, но эти сосуды из погребений могли быть утрачены из-за сильных разрушений и длительного размыва площади могильника. Можно выделить три типа погребений: I тип - урновые безинвентарные, II тип - урновые с инвентарем, III тип - урновые с инвентарем и с конскими захоронениями. Процентное соотношение комплексов I и II типов практически одинаково (44% и 31%), если учесть их сильное разрушение. В обоих случаях удалось зафиксировать два положения урн: стоящие на своем основании и перевернутые вверх дном. Так как 45,4 % исследованных захоронений содержали лишь отдельные фрагменты сосудов, то трудно определить какое положение урн преобладало. Возможно, их процентное соотношение одинаково, как показывает статистика сохранившихся погребений. Такое же распределение наблюдается в урнах захоронений III типа. Однако из-за большого числа разрушений какую-либо закономерность установить пока не удастся. Другие подобные могильники дают иную картину: там преобладает либо один, либо другой способ установки урны [4].

В безинвентарных погребениях присутствуют лишь урны с прахом умершего. В основном, это - стандартные красноглиняные или сероглиняные гончарные сосуды. В кремациях II типа погребальный инвентарь не отличается разнообразием. Это единичные экземпляры бронзовых колец, браслетов, пуговиц и ножей, а в двух случаях - деформированные в огне сломанные пополам или согнутые сабли (пп. 3,33); иногда в урнах встречаются лишь детали сабель - наконечники ножен, перекрестия, обкладки рукоятей (пп. 1-1985 г.,4,19). В 10 случаях были зафиксированы предназначенные для поминальной пищи дополнительные сосуды или фрагменты от них (пп. 5,10,12,16,17,23,24 и случайно найденные в пределах могильника три кружки).

Погребения III типа составляют 22% от всех исследованных комплексов. Конские захоронения с урнами, видимо, следует считать воинскими. Об этом свидетельствует набор погребального инвентаря,

более представительный, чем в простых урновых кремациях. Можно отметить единообразие погребений этого типа. Урна с прахом умершего находилась между черепом коня и его передними конечностями. Конь лежал на правом боку (п.29 - на левом боку) с подогнутыми ногами, ориентированный головой на северо-восток (п.34 - восточная ориентировка). Чаще (в 5 погребениях из 7) вместо целого коня в погребение укладывали его чучело: шкуру с головой и конечностями. Конь обычно помещался в могилу во взнузданном состоянии: с удилами и уздечкой. Обязательным атрибутом были стремяна. Таким же неотъемлемым элементом была сабля. Она либо лежала вдоль спины коня острием к его ногам (пп. 2,9,10), либо была согнута и находилась рядом с урной (пп. 29,30,34). Сосуды для поминальной пищи в кремационных погребениях II и III типов встречаются в 5 случаях (пп. 10,12,16,23,30) и представлены кувшинами со сливом, сероглиняным горшком и невыразительными фрагментами, не дающими форму (пп.12,30).

Наиболее общей категорией погребального инвентаря является керамика. Устойчивым признаком следует считать применение в качестве погребальных урн стандартных сосудов, имевших лишь варианты различия. Можно отметить, что среди специализированных урн, в основном, использовались красноглиняные гончарные сосуды или сероглиняные, покрытые толстым слоем красного ангоба, но иногда и без него (пп. 29,30). Исключением является сосуд из п.1 (рис.3,4). Это сероглиняный горшок с невысоким, резко отогнутым наружу венчиком, шаровидным туловом и плоским дном. Соотношение высоты тулова к его наибольшему диаметру составляет 1:1, соотношение диаметра горла к диаметру дна 1:1. Высота сосуда-23 см.

Стандартные урны - это сосуды с невысоким отогнутым наружу, уплощающимся у края венчиком, с туловом яйцевидной или шаровидной формы. В месте его наибольшего расширения симметрично друг другу расположены две небольшие петлевидные ручки, оформленные в виде вертикальных "ушек". Дно сосудов тонкое и плоское. Тулово чаще всего

покрыто лощением иногда сплошным, но чаще в виде вертикальных и горизонтальных пролощенных полос и "косой" сетки (рис.3,3; 5,1; 6,1; 10,1; 11,1; 12,1). Наряду с этим часть урн украшена наклепными горизонтальными валиками с пальцевыми зацепками или в виде "ложной веревки", или вообще без орнамента (рис.9,1; 11,1; 13,3,13). Основные различия наблюдаются в размерах и пропорциях.

Вариант 1 - выделяются сосуды со стройными пропорциями, когда высота превышает наибольший диаметр тулова и их соотношение составляет 1:1,07-1,35 при высоте сосуда от 33 до 53 см (пп. 10,15,19,28,29,30).

Вариант 2 - выделяются сосуды с приземистыми формами, когда при широком горле высота приблизительно равна наибольшему диаметру тулова, и их соотношение составляет 1:0,8-1,0 при высоте от 33 до 36 см (пп. 1-1985 г.,4,9,21,32).

Вариант 3 - отдельно выделяется урна из п.33 (рис.12,7). Сосуд имеет довольно высокий сильно отогнутый венчик, плавно переходящий в округлое почти шаровидное тулово. Две ручки "ушки" крепились верхним концом в месте перехода венчика в тулово, а нижним - в месте наибольшего расширения тулова. По форме и размерам они непропорционально велики. Придонная часть урны не сохранилась, но графическая реконструкция показывает, что по своему облику сосуд не соответствовал установившимся стандартам.

Из-за незначительного количества полностью сохранившихся сосудов выделить все цифровые показатели невозможно. Можно говорить о средних размерах: высота сосудов - 30-53 см, диаметр горла - 18-23 см, диаметр дна - 14-17 см, наибольший диаметр тулова - 29-31 см.

Сосуды, которые использовались для поминальной пищи, представлены несколькими видами: кувшины, кружки, горшки.

Кувшины: сохранился один целый сосуд (п.10) и фрагмент красноглиняного гончарного венчика со сливом (п.30).

Красноглиняный гончарный кувшин из п.10 имеет невысокий

ойнохоэвидный венчик со сливом впереди. Коническое горло плавно переходит в округлое тулово с небольшим расширением в средней части. Дно сосуда плоское. Ручка, овальная в сечении, верхним концом крепится к середине горла, а нижним - в верхней части тулова. Высота - 15,5 см; диаметр горла - 9,5 см; диаметр дна - 10 см (рис.6,3).

Кружки: сохранились целыми три сосуда (3 случайные находки, обнаруженные на территории могильника, видимо, "вымытые" из погребений). Все они красноглиняные и объединяются одним общим признаком - наличием бокового слива (слив "на себя"). Различия - в форме тулова и пропорциях.

Кружка (1985 г.) с прямым венчиком и цилиндрическим туловом, которое в средней части имеет слегка вогнутые стенки, а в нижней, при переходе ко дну - слабо выраженное ребро перегиба. Ручка, овальная в сечении, крепится верхним концом под венчиком, а нижним - над ребром перегиба. Соотношение высоты сосуда к диаметру тулова - 1,4:1. Высота сосуда - 13,2 см; размер горла - 10x9,5 см; диаметр дна 7,5 см (рис.14,1).

Кружка (1987 г.) с коротким отогнутым венчиком и биконическим туловом, наибольшее расширение которого приходится на среднюю часть. Петлевидная ручка, круглая в сечении, верхним концом крепится под венчиком, а нижним - в средней части тулова. Соотношение высоты сосуда к диаметру тулова - 1:1,3. Высота сосуда - 10,2 см; размер венчика - 9,5 см; диаметр дна - 8,2 см (рис.14,2).

Кружка (1988 г.) с коротким отогнутым венчиком и грушевидным туловом, которое имеет наибольшее расширение в нижней трети. Ручка, овальная в сечении, верхним концом крепится под венчиком, а нижним - в месте наибольшего расширения тулова. Соотношение высоты сосуда к диаметру тулова - 1:1. Высота сосуда - 11,5 см; размер венчика - 9x8,5 см; диаметр дна - 9 см (рис.14,3).

Горшки: с восстанавливающейся формой сохранился только один сосуд из п.16. Он имеет короткий отогнутый венчик и шаровидное тулово с наибольшим расширением в средней части. Соотношение высоты тулова к

его наибольшему диаметру - 1:1,4. Высота сосуда - 18 см; диаметр горла - 14 см; диаметр дна - 12,5 см (рис. 9,6).

Практически все виды погребальной керамики Ленинахабльского могильника находят аналогии в синхронных памятниках Закубанья и Восточного Причерноморья.

Подобные урны известны в кремационном могильнике у Колосовки на р. Фарс, датированном П.А. Дитлером X-XII вв. [5]. Такие же погребальные сосуды дают Убинский [6] и Абинский [7] могильники в Западном Закубанье; найдены они в подобных погребениях Чернокленовских курганов, раскопанных А.В. Пьянковым в 1986 г. в Абинском районе Краснодарского края [8]. На восточном побережье Черного моря погребальные урны известны в средневековых могильниках близ Новороссийска, которые А.Н. Дмитриев относит к XII-XIII вв. [9] и в кремационных погребениях Кабардинских курганов, раскопанных Кавказской археологической экспедицией ГМИНВ в 1990 г. в пос. Кабардинка Геленджикского района Краснодарского края [10]. В более ранний период (VII-X вв.) прототипы этих сосудов - пифосы-корчаги - были распространены на памятниках салтово-маяцкой культуры, где они использовались для хранения пищевых продуктов [11].

Кувшины со сливом известны в памятниках VIII-IX вв. [12], широко распространены в последующий период [13], и продолжают существовать в позднесредневековых могильниках XIV-XV вв. Закубанья и Восточного Причерноморья [14].

Красноглиняные кружки со сливом "на себя" являются отличительной чертой погребальных комплексов XI-XII вв. в Закубанье и Восточном Причерноморье. Они найдены в Колосовке, на Псекупсе и в Убинском могильнике, в курганах близ ст. Раевской в районе Новороссийска [15]. В более раннее время они неизвестны, но в последующий период - XIII-XV вв. - получают широкое распространение на восточном побережье.

Вторым устойчивым признаком является наличие оружия в погребениях II и III типа Ленинахабльского могильника. Оно встречается в

10 погребениях, что составляет около 30% всех комплексов. Оружие представлено саблями и наконечниками стрел. Сюда же включены и те погребения, где обнаружены только обкладки рукоятей и наконечников ножен, как заменители самих сабель (пп. 1-1985 г., 4, 19).

Сабли являются наиболее частой находкой, они зафиксированы практически во всех погребениях Ш типа (кроме п. 12). В простых урновых - они преднамеренно испорчены: сложены в несколько раз или согнуты пополам; это же явление, как отмечалось выше, наблюдается и в урновых кремациях с конскими захоронениями. Всего найдено 12 экземпляров, в том числе и случайные находки из разрушенных комплексов (2 - не сохранились). Все сабли имеют узкий однолезвийный клинок с обоюдоострым концом. У основания некоторых перекрестий - узкая прямоугольная пластина с выступом вдоль спинки клинка. Перекрестия сабель напускные овальной формы. Черенок рукояти подтреугольный, чаще всего с заклепками для крепления обкладок.

Сабли различаются формой перекрестия, размерами клинка, степенью его изогнутости относительно лезвия клинка. В значительной мере все найденные экземпляры сильно деформированы.

Большинство сабельных клинков слабо изогнуты, почти прямые. При общей длине сабли - 90 см и 76-86 см клинки соответственно имеют длину 81-82 см и 70-76 см. Ширина клинка - 2,8-3,0 см. У половины сабель можно отметить наклон рукояти в сторону лезвия, равный 6-12 градусам.

Все перекрестия прямые, овальные в плане, в виде прямоугольной пластины в центральной части. Лишь в 2-х случаях наблюдается треугольное расширение одной из сторон лицевой пластины (рис. 6,5; 12,5). Почти все перекрестия имеют стержневидные выступы, сужающиеся или расширяющиеся на концах (рис. 6,5; 11,4; 12,5), иногда это дисковидные или шляпковидные завершения (рис. 3,5; 10,5). Длина перекрестий не превышает 7-8 см, ширина - 1,5-1,8 см.

Все навершия сабельных рукоятей и окончания ножен - из овальной в сечении железной трубки с расширением на конце. В наиболее целом виде

они происходят из п.1-1985 г. (рис.3,1,2). Длина наконечника ножен - 14,5 см, сечение трубки - 3x2 см, в верхней части с лицевой стороны он украшен фестончатым вырезом и фигурным сквозным отверстием. Навершие рукояти в нижней части имеет треугольный выступ с заклепкой для крепления обкладок к черенку, длина - 8 см. Судя по сохранившимся фрагментам, в остальных случаях (пп. 4,9,10,19,29,33) - аналогичные по форме экземпляры. Детальми ножен являлись различные железные и бронзовые накладки, заклепки, найденные в пп.10,29,30 (рис. 6,9-13,18; 11,14-15; 12,3). Бронзовая петля в виде двух пластин, соединенных дужкой (п. 29; рис.11,14), возможно, располагалась сбоку ножен и служила для крепления сабли к портупее. Аналогичный способ крепления зафиксирован у черных клобуков [16], а подобная скоба известна из Колосовки на р. Фарс [17]. Из п.10 (рис.6,9) происходит петля в виде двух овальных пластин, соединенных дужкой. Видимо, она имела то же назначение, хотя аналогичные петли в хазарских могильниках VIII-IX вв. известны как детали колчанов [18]. В аланских катакомбах XI-XII вв. подобные петли также использовались для крепления колчанов [19].

Все найденные сабли находят аналогии среди материалов X-XII вв. из погребальных комплексов Северного Кавказа и кочевнических погребений южнорусских степей. По своему облику они относятся к ранним типам, о чем свидетельствует длина клинка (не более 90 см), его прямизна, форма навершия рукояти и вид перекрестия. Исследователи, занимавшиеся классификацией оружия, отмечают, что эволюция формы сабли во времени шла по линии удлинения, большего изгиба и увеличения веса клинка, а навершия с расширением на конце ("грушевидной формы") не встречаются позже первой половины XI века [20]. Но возможно, последнее замечание относится к саблям домонгольской Руси, так как в аланских древностях они встречаются в XI-XII в. [21]. Подобные по форме и размерам сабли, найденные в Колосовке, отличаются от ленинахабльских видом перекрестий и наверший рукоятей [22]. В Чернокленовских курганах имеются аналогичные окончания ножен и такие же перекрестия, но

отличающиеся большей длиной боковых отростков [23]. Дисковидные завершения боковых выступов встречаются на перекрестиях сабель Псекупского могильника [24].

Наконечники стрел обнаружены в трех погребениях III типа (пп. 2,9,12) и на площади могильника как случайные находки. Всего найдено 14 экземпляров (сохранилось – 9), которые относятся к группе черешковых. Выделяется 7 типов, которые соответствуют классификации А.Ф. Медведева [25].

Тип 1 - с плоским пером, ланцетовидные без упора. Длина: 10 и 9,6 см; длина пера: 7 см; ширина пера: 1,5 и 1,2 см. Пропорции пера - 1:6 (рис.5,4,5).

Тип 2 - с плоским пером, лавролистные с упором и без него. Длина: 12,2 и 11,5 см; длина пера: 8,5 и 6,5 см; ширина пера: 3,2 и 3 см. Пропорции пера - 1:2,7 и 1:2 (рис.8,4; 14,4).

Тип 3 - ромбические без упора. Длина: не сохранилась; длина пера: 3,2 см; ширина пера: 1,2 см. Пропорции пера - 1:2,6 (рис.8,5).

Тип 4 - треугольные с ромбическим сечением. Длина: 5,3 см; длина пера: 3,5 см; ширина пера: 1,8 см. Пропорции пера - 1:2 (рис.14,7).

Тип 5 - ромбовидные с прямыми сторонами и плечиками и наибольшим расширением в верхней половине длины пера. Длина: 6,7 см; длина пера: 3,5 см; ширина пера: 1,2 см. Пропорции пера - 1:3 (рис.14,6).

Тип 6 - двурогие срезни. Длина: 7 и 13 см; длина пера: 4 и 6,5 см; ширина пера: 4,5 и 5 см. Пропорции пера - 1:1 (рис.3,7; 14,5).

Тип 7 - бронебойные, килевидные сплюснутые, с упором в виде валика. Длина: 6,2 см; длина головки: 3,8 см; ширина: 1,0 см. Пропорции головки - 1:3,8 (рис.14,8).

Единичные наконечники стрел в погребениях и их общее незначительное количество позволяют сделать вывод, что в захоронениях они лежали отдельно, без колчанов. И лишь в п.12, где были найдены 6 наконечников, а также обломки различных металлических заклепок и скоб (рис.8,11-14), стрелы, возможно, лежали в колчане. Подобные заклепки и

отдельные фрагменты соответствуют находкам, определенным как детали от колчанов из курганов VII-VIII вв. Верхнечирюртовского могильника [26], катакомб VIII-X вв. Дмитриевского могильника [27], и кремаций Чернокленовских курганов XI-XII вв. [28]. К колчанному набору, видимо, относятся бронзовая и железная пряжки, кольца и фигурная бляшка в виде трилистника (рис.8,8-10,15).

Наконечники стрел из Ленинахабля имеют широкие аналогии. Типы 2,3,4,5,6,7 соответствуют по классификации А.Ф. Медведева типам 63,47,37,52,56,81 и имеют широкий хронологический диапазон с VIII-IX по XIII-XIV века. Исключением является тип 1 соответствующий типу 62, который существовал довольно ограниченный отрезок времени: с IX по XI век [29].

И сабли, и колчаны крепились к портупьям, поясам при помощи различных ремней, бронзовых колец и пряжек. Часть таких колец найдена в 9 погребениях могильника, диаметр колец от 1,7 до 2,7 см (рис.3,10-11; 4,4; 5,7-11; 6,7-8; 8,9; 9,4,9; 11,7-12). Детальями поясов являлись пряжки: бронзовые и железные. Бронзовых пряжек найдено 5 экземпляров (4 из пп. 2,10,12,29 и 1 - случайная находка). Все они относятся к разным типам. Наиболее простыми и часто встречающимися являются кругло-рамчатые, прямоугольно-рамчатые и сегменто-рамчатые (рис.3,12; 6,17; 8,8; 11,13; 14,13). Интерес представляют два экземпляра.

Пряжка из п.10 (рис.6,17) - с сегментированной рамкой, сделанной из широкой пластины, зауженной в задней части. Лицевая сторона украшена орнаментом из двух поясков, оформляющих внешний и внутренний контур рамки. Внешний контур из выпуклых "перлов", внутренний - из двух глубоких линий и насечек внутри. Длина пряжки - 3,5 см, ширина - 3,7 см. Форма пряжки необычна, в северо-кавказских древностях такой тип отсутствует. Аналогий ему пока не найдено, но подобный способ орнаментации характерен для изделий средневековых финно-угорских народов Поволжья VIII-XI вв. [30].

Пряжка (случайная находка 1987 г.; рис. 14, 13) - лировидная из выпукло-вогнутой в сечении пластины с выемкой для фиксации язычка в передней части. Украшена по контуру рельефными двойными линиями и глубоким частым рифлением по краю. Щиток в виде сегментированной рамки с округлыми утолщениями на концах. Длина пряжки – 2,9 см, ширина – 3 см. Аналогичные пряжки в кочевнических древностях южнорусских степей встречаются с XI века [31], в древнерусских городах распространены в комплексах X-XI вв. [32]. В Чернокленовском и Абинском могильнике найдены их модификации [33].

Все железные пряжки (пп. 10, 12, 17, 29, 34) имеют крупные размеры (диам. – 4 см; 4,5х3,7 см; 5,6х3,7 см; 4,5х4,0 см; 4,5х3,5 см). Среди них: две относятся к типу прямоугольно-рамчатых (рис. 8, 10; 11, 5); одна - кругло-рамчатая (рис. 7, 8); одна - овально-рамчатая (рис. 9, 5); одна - с восьмерковидной рамкой (рис. 13, 9). Аналогии им хронологически очень широки. В памятниках Северного Кавказа их количество увеличивается с VIII века, не уменьшаясь и в более поздний период. На Северо-Западном Кавказе такие пряжки известны в Борисовском, Абинском и Колосовском могильниках [34]. Использовались они в обычных поясах и для крепления конской сбруи.

Как уже отмечалось выше, кони находились в погребениях во "взнузданном состоянии". Поэтому конское снаряжение представлено довольно полно. Это - стремена, удила, детали оголовья и сбруи.

Стремена зафиксированы в 5 погребениях III типа (пп. 9, 10, 12, 29, 34) и кроме того найдено 4 экземпляра, сильно деформированные от пребывания в огне, что говорит о присутствии данной категории в погребениях II типа. Основная масса стремян имеет круглую в сечении дужку, расплюснутую лишь в ее верхней части, небольшой округлый выступ ниже прорези и неширокую выгнутую подножку с ребром жесткости. Только в п. 12 - дужка расплюснута по всей длине. Выделяются два типа. К 1-му типу относятся те экземпляры, у которых верхняя часть дужки образует треугольный выступ, а для стремени характерен яйцевидный

контур (пп. 9,34; рис.5,16; 13,11). 2-ой тип отличается от предыдущего круглым контуром стремени и иным оформлением верхней части дужки, которая над прорезью образует округлый выступ (пп.10,12,29 и 2 случайные находки; рис.7,18; 8,18; 11,20; 14,12). Некоторые экземпляры украшены витой инкрустацией золотой проволокой (пп. 9,10,34; рис.5,16; 7,18; 13,11). Характерно, что в каждой паре инкрустировано только одно стремя.

Все стремяна соответствуют по классификации Г.А. Федорова-Давыдова отделам Г и Д и в памятниках раньше XII века, по его мнению, не встречаются [35]. А.И. Кирпичников подобные стремяна объединяет в тип IX "а" и датирует их XII-XIII вв., но при этом отмечает, что «Стремяна с глубоко изогнутой подножкой, несколько более ранние или приблизительно синхронные русским найдены на Северном Кавказе, в Северном Причерноморье...» [36]. На Северном Кавказе аналогичные стремяна встречаются на Змейском катакомбном могильнике XI-XII вв. [37], в погребениях конца XI - первой половины XII вв. могильника Кольцо-Гора [38], в могильнике Колосовка [39], в Чернокленовских курганах [40]. Это, возможно, несколько раньше, чем рамки принятой хронологической классификации. Более ранняя дата Ленинахабльских стремян подтверждается наличием в захоронениях сабель раннего типа. Украшение стремян в технике витой инкрустации является, по мнению А.Н. Кирпичникова, приемом древнего европейского происхождения и замечено на русских кузнечных изделиях XI-XII вв. [41].

Железные удила (7 шт.) происходят из захоронений III типа (пп.9,10,12,29,30,34) и один экземпляр является случайной находкой (рис.5,15; 7,17; 8,17; 11,19; 12,6; 13,10; 14,11). Все они относятся к одному типу: двусоставные, внутренние петли грызл по отношению друг к другу находятся во взаимоперпендикулярных плоскостях. Стержки грызл заканчиваются неподвижными кольцами, в которые вставлены подвижные кольца для повода. Различаются удила длиной грызла (от 12,5 до 17 см) и

размерами подвижных колец (от 3,5 до 8,5 см). Удила из п.12 - украшены косыми насечками (рис.8,17).

Ленинахабльские удила соответствуют типам ГІ и ГІІ по классификации Г.А. Федорова-Давыдова [42] и типу IV по классификации А.Н. Кирпичникова [43]. Они имеют очень широкий хронологический диапазон и встречаются как в кочевнических комплексах, так и у оседлых народов. Различие удил по размеру поводных колец А.Н. Кирпичников устанавливает с X века, объясняя это стремлением облегчить управление конем при помощи простого варьирования размеров колец [44]. Массовое распространение кольчатые удила получают после X века и встречаются как в Ленинахабльском, так и в Абинских, Чернокленовском, Борисовском и других могильниках XI-XIII вв.

Конская сбруя представлена отдельными деталями: кольца, бляшки, накладки, пряжки. Однако полных уздечных наборов из-за размытости погребений собрать не удалось. Количество сохранившихся деталей показывает, что основным соединительным элементом ремней сбруи были различные бронзовые кольца и железные пряжки. Они найдены во всех погребениях III типа и зафиксированы в области конского черепа. В трех случаях оголовья были украшены дополнительными бляшками (пп. 9,10,29) трех видов:

1 - круглые бронзовые бляхи (диаметр - 4 см) с сегментированными прорезями, разделенными крестовидной перегородкой. С внешней стороны обтянуты тонким серебряным листом, а с внутренней имеют - по четыре металлических штифта для скрепления ремней (пп. 9,10; рис. 5,12,13; 7,2-4).

2 - круглые бронзовые бляхи (диаметр - 2,5-2,7 см), с внешней стороны обтянутые тонким серебряным листом, а с внутренней - имеют петлю для крепления к ремню (п.10; рис.7,5).

3 - полусферические серебряные бляшки (диаметр - 1,7 см) со штифтом для крепления к ремню. Внешняя сторона украшена

прочеканенным орнаментом в виде креста с круглой розеткой в центре (п.29; рис.11,16).

Наиболее полной из всех комплексов является сбруя из п.10. По расположению деталей "in situ" можно предложить следующую форму оголовья – (рис.7,1). Ремни крепились крупными круглыми бляхами (вид 1). Налобный и нащечные ремни украшали бляхи меньшего диаметра (вид 2). Железная кругло-рамчатая пряжка закрепляла оголовье на морде коня. Две бронзовые прямоугольные накладки с двумя прорезями и штифтами на оборотной стороне (длина - 4,3 см, ширина - 1,7 см; рис.7,6,7) служили для соединения поводных ремней с подвижными кольцами удил. Бронзовые кольца (диаметр - 2-2,5 см), найденные в области груди, относились к нагрудным ремням сбруи, а крупные кольца (диаметр - 4 и 5 см; рис.7,9-13), лежавшие на крупе коня, возможно, имели отношение к подпружным и стременным ремням. Бронзовая бляшка из п.34 в виде растительного побега, видимо, также являлась украшением конской сбруи (рис.13,4).

Богато украшенные конские сбруи в погребальных комплексах X-XII вв. на Северном Кавказе отмечались неоднократно. По единству орнаментального стиля и по технике золочения бронзовых изделий чаще всего их связывали с аланскими древностями. В Ленинахабльском могильнике представлен иной способ украшения бронзовых изделий - обтяжка их поверхности тонким серебряным листом. До этого момента с подобной техникой на данной территории встречаться не приходилось. Однако техника плакирования серебром известна в русских древностях с X века. Так украшались бляхи-скрепители ремней оголовья, имевшие в том числе и круглую форму [45]. Мелкие серебряные бляшки из п.29 находят аналогии в катакомбах Кольцо-Горы [46] и среди находок из кургана 2 могильника Колосовка 1 [47].

Украшения и детали одежды в погребальном инвентаре могильника немногочисленны. И чаще всего представлены единичными экземплярами. Бронзовый браслет (п.4; рис.4,5), обгоревшие в огне стеклянные бусы

(п.29; рис.11,18), проволочное бронзовое височное кольцо (п.29; рис.11,17) и серебряное проволочное кольцо в 1,5 оборота (п.34; рис. 13,2) - невыразительны и мало что могут дать для интерпретации комплексов. Бронзовые пуговицы - полые внутри и литые, грушевидной и шаровидной формы (пп. 7,9,10,34,36; рис.4,9; 5,14;.6,2; 13,1)-известны в памятниках X-XIII вв. по всему Северному Кавказу. Исключение составляют бронзовые литые пуговицы в виде "кистеня" с рельефной граненой поверхностью (п.12; рис.8,3) Еще одна пуговица такого же типа происходит с площади могильника как случайная находка, есть еще два подобных экземпляра, найденные в береговом размыве близ аула Тауйхабль [48]. Видимо, для этой территории такой тип пуговиц не являлся случайным и имел определенное распространение. Однако в других регионах аналогий ему найти пока не удалось. Близкими по технике изготовления (литье) и рельефной орнаментации, возможно, являются рубчатые пуговицы-подвески из уздечного набора XI века из Среднего Подонья-Гаевка [49].

Интерес представляет бронзовая фибула из п.10 (рис.9,2), которая относится к типу скульгам. Форма ее проста, изготовлена из круглого в сечении прута, концы которого расплющены и свернуты в спирали (диаметр - 5,2 см). По классификации М.В. Седовой она относится к типу подковообразных спиралеконечных фибул круглого сечения. В Новгороде основная масса этих фибул обнаружена в слоях X-XII вв. [50]. Для Северного Кавказа такие типы застежек не характерны. Ранние их находки - среди финно-угорских и славянских древностей [51], и лишь один известный мне экземпляр скульгамы происходит из слоев X-XI веков Кубинского городища в Карачаево-Черкессии [52].

Орудия труда отмечены в погребениях II и III типов.

В основном, это - ножи (пп. 10,12,15,29,30,34), их в целом и фрагментарном виде обнаружено 6 экземпляров. Все они относятся к категории хозяйственных: имеют прямую или чуть опущенную к острию спинку, а само острие не опускается ниже оси черешковой части ножа [53]. Клинки имеют треугольное сечение, лезвия носят часто следы стачивания.

Размеры ножей различны, длина: от 11,8 до 7,5 см (рис.6,14; 8,16; 9,1; 11,6; 12,4; 13,12). Встречаются подобные типы на всех средневековых памятниках Закубанья, в том числе на Псекупском, Абинских, Борисовском и других могильниках.

Железное кресало из п.12 (рис.8,6) относится к категории однолезвийных. Г.А. Федоров-Давыдов называет их "калачевидными" без выступа с прямыми концами - тип БIII [54]. Этот тип, в целом не характерен для Северного Кавказа, где были распространены другие формы, известные в Поволжье, Подонье, у кочевников южнорусских степей. Аналогии ленинахабльскому экземпляру имеются среди кочевнических древностей Казахстана XI-начала XIII вв. [55].

В погребении 4 были найдены деформированные остатки железных ножниц, которые, судя по сохранившимся фрагментам, относились к типу пружинных (рис.4,6).

Сравнение Ленинахабльского могильника с другими погребальными памятниками региона позволяет поставить его в один ряд с кремационными захоронениями Северо-Западного Кавказа X-XIII веков. Их объединяет единство погребального обряда и инвентаря, а некоторые различия носят хронологический и локальный характер. Анализ материала показывает, что Ленинахабльский могильник, возможно, датируется второй половиной XI века. На это указывает ранний тип сабель, не характерный для XII века, присутствие в наборе наконечников стрел одного типа (1/62) с ограниченным хронологическим диапазоном (X-XI вв.). А учитывая, что наконечники стрел типа 3/47 с пропорциями пера 1:2 появляются с середины XI века, то можно говорить о довольно определенной дате могильника. Не противоречит этому и находка лировидной пряжки, точные аналогии которой происходят из памятников X-XI вв., в более позднее время встречаются их модификации. Некоторые сомнения связаны со стременами, которые по классификации Г.А. Федорова-Давыдова и А.Н. Кирпичникова начинают существовать с XII века. Однако находки их в

комплексе с ранними саблями позволяют перенести их дату в конец XI века.

Отсутствие полной публикации материалов Псекупского, Убинского, Чернокленовского и Колосовского могильников пока не позволяет поставить эти памятники в единый хронологический ряд и определить в этом ряду место Ленинахабля. Но учитывая полное единство погребений III типа (урновые с инвентарем в сопровождении конских захоронений) можно говорить, что могильник оставлен компактной одноэтничной группой населения с единым погребальным обрядом, который еще не подвергся "размыванию" в связи с объединением разноэтничных компонентов, как это наблюдается на других могильниках.

1. Саханев В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-12 годах. // ИАК, вып.56. Спб., 1914, с. 75-219.
2. Пьянков А.В. Отчет о раскопках Чернокленовских курганов. Краснодар, 1987; Тарабанов В.В., Ловпаче Н.Г. Могильники в устье реки Псекупс. // ВАА. Майкоп, 1985, с. 16-64; Носкова Л.М. Отчет о работах Теучежского отряда КАЭ ГМИНВ в 1986 году. М., 1987; она же, Отчет о работах Теучежского отряда КАЭ ГМИНВ в 1988 году. М., 1989.
3. Дитлер П.А. Могильник Колосовка № 1 (Раскопки экспедиции АНИИ 1962 г.). // ВАА. Майкоп, 1985, с. 115; Дмитриев А.В. Отчет об археологических разведках в районе Новороссийска за 1973 год.. Новороссийск, 1974.
4. Ловпаче Н.Г. Указ.соч., с. 27; Саханев В.В. Указ.соч., с. 175-192.
5. Дитлер П.А. Указ.соч., с. 138, табл. II,9.
6. Сосуды хранятся в Краснодарском ГИАМЗ.
7. Пьянков А.В. Средневековый могильник Абинский 4. // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993, рис. 2,7; 3,6; 4,14.
8. Пьянков А.В. Указ.отчет..., рис. 408 .

9. Дмитриев А.В. Отчет об археологических разведках в районе Новороссиска за 1972 год. Новороссийск, 1973, с. 7.
10. Носкова Л.М.. Отчет о работах Геленджикского отряда КАЭ ГМИНВ в 1990 году. Альбом. М., 1991., рис. 11,3,13.
11. Плетнева. С.А. От кочевий к городам. // МИА, № 142. М., 1967, рис. 31,г.
12. Тарабанов В.А. Средневековый могильник у аула Казазов. // Историческая этнография. Традиции и современность. Л., 1983, с. 154, рис. 2,4; МАК, вып. VIII. СПб., 1900, табл. LXXXV,3; Ловпаче Н.Г. Художественная керамика средневековой Адыгеи. Автореферат канд. дисс. Тбилиси, 1982, таблица: рис. 58,309.
13. Дитлер П.А. Указ.соч., табл. II,2.
14. Ловпаче Н.Г. Указ.соч., таблица: рис.14,15,89,247; он же. Могильники в устье реки Псекупс. табл. XXXа,5; Дитлер П.А. Указ. соч., табл. II,4,5.
15. Ловпаче Н.Г. Художественная керамика..., таблица: рис.25,35,36,129,138,150.
16. Древняя Русь (город, замок, село). // Археология СССР. М., 1985, с. 335, табл. 123,5.
17. Дитлер П.А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс. // СМАА, т. II. Майкоп, 1981, табл. XV, рис. 1.
18. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983, с. 71, рис. 19,2319.
19. Савенко С.Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI-первой половины XII вв. могильника Кольцо-Гора. // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986, рис. 4,11,12.
20. Древняя Русь..., с. 308.
21. Савенко С.Н. Указ.соч., рис. 1,1.
22. Дитлер П.А. Могильник Колосовка № 1..., табл. III, рис. 1-8.
23. Пьянков А.В. Указ. отчет..., рис. 61,24,78,2.

24. Ловпаче Н.Г. Могильники в устье реки Псекупс..., табл. XXX, рис.9.
25. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII-XIV вв. // САИ, вып. Е 1-36. М., 1966, с. 47.
26. Магомедов М.Г. Указ.соч., с. 71,72, рис.19,18-25.
27. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989, с. 72, рис. 33.
28. Пьянков А.В. Указ.отчет..., рис. 198,3-6.
29. Медведев А.Ф. Указ.соч., с. 63-64, 74-75,80.
30. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. // Археология СССР. М.1987, табл. XXXV,2,3; XXXVIII.
31. Добровольский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986, табл. IX, рис. 7.
32. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981, рис. 56,1,2,5.
33. Пьянков А.В. Указ.отчет..., рис.161,2; 343,5; он же. Средневековый могильник Абинский 4..., рис. 8,15.
34. Саханев В.В. Указ соч., рис. 51,11; Пьянков А.В. Указ соч., с.219, рис. 6,16; он же. Указ. отчет..., рис. 452,3 .
35. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 12, рис.1; с. 12-13,16.
36. Кирпичников А.И. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ, вып. Е 1-36. Л., 1973, с. 53.
37. Кузнецов В.А. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // МИА, № 114. М., 1963, с. 41, табл. II, 3.
38. Савенко С.Н. Указ.соч., с. 86, рис. 3,10.
39. Дитлер П.А. Могильники в районе поселка Колосовка...,табл. XII,7.
40. Пьянков А.В. Указ.отчет..., рис. 308.
41. Кирпичников А.В. Указ.соч., с. 53.
42. Федоров-Давыдов Г.А. Указ.соч., с. 18,20.
43. Кирпичников А.Н. Указ.соч., рис. 4, IV; с. 16, табл.VI.
44. Там же, с. 16-17.

45. Там же, с. 21.
46. Савенко С.И. Указ.соч., рис. 1,7.
47. Дитлер П.А. Указ.соч., табл. XV, 8,9; XIX, 8.
48. Хранятся в фондах ГМВ.
49. Кирпичников А.Н. Указ.соч., с. 28, табл. VIII.
50. Седова М.В. Указ.соч., с. 86.
51. Финно-угры и балты...,табл. XXVI,35; Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. М., 1982, табл. XLYVI,27.
52. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971, табл. 28,6, рис.13.
53. Культура Биляра. Болгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. М., 1985, с. 56.
54. Федоров-Давыдов Г.А. Указ.соч., рис. 12,БIII.
55. Степи Евразии в эпоху средневековья..., рис. 72,49,70.

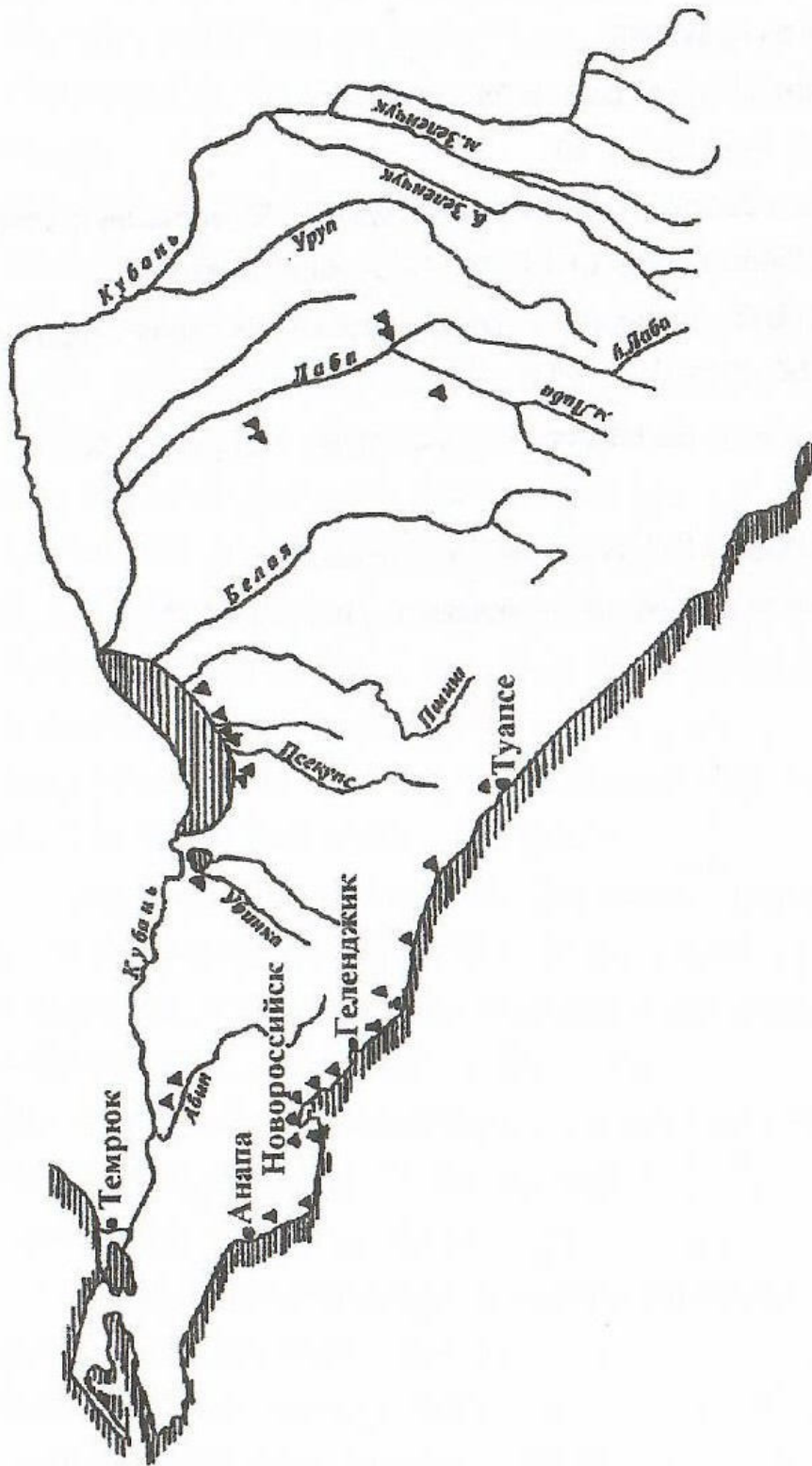

Рис. 1 Кремационные могильники на Северо-Западном Кавказе

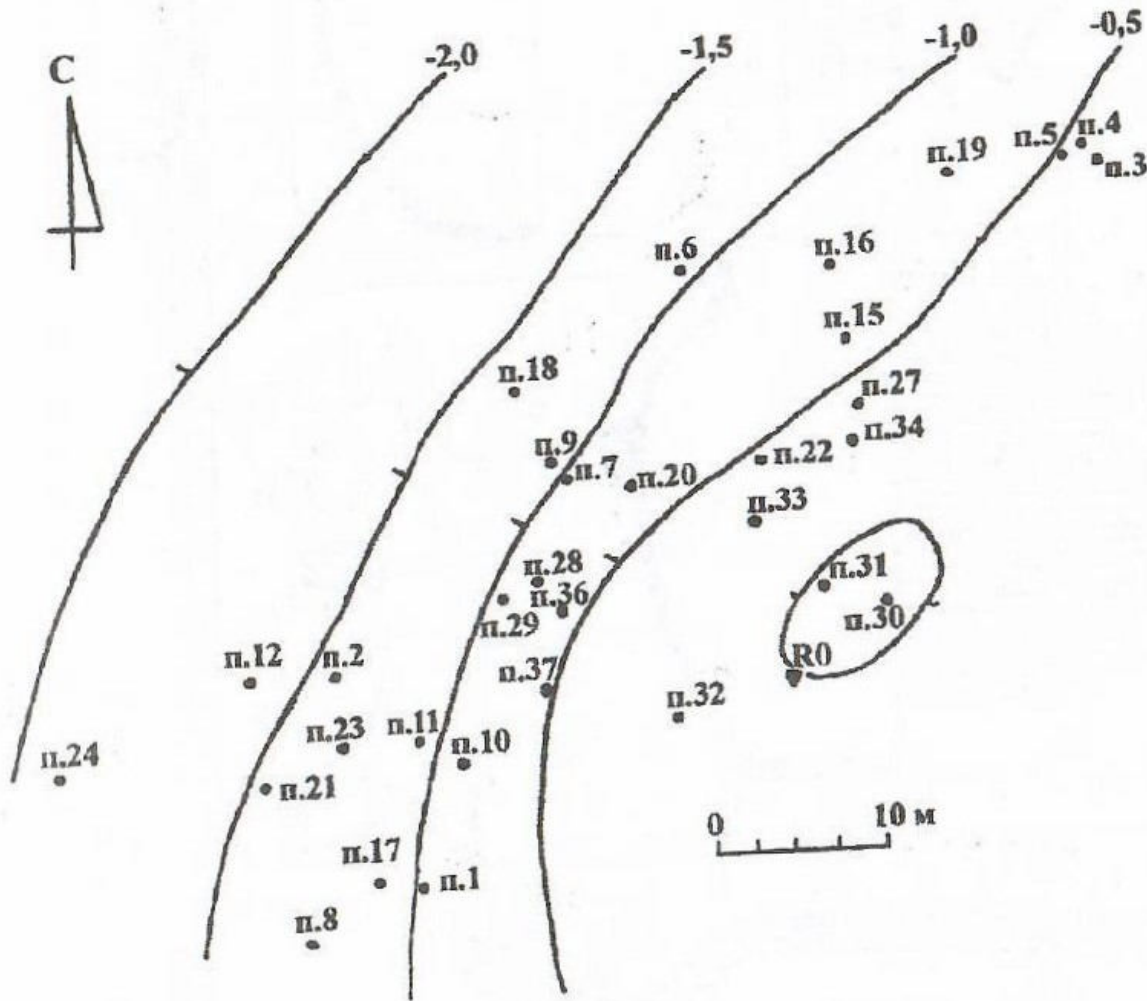

Рис. 2 Ленинахабльский могильник. Ситуационный план

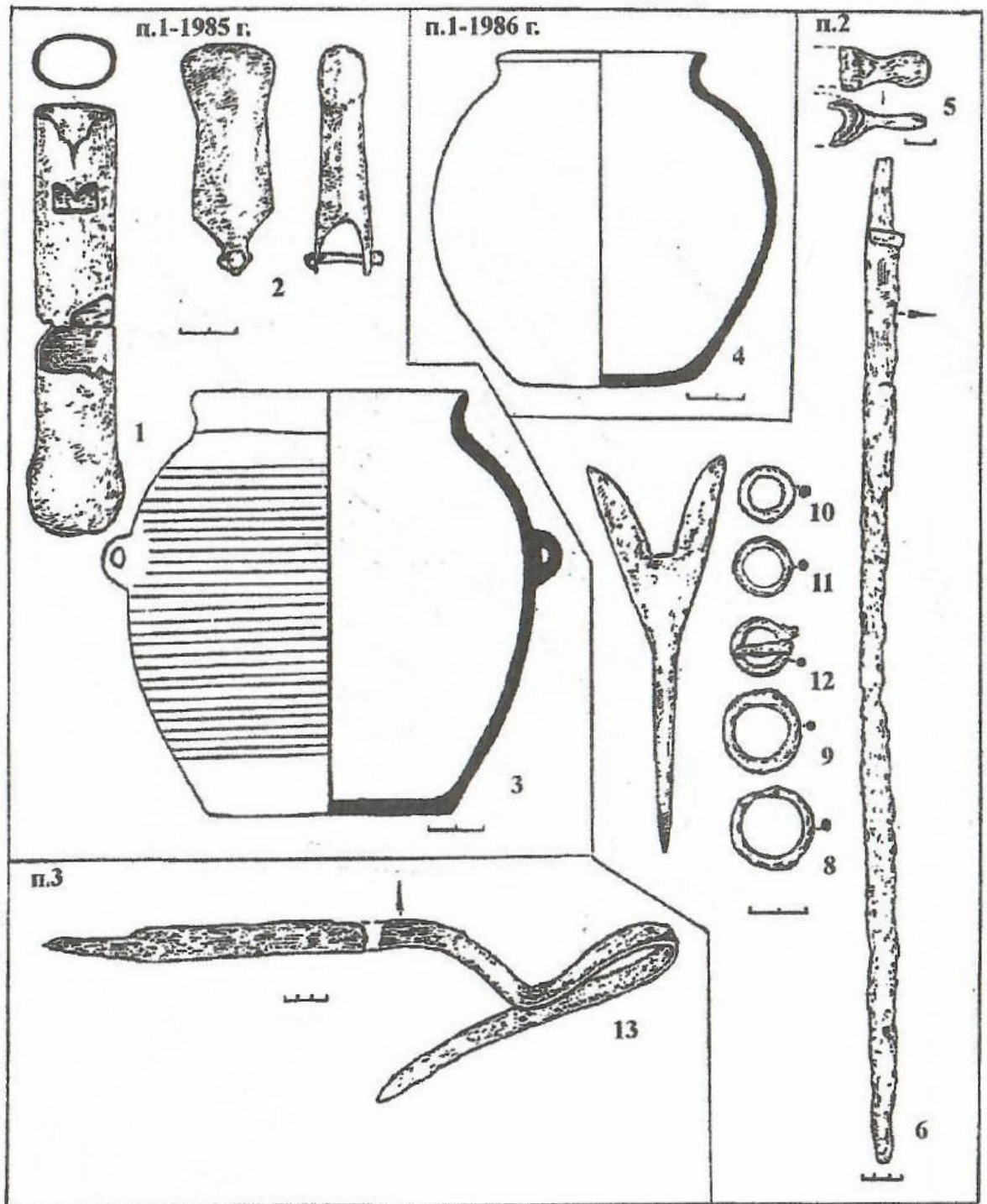

Рис.3 Инвентарь кремационных погребений
 Ленинахальского могильника:
 (п.1-1985 г.; пп.1-3-1986 г.)

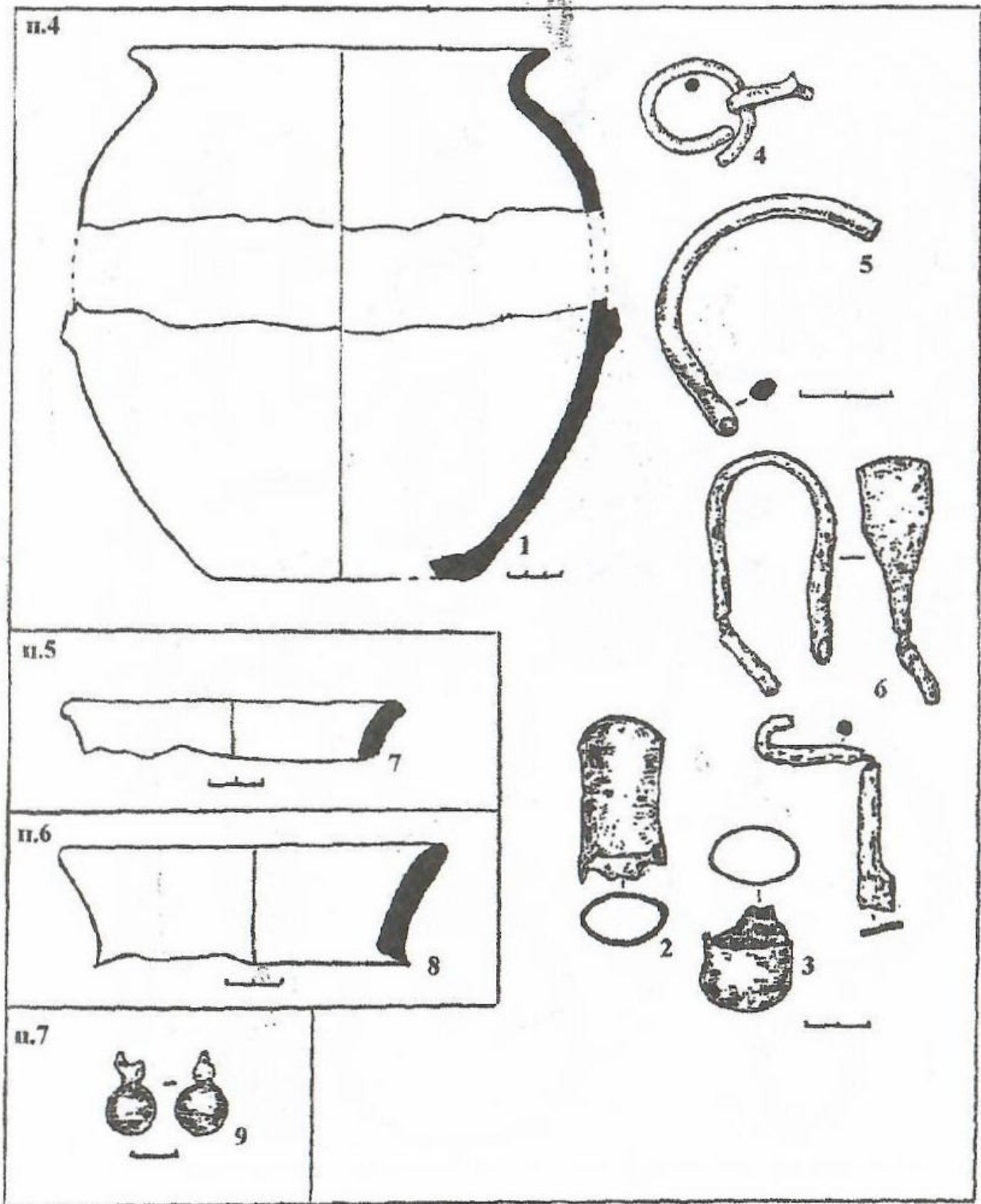

Рис.4 Инвентарь кремационных погребений
Ленинахабльского могильника:
(шп. 4-7)

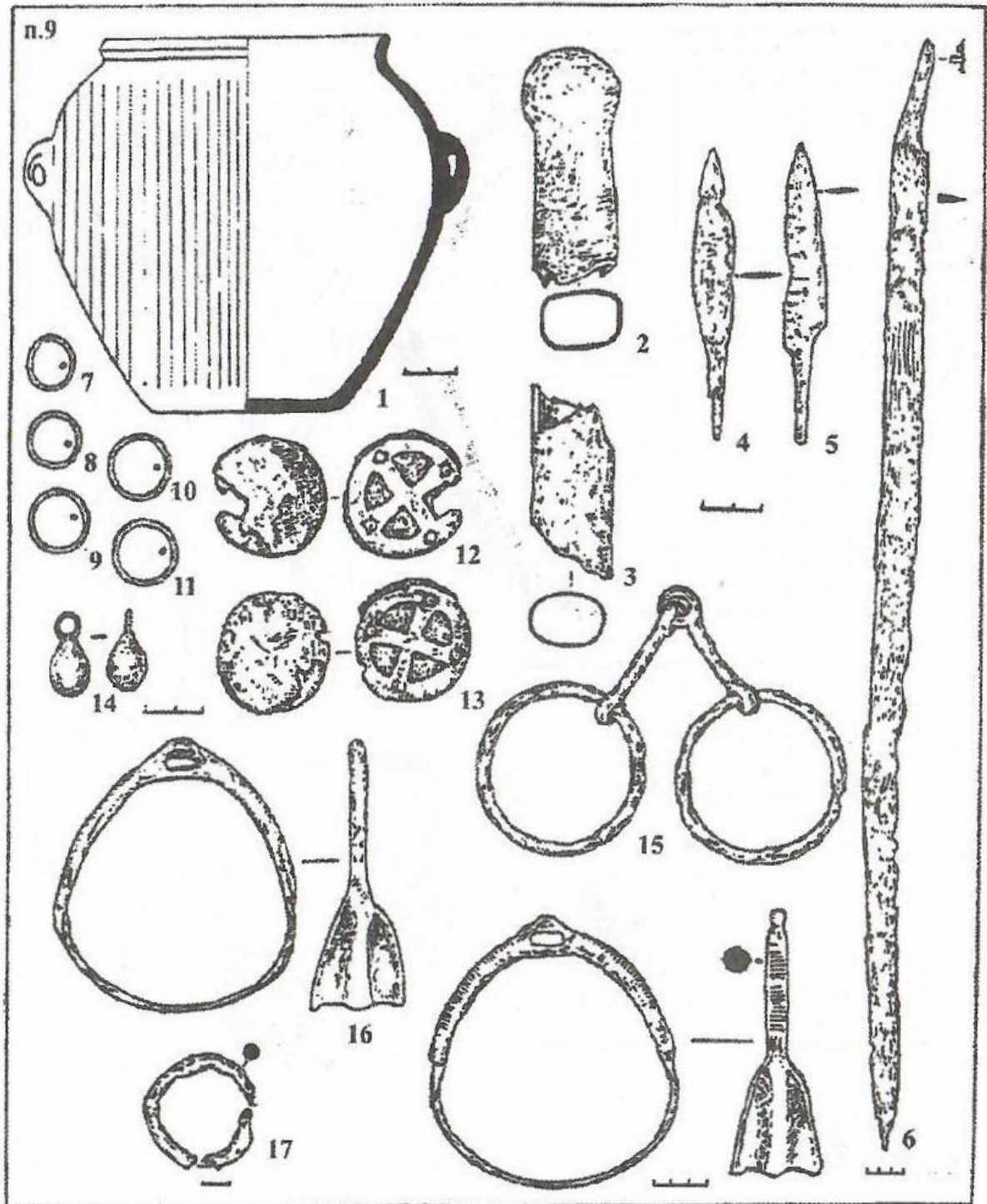

Рис.5 Инвентарь кремационного погребения 9
Ленинахабльского могильника

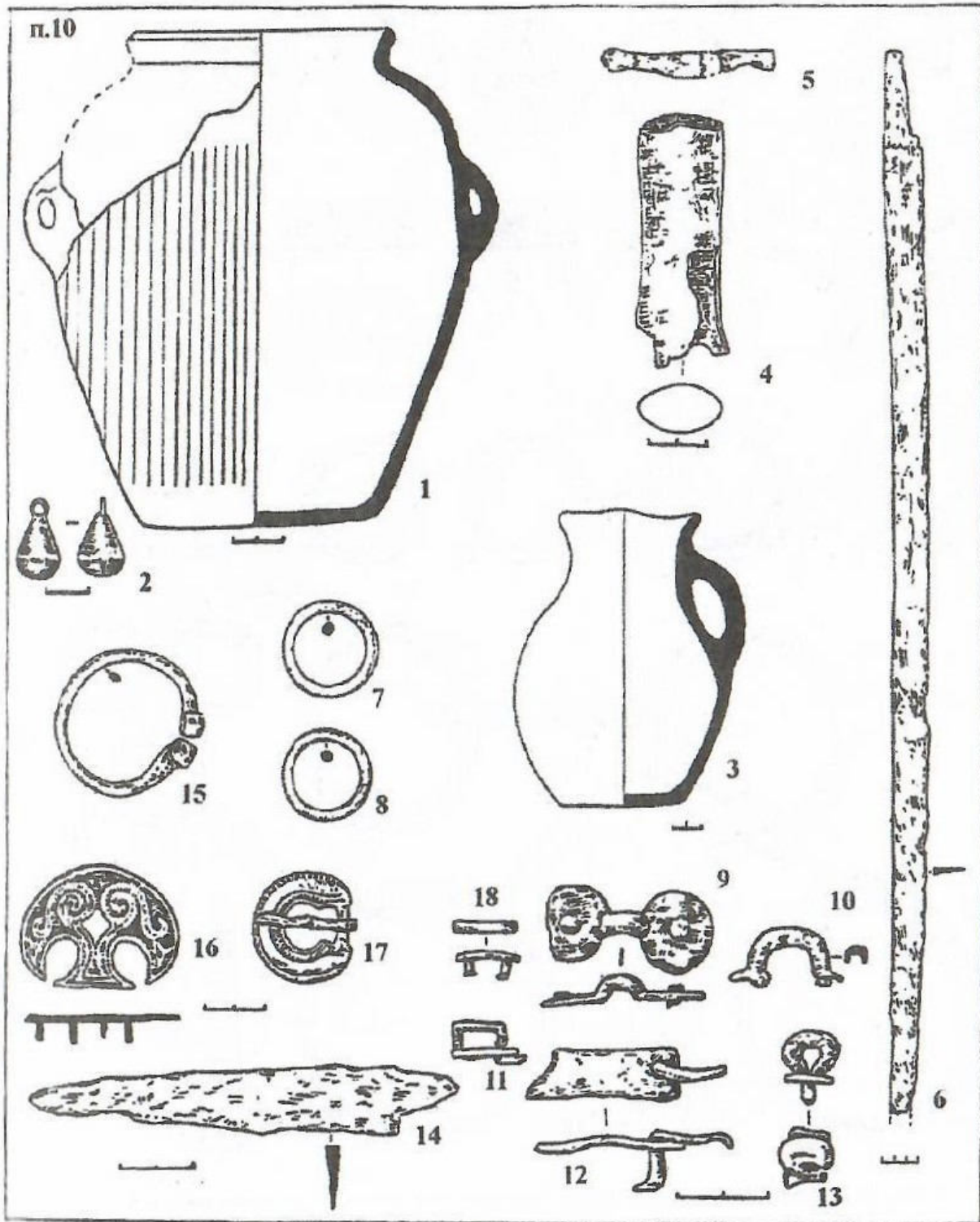

Рис.6 Инвентарь кремационного погребения 10
Ленинахабльского могильника (начало)

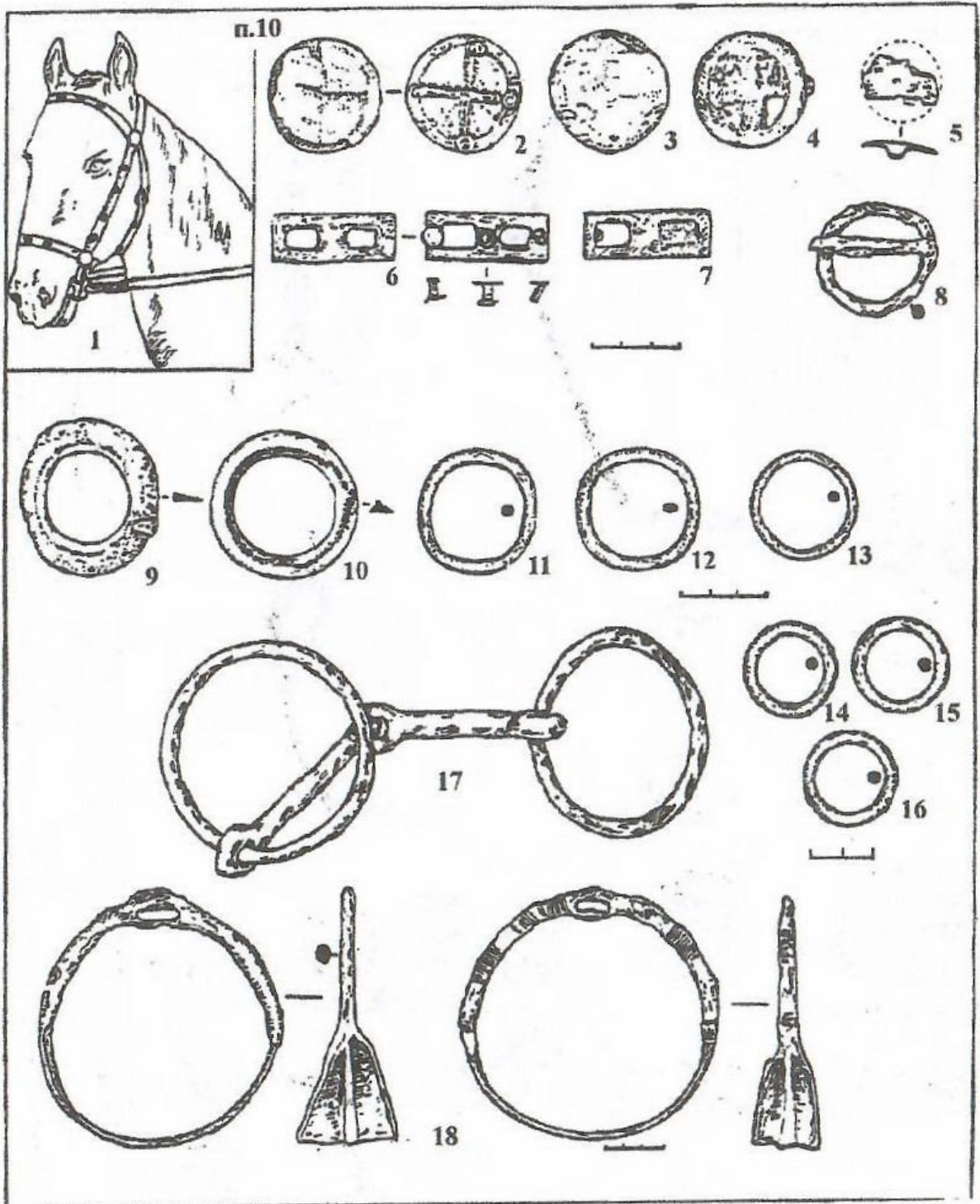

Рис.7 Инвентарь кремационного погребения 10
 Ленинахабльского могильника (окончание)

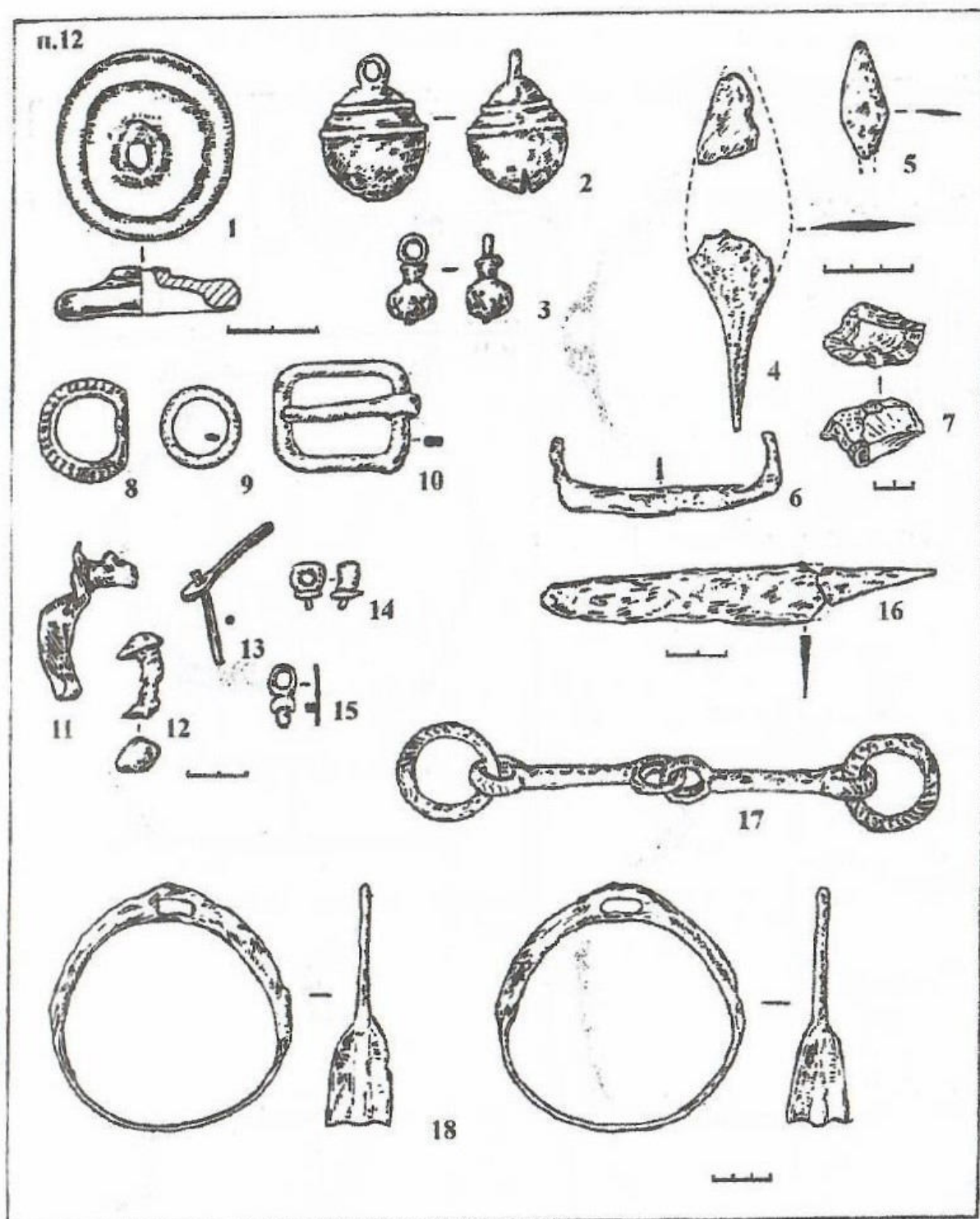

Рис.8 Инвентарь кремационного погребения 12
Ленинахабльского могильника

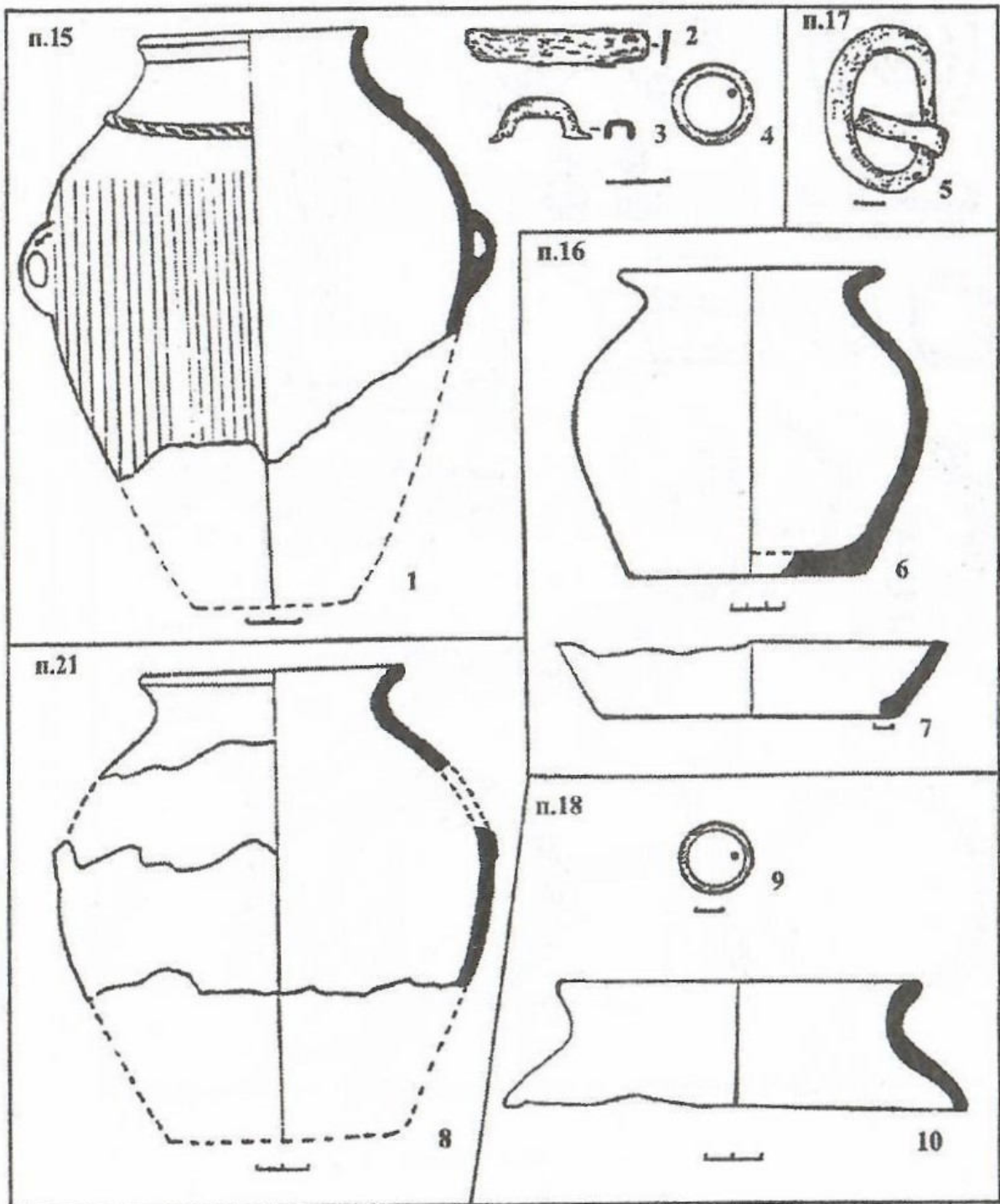

Рис.9 Инвентарь кремационных погребений
Ленинахабльского могильника
(пш. 15-18 ; 21)

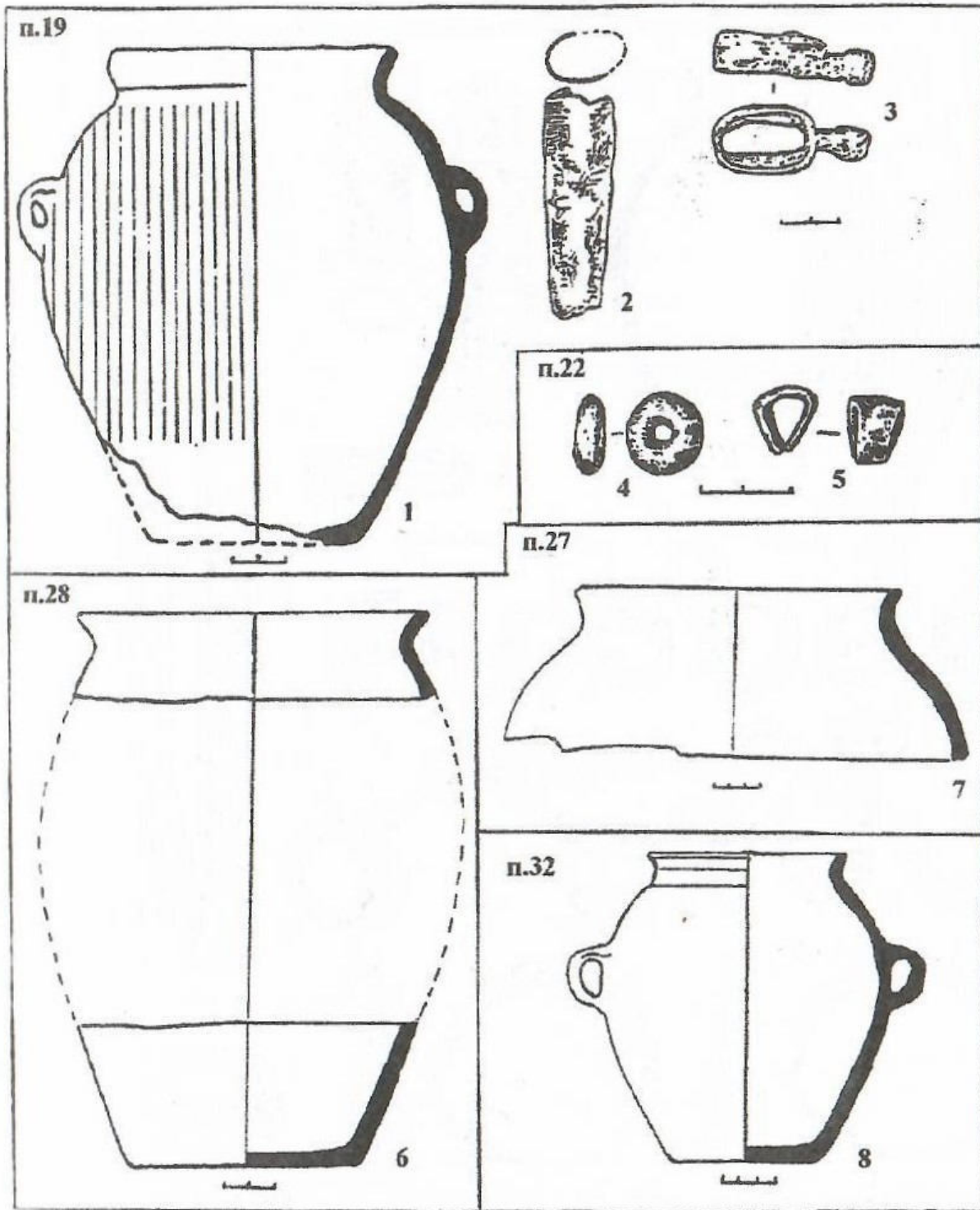

Рис.10 Инвентарь кремационных погребений
Ленинахабльского могильника
(пп. 19, 22, 27, 28, 32)

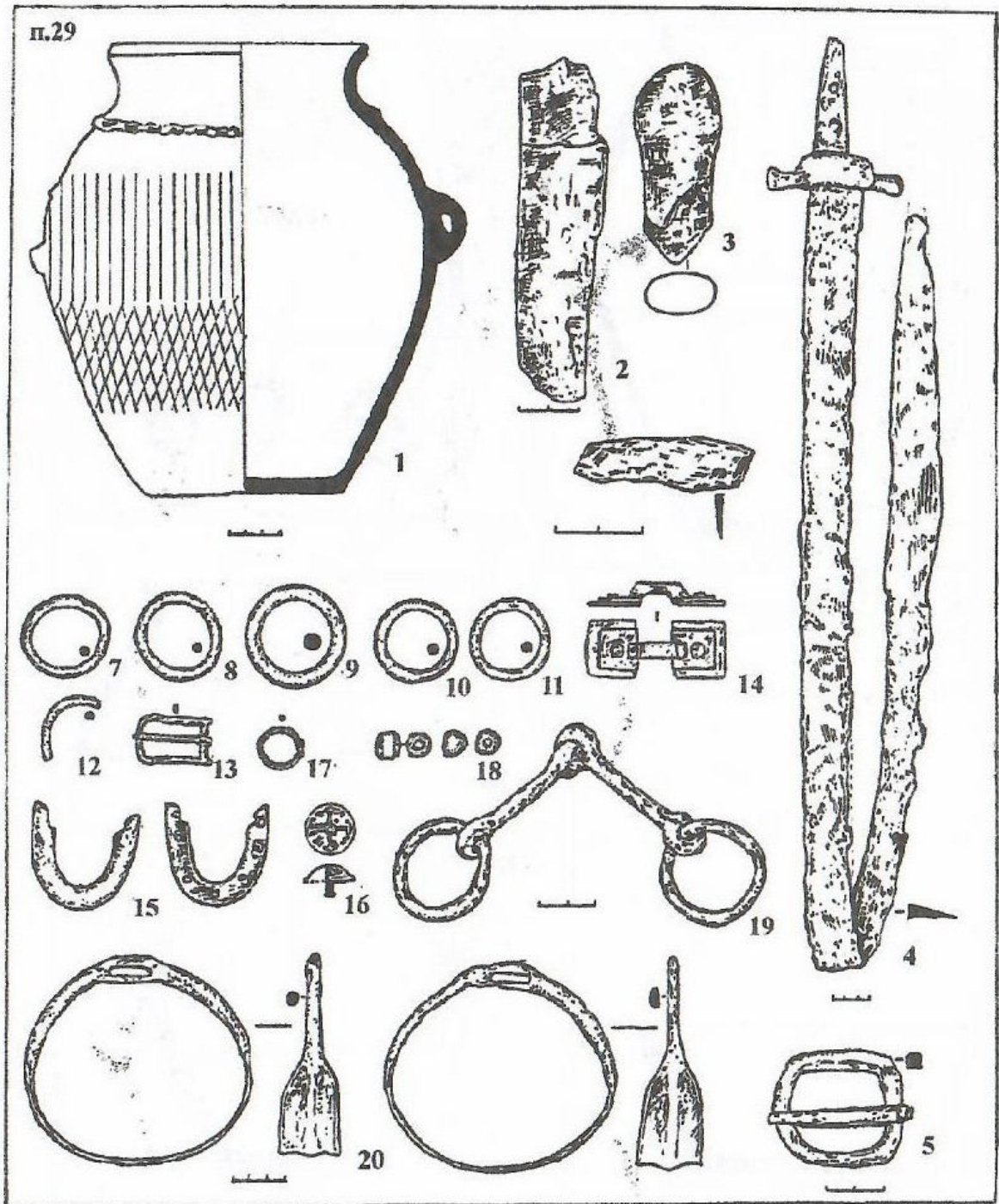

Рис.11 Инвентарь кремационного погребения 29
Ленпахабльского могильника

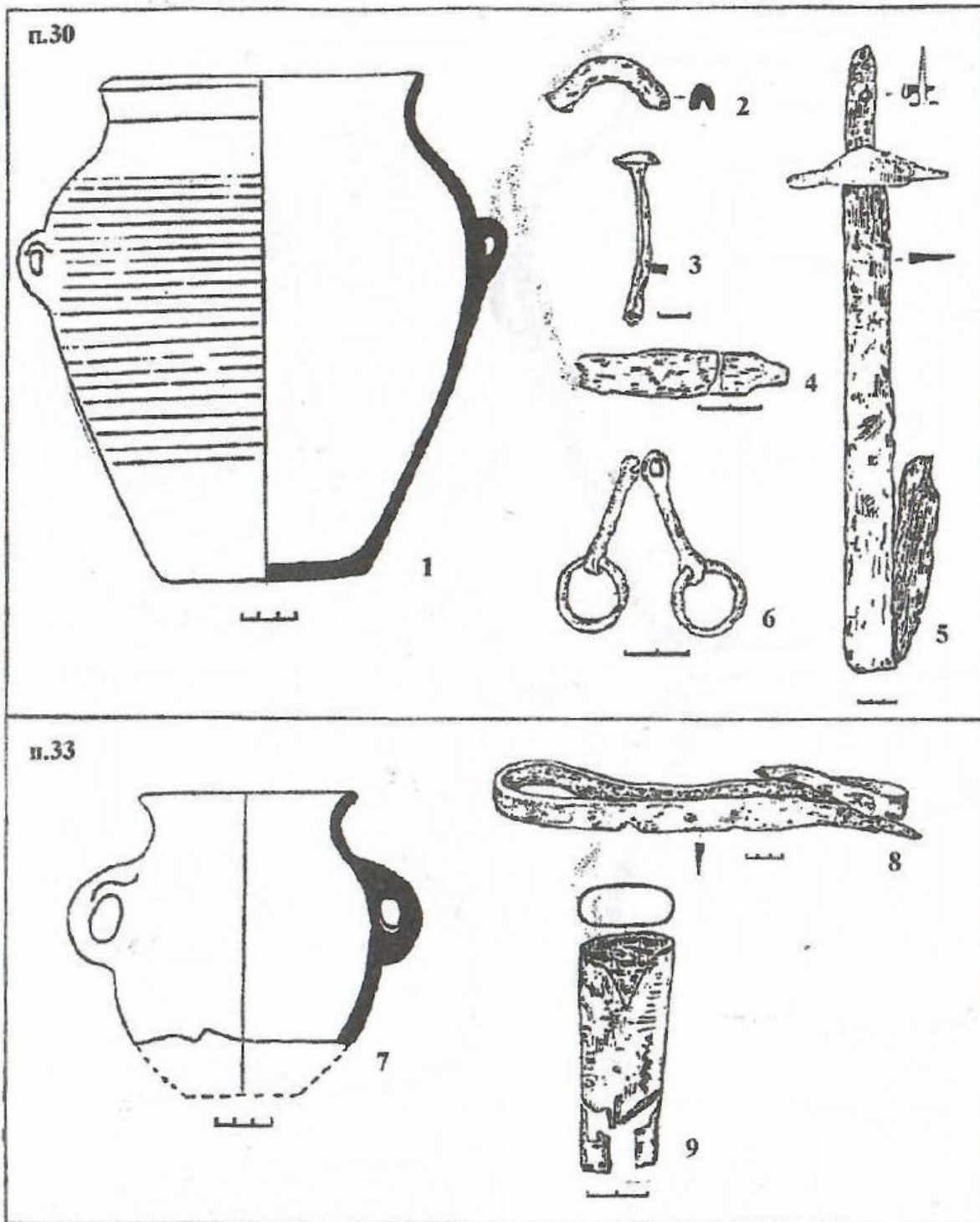

Рис.12 Инвентарь кремационных погребений
Леннахабльского могильника
(пп.30, 33)

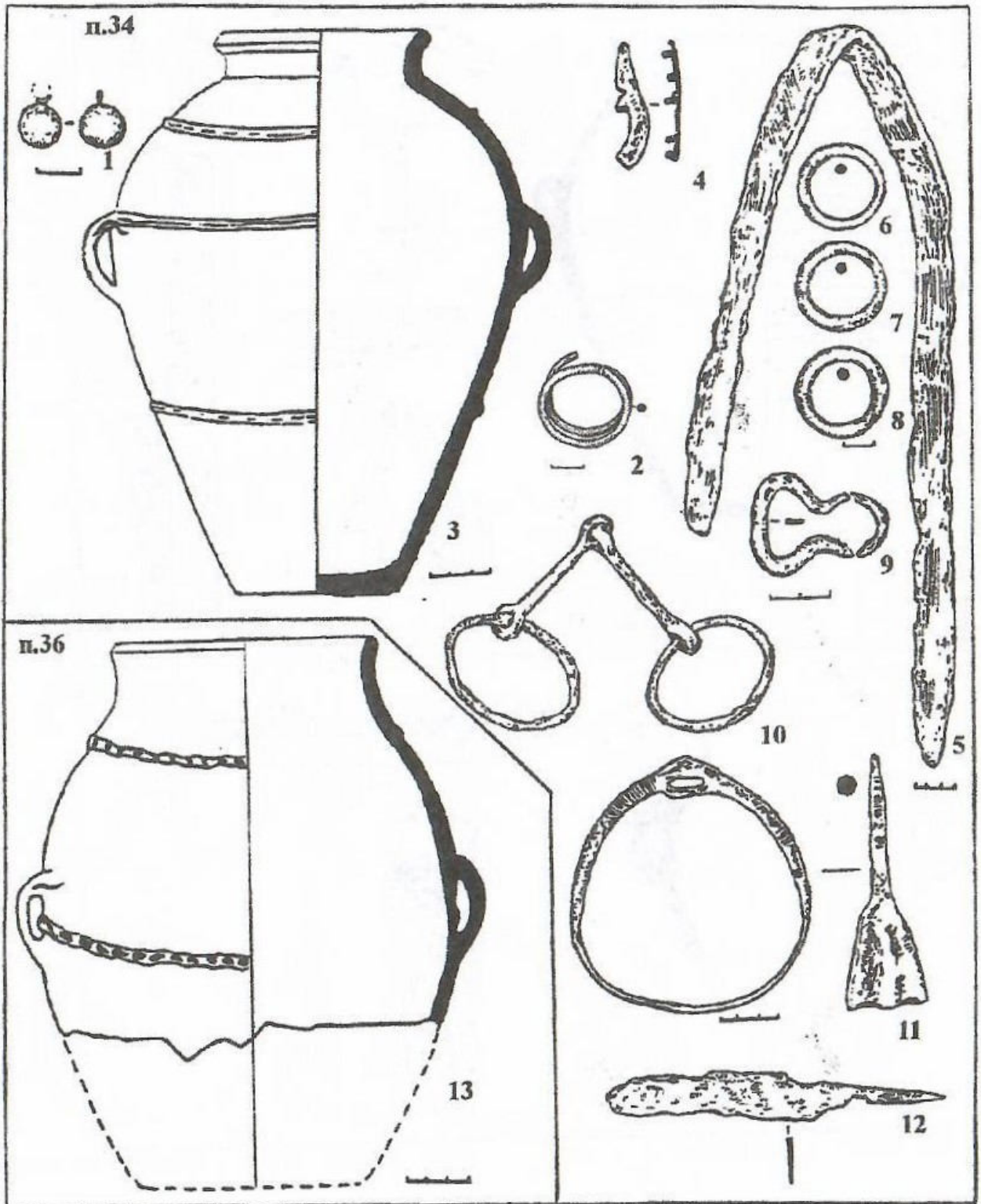

Рис.13 Инвентарь кремационных погребений
Ленинахабльского могильника
(пп. 34-36)

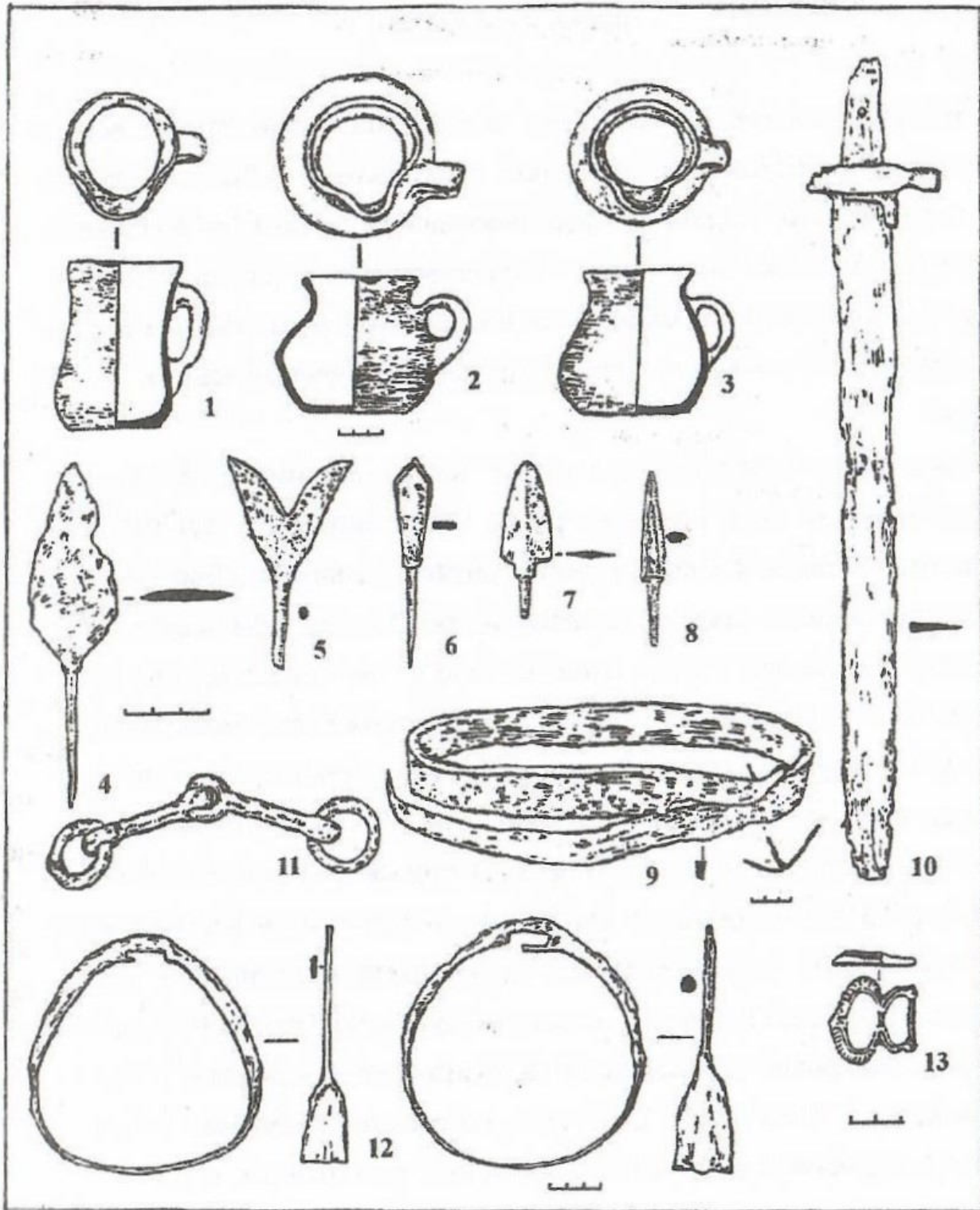

Рис.14 Случайные находки с площади
Лешнахабльского могильника

Волков И.В.

Частная коллекция "Турецких" курительных трубок из Москвы

Особой категорией керамических находок на позднесредневековых памятниках Причерноморья являются курительные табачные трубки. Вместе с тем, это, видимо, самая неизученная категория материала. Благодаря легкости перевозки, недолговечности службы каждого конкретного изделия и клеймам цехов и отдельных мастеров они вполне могут претендовать на роль "амфор позднего средневековья и нового времени".

Справедливо полагают, что трубки появились вместе с обычаем курения. Хотя по этой причине трубки часто датируют XVI-XVIII вв., необходимо признать, что само курение распространилось в Европе почти через столетие после открытия Нового Света. Первым курильщиком стал губернатор Вирджинии Ральф Лэйн. В 1586 г. он научил курить лорда Уолтера Рэйли и подарил ему трубку [1]. Ее форма была заимствована у индейцев - трубки доколумбовских времен хорошо известны по изображениям на рельефах [2]. Новый обычай распространился необыкновенно быстро. К 1602 г. относятся первые клейменные английские трубки, а в 1619 г. оформился цех мастеров-трубочников в Лондоне [3]. Между 1601 и 1603 гг. курение трубок широко распространилось в Египте, считается, что именно оттуда оно попало в Турцию [4]. Однако Р. Робинсон обнаружила источник, указывающий на знакомство с курением в Турции еще раньше, в 1599 г [5]. В Софии, втором по размерам городе в Османской империи, цех трубочников впервые упоминается в 1604 г. [6]. После пожара 1633 г. в Константинополе курение в стенах города было запрещено вплоть до 1650-х гг., но бороться с этим явлением было уже бесполезно [7].

Дольше других сопротивлялась новому обычаю Россия. Табак считался "чертовым ладаном", а курение - "дьявольским каждением" [8]. Первое

запрещение торговли, курения и хранения табака относится к царствованию Михаила Федоровича, 1634 г. Запрет был подтвержден Соборным уложением 1649 г., причем почти все незаконные действия, связанные с табаком, карались смертной казнью. Здесь же указывается и основной источник товара - "литовские люди" [9]. Только в 1697 г. Петр Алексеевич издал указ о свободной продаже табака "в Москве и городах" [10]. В Указе было отмечено существование тайной продажи в Великороссию табака из Черкасс (возможно, Области Войска Донского) [11]. Курение и культивирование табака распространилось с необыкновенной быстротой, и уже в начале 1704 г. английский посланник в России Чарльз Вайтворт на дороге в Смоленск видел 50-60 саней, груженных дешевым табаком низкого качества, выращенным в Черкассах. Современный ему английский источник неизвестной степени достоверности указывает, что ареалом выращивания табака были Азов и восточное побережье Черного моря [12].

Как видим, ожидать появления трубок можно только с последних лет XVI в., в Восточной Европе даже позже - с начала XVII в. Реальных находок, относящихся к этому времени, пока не найдено, и даже предметы конца XVII в. редки.

В советской историографии для датирования трубок наиболее часто используют широчайший интервал - XVI-XVIII вв. [13]. При этом, видимо, считают, что курение распространилось в Старом Свете вскоре после открытия Америки. Уже были изложены факты, не допускающие такой нижней даты: появление курения в Европе относится к самому концу XVI в., и с небольшим опозданием распространяется в Азии. Обычно не учитывается, что глиняные курительные трубки продолжали бытовать и в XX в. [14].

Кроме того, существует мнение, что в Азии глиняные трубки начали использоваться задолго до появления табака [15]. (В зарубежных работах это положение обычно просто постулируется: "по мнению некоторых исследователей").

Мне известны случаи, когда советские археологи публиковали "турецкие" трубки, датируя их VIII-XIII и XIV вв. [16]. В этих случаях ранние датировки связаны со стратиграфическими ошибками. Дж. Хейс привел аналогичные примеры ("турецкие" трубки часто путают с краснолаковой керамикой, есть случаи датирования их римским временем) [17]. В.Б. Виноградов убедительно показал, что трубки, находимые в погребальных комплексах Северного Кавказа, относятся ко времени не ранее XVIII в. [18].

И хотя, кажется, есть свидетельства производства глиняных курительных трубок с короткой втулкой в Юго-Восточной Азии в более раннее время (вплоть до XI в.) [19], нет ни одной находки, относящейся ранее, чем к XVII в., ни на западе Азии, ни на востоке Европы. Возможно, со временем удастся выявить трубки самого конца XVI в., но упомянутые находки из Азербайджана и Дагестана никак не могут быть удревнены до XIV в. и более раннего времени. В противном случае единичные их находки обязательно были бы известны на "чистых" однослойных городищах Поволжья. В византийских и раннеосманских комплексах в Константинополе они также не встречены [20].

С распространением курения появились два вида трубок: европейские (белоглиняные с длинным монолитным мундштуком) и "турецкие" (с короткой втулкой для деревянного мундштука). Последние были распространены в Османской империи и сопредельных странах, в том числе в России.

Остается не вполне понятным то, каким образом появились трубки с короткой втулкой для мундштука. Видимо, это стало одной из причин мнения о более раннем распространении курения в Азии. Мне кажется, в данном случае нет никаких оснований претендовать на существование преемственности в производстве между Европой и Турцией или Юго-Восточной Азией и Турцией. Технология производства трубок не могла иметь местных корней, так как она требует особого сырья и особых инструментов. Христианская Европа также не могла предоставить Турции

"готовых" мастеров, а научение в этой области происходит только путем непосредственного контакта мастера и ученика [21].

В результате турецким ремесленникам пришлось создавать собственную технологию, получив лишь самые общие представления о ней от европейцев. При этом могла быть и была заимствована техника штамповки в двусторонних формах. Центральные мастерские долго подражали европейским, используя белую глину; у наиболее ранних турецких трубок самые длинные мундштуки, что также можно расценивать как подражание европейцам [22].

Самым сложным процессом при производстве трубок в Европе было изготовление длинных монолитных мундштуков и подготовка глины для них. Эта операция требует специальных навыков. К примеру, на трубочной и ценной мануфактуре Афанасия Кирилловича Гребенщикова, первом русском заводе по производству трубок, для этой цели был нанят мастер-специалист - голландец по происхождению, - Арсент Кронфельт [23]. Хотя этот технический руководитель-иностранец умер в течение ближайшего года, его смог легко заменить ученик - Спиридон Иванов Политов. В Турции выход был найден очень просто: монолитный мундштук был заменен отдельной деревянной деталью. К тому же это давало неоспоримые преимущества в использовании. Следовательно, турецкие трубки можно считать собственным изобретением народов Османской империи или их ближайших соседей.

Эту категорию находок стали пристально изучать в последние два десятилетия. Наиболее полно изданы и исследованы коллекции трубок из Болгарии. Именно в Болгарии началось внимательное изучение клейм на трубках, в этой области были достигнуты значительные успехи; были выделены "фасоны" трубок, характерные для Софии и Варны, выявлены первые трубки с абсолютными датами на клеймах и т.д. [24].

Предварительная типология турецких трубок была сделана Дж. Хейсом [25]. Источником для его исследования явилась коллекция из раскопок

Сарач-хане в Константинополе. Этот автор выделил серию "фасонов" и определил их хронологические рамки, впрочем, весьма условно.

Две большие статьи были опубликованы Р. Робинсон [26]. В них были изданы коллекции трубок с Керамика, афинской Агоры и из Коринфа. Р. Робинсон сделала несколько наблюдений, пригодных для датирования. 1) Наиболее ранние трубки сделаны из серой глины, а на рубеже XVII-XVIII вв. их вытесняют красноглиняные. 2) У наиболее ранних трубок (по ее мнению конца XVII в.) угол между чашечкой и втулкой близок к прямому или даже больше. 3) Отверстие втулки в процессе эволюции увеличивалось от 0,7 до 1,7 см. Эти выводы можно признать верными лишь отчасти, т.к.:

1) Известны красноглиняные трубки с отверстиями втулок меньшими, чем у сероглиняных (N4-NN 7-9 каталога);

2) В Софии, где корпорация мастеров по изготовлению трубок оформилась еще в самом начале XVII в., а в 1604 г. уже была зафиксирована письменным источником, сероглиняных трубок, видимо, вообще не делали [27];

3) Трубки с датами конца XVII в. на клеймах изготовлены из красной глины и имеют достаточно выразительный острый угол между чашечкой и втулкой [28].

Публикации отдельных коллекций из Румынии, Абхазии, Грузии, Азербайджана, не дают, впрочем, целостной характеристики трубок. Издана серия трубок XVIII в. из Москвы, причем авторы публикации считали, что эти изделия производили на месте [29]. Бесспорных доказательств этого обнаружить не удалось и исследователи ограничились лишь упоминанием находок неиспользованных изделий.

Находок, позволяющих разрабатывать хронологию трубок, немного, подавляющее их большинство не входит в состав закрытых комплексов. Исключения единичны [30]. По этой причине, во-первых, приобретает особую ценность ввод в научный оборот даже единичных датированных комплексов; во-вторых, необходимо найти подход к систематизации

многочисленных беспаспортных коллекций. Исследования в этом направлении имеют значительные особенности.

Количество групп этого материала трудно определить даже предположительно. Мастера, изготавливавшие их, специализировались только на одном виде изделий. В данном случае трубки можно рассматривать и как категорию, и как вид. Однако категория "керамических предметов для курения" может быть расширена. В нее могут входить глиняные кальяны [31]. Технология слишком специфична, чтобы можно было найти общие технологические признаки у трубок и других видов изделий. Следовательно, в данном случае невозможно вести выделение и исследование групп по широкому ассортименту изделий. В результате, даже в том случае, если удастся анализировать керамический комплекс памятника, где производили какую-либо группу трубок, определить ее местное происхождение по признакам, аналогичным основной массе местной керамики, будет невозможно.

На этнографическом материале известно, что собственное производство трубок могло быть даже на сельских поселениях [32]. Следовательно, потенциальное число возможных населенных пунктов-производителей может исчисляться сотнями. Выделение массовых групп отчасти облегчено тем, что крупные мастерские (например, в Софии и Константинополе) производили огромное количество однотипных трубок, в т.ч. с клеймами [33]. Поэтому они встречаются на большинстве памятников и легко выделяются из остальной массы. Однако это явление имеет опасное свойство. Мастера-кустари предпочитали делать реплики с общеизвестных качественных изделий, а не продукцию оригинальных форм [34]. Следовательно, изделия, формально относящиеся к разным группам, могут не иметь морфологических различий.

Остается еще одна группа признаков, которые должны характеризовать каждую группу - это состав формовочной массы. Но и здесь мы сталкиваемся с серией особенностей. Глину для производства трубок могли перевозить на большие расстояния. Например, красную глину-ангоб

для мастерских Константинополя доставляли из окрестностей озера Ван [35]. Даже в Крыму для производства трубок использовали клейкую глину из труднодоступных месторождений в пещерах [36]. Поскольку для прессовки в форме требуется особая пластичность материала, глина для трубок проходила специальную обработку: просев, промывание, отстаивание и т.п. В результате получалась формовочная масса практически без примесей. По этой причине петрографическое исследование трубок в общем случае невозможно [37].

Из этого однако не следует, что состав формовочных масс не приемлем для классификации. Различие рецептов как раз очевидны. Можно говорить лишь о том, что самые распространенные методы анализа, связанные с определением номенклатуры и количества минеральных добавок (петрографический, просмотр в бинокулярный микроскоп и т.п.), не могут быть эффективными и всеобъемлющими. Скорее всего, будущее принадлежит другому методу - количественному спектральному анализу (пока не удалось выполнить серию таких анализов).

Из всего этого следует, что для выделения огромного количества групп трубок в первую очередь следует использовать морфологические признаки, во вторую - орнаменты из оттисков индивидуальных штампов. В будущем возможно использовать количественные характеристики состава формовочных мас.

Поскольку в серьезной классификации будет необходимо оперировать многими тысячами единиц, выполнение этой работы невысказимо без создания баз данных (а также издания объемных каталогов).

При создании баз данных необходимо учитывать определенное количество качественных и количественных признаков. Часть их связана с технологией прессовки трубок.

Каждая трубка имеет втулку и чашечку - обязательные элементы. Кроме того, могут быть дополнительные элементы: венчик, валик по краю втулки, киль, диск в основании чашечки. При издании каталогов наличие этих элементов также желательно указывать, особенно потому, что два

последних трудно передать мерными признаками. Создана предварительная классификация общих "фасонов" трубок [38]. При создании баз данных и издании каталогов указание на "фасон" также полезно: последующее описание должно исключать возможность отнесения рассматриваемого предмета к разным "фасонам", но емкость такого определения близка по значению к видовому определению. Морфологическое описание можно дополнить, исходя из особенностей их изготовления.

Трубки изготовлены способом штамповки в двусторонней форме [39]. Для этого во внутреннюю полость двусторонней формы клали порцию глины необходимого размера, а затем вбивали в форму клинья по направлениям втулки и чашечки. Эти клинья образовывали внутреннее пространство втулки и чашечки (рис. 1, А). После окончательного вхождения клиньев половины формы разъединяли и извлекали сформованное изделие, затем один из клиньев вытаскивали (чаще всего меньший) и покрывали трубку орнаментом - оттисками концевой штампа, зубчатого колеса, штампа-валика, реже - отдельные элементы орнамента были резными. В целом можно сказать, что та часть трубки, которая оставалась на клине, обычно бывает богаче орнаментирована.

В связи с этим появляются дополнительные морфологические признаки. Часть из них - мерные, приемлемые для формализации. К таковым относятся: пространство, занимаемое большим клином (диаметры оснований и высота); пространство, занимаемое малым клином (диаметр отверстия втулки и длина); угол между клиньями (рис. 1, Б). Форма дальнего окончания малого клина в большинстве случаев остается недоступной исследователю и из-за положения, и из-за того, что ее обычно повреждали при прокалывании отверстия между пространствами клиньев. Кроме того, внутреннее пространство трубки имеет качественные признаки: положение отверстия между втулкой и чашечкой (переходит в дно чашечки, в стенку или между ними). Определенный интерес представляет форма этого отверстия - круглая или подпрямоугольная.

Форма негативного контура окончания большого клина также может быть описана с помощью качественных признаков (обычно это очень незначительные отклонения от формы плоского основания усеченного конуса и сделать эти признаки количественными практически невозможно). оно может быть: 1) плоским; 2) выпуклым коническим; 3) выпуклым усеченно-коническим; 4) выпуклым сегментовидным; 5) выпуклым усеченно-сегментовидным; 6) выпуклым сегментовидным с выступом в центре; 7) выпуклым ассиметричным; 8) вогнутым (с небольшим углублением по периметру и практически плоской основной поверхностью). К этому списку (кроме № 6) возможны уточнения: а) со скругленными ребрами; б) с углублениями-трещинами на ребрах. За этими качественными признаками могут (если доступны измерения) следовать количественные: 1) высота изгиба (она входит в общую высоту, а в случае вогнутости выражается отрицательным числом); 2) диаметр основания усеченного конуса или сегмента.

Внешнюю поверхность чашечки трубки можно расценивать как обычный сосуд (количественные и качественные признаки для описания таких форм уже стали традиционными) [40]. Однако здесь есть своя специфика. В большинстве случаев это сосуд с округлым дном, симметрия которого нарушена килем. Степень закругленности дна трудно выразить в виде четких качественных или количественных признаков. Поэтому чашечку целесообразно разделять на четыре самостоятельных элемента: 1) база чашечки; 2) основание чашечки; 3) венчик; 4) край. База и венчик не обязательно присутствуют у каждой трубки - об их наличии можно говорить только в том случае, если имеется четкое изменение линии формы при переходе к основанию чашечки (в тех случаях, когда линия, соединяющая максимальный диаметр чашечки с краем прямая или не имеет перехвата и рельефных границ - у трубки нет венчика). при их отсутствии у трубки есть только основание и край. При их наличии общая высота чашечки состоит из суммы высот базы, основания, венчика; при отсутствии - общая высота чашечки равна высоте ее основания. Диаметр каждого из четырех

элементов измеряется самостоятельно, предпочтительно в вертикальной плоскости, перпендикулярной плоскости оси втулки.

Морфологическое описание втулки вызывает больше трудностей: ее длина очень неопределенна и только диаметры края и валика выделяются достаточно выразительно. С наибольшей неопределенностью мы сталкиваемся при описании кия: мерные признаки для его характеристики не выделены. Кроме того, киль и валик втулки имеют дополнительный дискретный признак - они могут быть не выделены или выделены рельефной границей. Этот признак в случае наличия выделения может иметь уточнения: 1) выделен углубленными линиями; 2) оттисками зубчатого штампа и т.д. (количество линий должно быть указано отдельно).

При характеристике обработки поверхности возможно учитывать следующие признаки: 1) наличие ангоба; 2) лощения; 3) поливы; 4) орнамента, штампованного калыбом; 5) орнамента, штампованного концевым штампом; 6) орнамента от штампа-валика; 7) резного орнамента. Естественно, отдельные элементы орнамента должны быть описаны отдельно.

Ниже дается пример описания небольшой частной коллекции керамических трубок в формализованном виде, приемлемом для введения их в машиночитаемую базу данных. Коллекция принадлежит В.И. Клещинову. Большинство предметов происходит с территории Каффы (тур. Кефе, совр. Феодосия). И только одна из них была найдена в Старом Крыму. По сообщению продавца этого предмета, находка сделана во время "грабительских" раскопок гончарного горна и поэтому не имеет никаких следов использования. Если бы источник сведений был более достоверен, то можно было бы говорить о существовании местного производства трубок этого фасона (8-10) в Эски-Крыме.

КАТАЛОГ

№1 (рис.2,1). Красноглиняная, с примесью слюды, красный ангоб, лощение. Тюльпановидная, киль выделен углубленной линией, без венчика и валика. Конец большого клина выпуклый сегментовидный со скругленными ребрами. Соединение верхнее прямоугольное.

Большой клин: $H - 3,1$; $D = 2,9$; $d - 1,57$. Малый клин: $D - 1,4$; $d - 0,7$; $l - 3$. Втулка: $D - 2,75$; $d - 1,9$. $D \sim 3,5$; $d - 2,6$; $d' - 2,8$; $H = 4,48$; $h \sim 1,5$. (Низ кия обломан). Клеймо: *مناش اوغلو* Манаш Оглу.

№2 (рис.2,2). Красноглиняная, с примесью слюды, красный ангоб, лощение. Тюльпановидная, киль выделен углубленной линией, без венчика и валика. Конец большого клина выпуклый сегментовидный с выступом в центре. Соединение верхнее подпрямоугольное.

Большой клин: $H - 3,2$; $D = 3,4$; $d - 1,27$. Малый клин: $D - 1,46-1,5$; $d = 0,5$; $l = 3,45$. Втулка: $D - 2,71-2,79$; $d - 1,9$. Чашечка: $D - 3,58$; $d - 2,62$; $d' - 2,75$; $h - 1,5$. (Низ кия обломан). Клеймо: *اورمان اوغلو* Урман Оглу.

№3 (рис.2,3). Красноглиняная, с примесью слюды, красный ангоб, лощение. Тюльпановидная с ребром, киль выделен углубленной линией, без валика. Конец большого клина выпуклый усеченно-конический со скругленными ребрами. Соединение верхнее прямоугольное.

Большой клин: H сохр. - $3,2$; $d - 1,1$. Малый клин: $D - 1,1$; $d \sim 0,7$; $l = 3$. Втулка: $D - 2$; $d - 1,5$. Чашечка: $D - 2,3$; $d - 2,15$; H сохр. - $2,3$; h киль-перехват - $1,4$. Клеймо: *اورمان اوغلو* Урман Оглу.

№4 (рис.2,4). Белоглиняная. Штампованный орнамент только по краю венчика, остальное - штамп формы. Подтюльпановидная с выделенным килем и валиком треугольного сечения, киль выделен вдавленными линиями; валик - маленьким валиком и углублением. Конец большого клина плоский, с незначительными углублениями-трещинами на ребрах. Соединение среднее круглое.

Большой клин: $H - 2,3$; $D = 1,9$; $d \sim 1,65$. Малый клин: $D - 0,85$; $d = \text{н.у.}$; $l = 2,4$. Втулка: $D - 1,8$; $d - 1,4$. Чашечка: D ч. - $2,34$; $H = 1,85$ (3,2). Венчик: $D - 2,32$; $d - 2,35$; $h - 1,35$.

№5 (рис.2,5). Белоглиняная, возможно, с ангобом. Невозможно установить, формой или отдельным штампом нанесен орнамент чашечки. Подтюльпановидная без кия, с невыделенным валиком сегментовидного сечения. Венчик выделен валиком. Конец большого клина выпуклый сегментовидный. Соединение нижнее круглое. След стыковочного шва хорошо виден со всех сторон.

Большой клин: H сохр. - 2,3; d - 1,57; d' - 1,72. Малый клин: D - 0,7; d - н.у.; l - 2,93. Втулка: D - 1,38; d' - 1,25. Валик: D - 1,95, W - 0,5-0,57; O - 0,2. Чашечка: D - 2,47; H - 2,2 (H общ.сохр. - 3,05). Венчик: D . осн. - 2,3 (по валику?).

№6 (рис.3,1). Розовоглиняная, лощение. Некоторая трехслойность обжига. Тюльпановидная, киль выделен линией оттиска зубчатого штампа: валик снаружи выделен оттисками концевго штампа. Штампа формы нет, остальные орнаменты от концевго штампа. Венчик обломан, выделен плавным валиком. Конец большого клина плоский, с незначительными углубленными складками на ребрах. Соединение средне круглое.

Большой клин: H . сохр. - 2,1; D . сохр. - 1,6; d - 1,3. Малый клин: D - 0,7; $d \sim 0,3$; l = 2,02. Втулка: D - 1,6; d - 1,2. Чашечка: D - 2,48; H - 2 (H общ.сохр. = 3,18). Венчик: d - 2,15; h венч.сохр. - 1,05. Толщина венчика (венчик-чашечка) - 0,4.

№7 (рис.3,2). Простой "гиреевский" фасон без кия и валика. Розовоглиняная. Конец большого клина плоский со скругленными ребрами. Соединение среднее круглое.

Большой клин: H сохр. - 1,45; d - 1,57; d по облому - 1,58. Малый клин: D - 0,78; d = н.у.; l = 2,95. Втулка: D - 1,8; d - 1,42. Чашечка: D - 2,8; H - 3,88 (H сохр. - 4,38); $h \sim 1,5$. Венчик: d осн. - 2,1; h сохр. - 0,5.

№8 (рис.3,3). Розовоглиняная. Ангоб и лощение не заметны. Подтюльпановидная "гиреевского" фасона без кия с невыразительным валиком. Венчик обломан. Конец большого клина плоский, со следом спилы от протыгания. Соединение среднее круглое, среднее, $d \sim 0,3$.

Большой клин: Н сохр. - 1,3; D по облому - 1,59; d - 1,53. Малый клин: D - 0,7; d = н.у.; l = 2,6. Втулка: D - 1,84; d - 1,54. Валик: D - 1,7-1,8; W - 0,6; O ~ 0,3. Чашечка: D - 2,6; Н сохр. = 1,8; h ~ 1,6. Венчик: d осн. - 2,13.

№9 (рис.3,4). Розовоглиняная, с грубым лощением. Без орнамента. Подтюльпановидная простого "гиреевского" фасона без килья и валика. Конец большого клина плоский, со скругленными ребрами. Соединение верхнее круглое, d~2,5. Асимметрия большого клина.

Большой клин: Н сохр. - 3,1; D сохр. = 1,5; d - 1,4. Малый клин: D - 0,8; d = н.у.; l = 2,7. Втулка: D - 1,95; d - 1,45. Чашечка: D - 2,9-3; h ~ 1,6.

№10 (рис.3,5). Розовоглиняная, с желтой поливой (м.б., все это лак). Подтюльпановидная, киль выделен рельефом; валика - углубленной линией. Орнаментация штампом-валиком. Конец большого клина выпуклый сегментовидный со скругленными ребрами. Соединение верхнее круглое, d~0,25.

Большой клин: Н - 3,3; d - 1,2. Малый клин: D - 0,75; d - н.у., м.б., 0,4; l - 2,2. Втулка: D - 1,5; d - 1,3. Чашечка: D - 2,75; h ~ 1,7 (Н общ. 3,95); h' - 1,0. Венчик: D - 2,7; d - 2,15; h - 2,15. Киль: ширина по срезу - 0,85; h - 0,15.

№11 (рис.4,1). Розовоглиняная. Фасон 8-10 ("тахта-чубук" Константинополя). Киль выделен оттисками зубчатого штампа, валик - оттиском широкого зубчатого штампа. Остальные орнаменты нанесены концевым штампом. Ангоб не фиксируется. Конец большого клина выпуклый сегментовидный со скругленными ребрами. Соединение верхнее прямоугольное, ~ 0,9x0,4.

Большой клин: Н сохр. - 2,4; D сохр. = 2,3; d - 1,9. Малый клин: D - 1,55; d ~ 0,8; l = 3,3. Втулка: D - 2,84-3,1; d - 2,3-2,73. Чашечка: D - 4,1; h - 1,9 (Н общ. сохр. - ок. 3,2). Венчик: d осн. - 3,35-3,45; h сохр. - 1,1 (почти вся).

На чашечке с левой стороны оттиск штампа-листа, который иногда расценивают как клеймо.

№12 (рис.4,2). Желто-коричневая глина, красно-оранжевый ангоб, нанесенный кистью не по всей поверхности. Фасон 8-10 ("тахта-чубук" Константинополя). Киль выделен двумя полосами оттиска зубчатого

штампа, валик - оттисками широкого зубчатого штампа. Остальные орнаменты нанесены концевым штампом. Конец большого клина выпуклый конический (h - ок. 0,3). Соединение среднее прямоугольное с козырьком, в чашечке - $1,7 \times 1,5$; во втулке - $0,9 \times 0,4$.

Большой клин: H - 2,1; $D = 2,4$; d - 2. Малый клин: D - 1,4; d - нет; l = 2,6. Втулка: D - 2,7-2,8; d - 2,28-2,22. Валик: - D - 2,65-2,75; W - 0,3; O - 0,6. Чашечка: D - 3,5-3,75; h - 2,0 (H общ. - 3,5); h' - 1,1. Венчик: D - 3-3,2; h - 1,5.

Совершенно целая, происходит из Старого Крыма.

№13 (рис.4,3). Розовая глина с примесью слюды, красный ангоб, лощение. На поверхности видны зерна магнезито-хромита. Подтюльпановидная с невыделенным килем. Венчик выделен маленьким валиком. Сохранился небольшой обломок чашечки с килем. Конец большого кия плоский со скругленными ребрами. Соединение среднее круглое, $d \sim 0,25$.

Большой клин: H сохр. - 1,3; D сохр. - 1,65; d - 1,6. Чашечка: D - 3,25; h - 2. Венчик: d - 2,5.

В заключении следует сделать некоторые комментарии о распространении рассматриваемых фасонов трубок.

№№ 1,2 хорошо известны по публикациям материалов из Болгарии [41], Греции [42], Константинополя [43]. Именно этот фасон был самым многочисленным в Варне, что позволило М. Станчевой утверждать, что они изготовлены на месте [44]. Там на них наиболее часто встречаются клейма-розетки. Такие трубки найдены в комплексе, датированном не ранее второй половины XVIII в., а также в погребении 1828 г. Р. Робинсон отнесла находки из Греции к концу XIX в. [45]. Правильные турецкие клейма на издаваемых находках из Феодосии наталкивают на вывод, что трубки сделаны во второй половине XVIII в. и происходят не из Варны. Трубка № 3 по технологическим признакам может быть включена в эту же группу. Несмотря на различия в написании ее клейма с клеймом на трубке № 2, их

можно расценивать как одно и то же имя. Использование одним мастером нескольких форм-калыбов (до 5-8 шт.) вполне допустимо [46].

№№ 7-9 можно условно выделить в "северопричерноморскую" группу [47]. Они сделаны из розовой глины (в целом напоминающей формовочные массы керамики крымской группы, но без каких-либо видимых примесей). Можно говорить о двух разновидностях трубок этой группы.

Первая (№ 8) - близкой к тюльпановидной формы, без кия, с цилиндрической втулкой, валик со смещенным к краю максимальным диаметром, выделен желобками (рис. 3,8). На трубках этой разновидности наиболее распространены орнаменты, выполненные штампом-валиком: параллелограммы, "городки", "пунктир".

Вторая (№№ 7,9) также близкой к тюльпановидной формы, без кия, с усеченно-конической втулкой без валика (рис. 3,7,9). На изделиях этой разновидности встречается только орнамент, оттиснутый зубчатым колесом ("пунктир").

Аналогичные трубки хранятся в коллекциях всех приазовских и крымских музеев. Они найдены в слоях XVII в. во время раскопок 1991 г в Феодосии [48]. Эта разновидность господствует в позднесредневековых слоях Патрея, где находки XVIII в. почти полностью отсутствуют [49]. В крепости Лютик, где накопление культурных слоев укладывается в рамки 1667-1742 гг., их количество, напротив, невелико [50]. В Азове, в комплексе находок из слоя под валом русской крепости (до 1696 г.) были найдены фрагменты розовоглиняной трубки, которая относится к первой разновидности этой группы [51]. В слоях XVIII-XIX вв. в Анапе не было найдено ни одного экземпляра [52]. В публикациях также не было встречено ни одного изделия таких разновидностей. Это позволяет говорить о том, что трубки "северопричерноморской" группы бытовали на ограниченной территории преимущественно во второй половине XVII в.

Трубки №№ 11, 12 относятся к одному из самых распространенных в Причерноморье фасонов. Видимо, именно они при дальнейших

исследованиях наиболее просто будут выстраиваться в эволюционные ряды.

В настоящее время можно говорить о трех основных разновидностях формы: 1) с круглым венчиком и круглой втулкой; 2) с круглым венчиком и 8-гранной втулкой; 3) с 10-гранным венчиком и 8-гранной втулкой. Скорее всего, эти разновидности отражают направление эволюционного развития.

Их находки известны в Болгарии [53], Румынии [54], Греции [55], Турции [56], на всех причерноморских памятниках, где есть слои второй половины XVIII - начала XIX вв. [57], в Москве [58] и т.д. Суммарное время их бытования - XVIII - начало XIX вв.

Судя по разнообразию формовочных масс, производство трубок этого фасона было налажено во многих местах. В исходном месте, "законодатель мод", на них часто ставили "цеховое" клеймо сегментовидной формы со скругленными углами и надписью "نیشان" (чтение предположительное). М. Станчева и А. Велков предложили его переводить как "белег" (клеймо) [59]. Иногда это клеймо оттискивали несколько раз или дополняли его оттисками одного-двух других клейм [60]. Кроме того, на них (как и на № 11) встречаются отпечатки листовидного штампа [61], который тоже можно расценивать как клеймо (на всех известных мне экземплярах этот оттиск поставлен только один раз). Возможно, здесь мы имеем дело с другим цеховым клеймом, а, следовательно, стоит задача идентификации еще одного центра производства.

Часть московских находок этого фасона привезена из османских земель и имеет выразительные турецкие клейма [62]. Однако в Москве должно было существовать местное производство реплик с турецких образцов. Клейма на некоторых из них представляют собой грубые подражания арабской графике [63].

При проведении охранных раскопок в Москве, рядом с Казанским собором, в 1992 г. было обнаружено компактное скопление таких трубок. На некоторых из них стояли клейма с русскими и латинскими буквами, а на

одном сохранилось читаемое турецкое клеймо, перешедшее с оригинала на форму-штамп.

Все они сделаны из одного материала, в одном режиме обжига и имеют одну технологическую особенность - мелкие трещинки на внешней поверхности, образовавшиеся от недостаточной пластичности глины.

Самые распространенные, "образцовые" трубки этого фасона с клеймами "нишан" должны происходить из какого-то очень крупного центра производства. Во второй половине XVIII в. он являлся одним из двух господствующих в Причерноморье (второй фасон небольшого размера почти без орнамента, с часто встречающимся клеймом в виде птички). К этому же времени относится "Трактат о торговле на Черном море" Карла Лейсонеля, где говорится о только двух сортах трубок: 1) "тахта-чубук" из Константинополя и 2) изделия из Гермечека и Гайгема [64]. Скорее всего, рассматриваемый фасон штамповали именно в Константинополе. Естественно, подражания им делали во многих местах. Публикуемая трубка (№ 12) могла быть сделана в Старом Крыму. Трубка № 11 (с клеймом-листочком), скорее всего, также была сделана в каком-то другом месте, может быть, Софии.

1. Robinson, R.A.M. Tobacco Pipes of Corinth and of Athenian Agora. // *Hesperia*, Vol. 54 - N 2, 1985, p. 150.
2. Spinden H.J. Tobacco is american. The story of tobacco before the coming of the White Man. N.-Y., 1950, p. 13-22, pls. 15-17.
3. Robinson, R.A.M. Op.cit., p. 151.
4. Ibid., p. 151. В отечественной историографии распространено мнение о несколько более позднем появлении курения в Турции, с 1609 г. См.: Баранов И.А. Главные ворота средневековой Солдаи. // *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев, 1988, с. 92; Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы. Очерки о Турции и турках. М., 1980, с. 93.

5. Robinson, R.A.M. *Op.cit.*, p. 151.
6. Станчева М. Колекцията от лули във Варненския музей. // Изв. НМВ, кн. VIII (XXIII). Варна, 1972, с. 82.
7. Heyes J. Turkish Clay Pipes: A Provisional Typology. // *The Archaeology of the Clay Tobacco Pipe*, IV. London, 1980, p. 4. (=BAR, 18, Vol. 92).
8. Российское законодательство X-XX вв. - Акты Земских соборов. /Ред. А.Г. Маньков/. М., 1985, т.3, с. 441, коммент.
9. Там же, с. 254 (статья 11).
10. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. - т.3 (1689-1699). СПб., 1830, с. 303, № 1581. [Указ] Именной, данный Розряду. - О вольной продаже в Москве и других городах табаку и о назначении для сбора пошлины с сей торговли таможенного Головы и целовальников. (Указ от 16 апреля 1697 г.). Ср.: Указ № 1590 от 23 июня 1697 г. "О перевозе табаку в улусы".
11. Price, J. *The Tobacco Adventure to Russia. Enterprise, Politics, and Diplomacy in the Quest for a Northern Market for English Colonial Goods, 1676-1722.* Philadelphia, 1961, p. 52. (В этой работе приведены некоторые сведения, касающиеся источников поступления табака в Россию).
12. Price, J. *Op.cit.*, p. 52.
13. Арчвадзе Т.Д. Позднесредневековые керамические изделия Восточной Грузии. // *Археологические памятники феодальной Грузии.* Тбилиси, 1978, т. 3, с. 111-133; Талис Д.Л. Городище Тепе-Кермен. // *КСИА*, вып. 148. М., 1976, с. 100 (XVI-XVII вв.); Беляева С.А., Ляшко С.Н. Об одной категории керамических изделий. // *350-летие Азовского осадного сидения. Тез. докл. конференции.* Азов, 1991, с. 6-7; Крупнов Е.И. *Средневековая Ингушетия.* М., 1972, с. 97, рис. 39; Семенов Л.П. *Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг.* Грозный, 1963, с. 27 и сл.; Семенов Л.П. *Склеп с фресками в ингушском сел. Эгикал* // Изв.

- ЧИННИИ, т. 2, вып. 1. Грозный, 1960, с. 49; Тменов В.Х. "Город мертвых". Орджоникизде, 1973, с. 47.
14. Мустафьев А.Н. Этнографические наблюдения об одном из неизученных ремесел в Азербайджане. // ДАН Азерб. ССР, т. XXXIII, № 2. Баку, 1977, с. 74-77; Watson P.J. Archaeological Ethnography in Western Iran. Tucson, Arizona, 1979, p. 203. (= Viking Fund publications in anthropology, N 57).
 15. Robinson, R.A.M. Op.cit., p. 156-157.
 16. Кудрявцев А.А. Раскопки богатого здания VIII-XIII вв. в жилом квартале средневекового Дербента. // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. МАД, т. 7. Махачкала, 1977, с. 74-103; Исмизаде О.Ш., Ибрагимов Ф.А. Художественная штампованная керамика средневекового Баку. Баку, 1983, с. 108; Исмизаде О.Ш. Крепостное сооружение в Бакинской бухте. // СА, № 1, М., 1966, с. 281, 282, рис. 1,3.
 17. Heyes, J. Turkish Clay Pipes..., p. 3.
 18. Виноградов В.Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа. // Изв. СКНЦ ВШ, Общественные науки, № 1 (17). Ростов на Дону, 1977, с. 66-67. Его выводы были признаны рядом исследователей. Напр.: Даутова Р.А. Склеп с поминальной камерой у сел. Эзри. // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Чечено-Ингушский НИИ истории, экономики, социологии и филологии. Грозный, 1989, с. 100.
 19. Green, J. Southeast Asian ceramic smoking pipes. // IJNA, vol.15, N 2. N.-Y., 1986, p. 167-169.
 20. Heyes, J. Turkish Clay Pipes..., p. 3.
 21. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978, с. 242.
 22. Heyes, J. Op.cit., p. 3.

23. Салтыков А.Б. Первый русский керамический завод. // Избранные труды. М., 1962, с. 307; Салтыков А.Б. Самое близкое искусство. М., 1968, с. 177, 180; Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953, с. 332-334.
24. Станчева М. Колекцията от лули във Варненския музей..., с. 81-99;; Станчева М. О производни керамичких лула у Булгарској. // Музеј применене уметности. Београд. Зборник. Београд, 1975/1976, с. 129-138; Станчева М., Медарова С. Производство на глиняни лули у нас // Музеи и паметници на културата. София, 1968, № 4, с. 4-13; Станчева М., Николова Т. Нови проучвания върху глинените лули от Сердика // Сердика, III, с. 133-142; Илчава В. Глинени лули от Велико Търново. // Годишник на музеите от Северна България. Кн. 1. Варна, 1975, с. 179-199; Хараламбиева А. Лули за чубуци от градския музей в Провадия. // Изв. НМВ, т. 22 (37), Варна, 1986, с. 141-147
25. Heyes, J. Op.cit., p. 3-10.
26. Robinson R. Clay Tobacco Pipes from the Kerameikos. // *Mittlungen des Deutschen Archaischen Instituts Athenische Abteilung*. Bd. 98. Berlin, 1983, S. 265-285; Robinson, R.A.M. Tobacco Pipes of Corinth..., p. 149-203.
27. Станчева М., Николова Т. Указ. соч., с. 140; Станчева М., Медарова С. Указ. соч., с. 9.
28. Станчева М., Николова Т. Указ. соч., с. 134.
29. Рабинович М.Г. Гончарная слобода в Москве XVI-XVIII вв. (по археологическим материалам). // МИА, № 7. М., 1947, с. 72-73; Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII-XVIII вв. // САИ, Е1-39. М., 1968, с. 56-57.
30. Raban, Avner. The Shipwreck off Sharm-el-Sheich. // *Archaeology*, Vol. 24, N 2. N.-Y., etc, 1971, p. 151-152, 155. Общий обзор находок см.: Robinson, R.A.M. Tobacco Pipes of Corinth..., p. 150-161.
31. Арчвадзе, Т.Д. Указ. соч., с. 133; Raban, A. Op.cit, p. 151.

32. Мустафьев А.Н. Указ. соч., с. 74,76; Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1967, с. 163.
33. Станчева М., Николова Т. Указ. соч., с. 133-142.
34. Мустафьев А.Н. Указ.соч., с. 75.
35. Robinson R. Clay. Op cit., p. 153.
36. Щепинский А.А. Красные пещеры. Симферополь, 1897, с. 103.
37. В отдельных случаях допустимо присутствие в формовочных массах включений-минералов, что делает допустимым использование петрографического анализа, однако количество таких находок слишком мало для проведения широких исследований. Ср.: Davidson L.S., Davey P.J. Thin section analysis of cays used in five British clay pipe production centers. // The Archaeology of the Tobacco Pipe, Vol. VII. More Pipes and Kilns from England (=BAR BS, 1982, Vol. 100), p. 311-344.
38. Heyes, J. Turkish Clay Pipes..., p. 3-10.
39. А.Н. Мустафьев сделал краткое этнографическое описание этого производства на основании наблюдений в Азербайджане, где оно сохранилось вплоть до 60-х гг. текущего столетия: Мустафьев А.Н. Указ. соч., с. 74.
40. Щапова Ю.Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. Учебное пособие. М., 1989, с. 32-49.
41. Станчева М. О производньи керамичких лула..., с. 89-90, рис. 14; Илчева В. Указ. соч., с. 182-3, табл. I,11 (тип 4); Хараламбиева А. Указ. соч., с. 146, табл. V,33.
42. Robinson R. Clay Tobacco Pipes from the Kerameikos..., p. 281-282, Taf. 55 (NN 46-51); Robinson, R.A.M. Tobacco Pipes of Corinth..., p. 190-191, 200, pls. 58-59, 64 (A-37-38, C-119-121).
43. Heyes, J. Op.cit., p. 5, 7.
44. Станчева М. О производньи керамичких лула..., с. 89-90.

45. Robinson R. Clay Tobacco Pipes from the Kerameikos..., p. 281-282.
46. Oswald A. On the life of clay pipe moulds. // *The Archaeology of the Clay Tobacco Pipe*, Vol. IX (= BAR BS, Vol 146, Pt. 1), p. 5-22.
47. Волков И.В. Керамика Азова XIV-XVIII вв. (Классификация и датировка). // Автореф. канд.дисс. М., 1992, с. 19, 22, табл. 3, 11-12.
48. С коллекциями из своих раскопок меня ознакомил А.В. Сазанов.
49. Была просмотрена коллекция из сборов и раскопок на городище, любезно предоставленная Б.Г. Петерсом.
50. Коллекция из раскопок 1971-1972 гг. хранится в музее-заповеднике "Танаис". О крепости подробнее: Чеснок В.Ф. Крепость Лютик (XVII-XVIII вв.). // *Изв.РОМК*, вып. 5. Ростов-на-Дону, 1988, с. 66-73.
51. О раскопках этого объекта см.: Волков И.В. Раскопки в городе Азове в 1987 г. // *Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 году. Тезисы докладов к областному семинару*. Азов, 1988, с. 9-11; Волков И.В. Отчет о раскопках в городе Азове в 1987 г. Азов, 1992.
52. В фондах Анапского музея хранится не менее 200 трубок, с которыми меня ознакомил А.М. Новичихин. Наиболее крупная коллекция: АМ № 6853.
53. Станчева М. Колекцията от лули във Варненския музей..., с. 83-87, рис. 7-9 (группа 1); Станчева М. О производни мичких лула у Булгарској..., с. 136, рис. 22; Илчева В. Указ.соч., с. 183, табл. II, 15, 16, №№ 18,22,31,130. Хараламбиева А. Указ.соч., с. 145, табл. III (тип 4, ранние образцы).
54. Andronic A., Neamtu E. Cercetari arheologice pe teritiul jrasului Jasi in anii 1956-1960. // *Archeologia Moldovei*. Vol. II/III. Bucuresti, 1964, p. 425, 428, fig. 141; Ionascu I., Zirra V. Manastirea Radu Voda sibiserica Bucuresti. // *Bucuresti de odinioara in lumina sapaturilor arheologice*. Bucuresti, 1959, p. 76, pl. LXVIII, 1-3; Cantea Gh. Cercetari arheologice pe dealul Mihai Voda si impregurimi. // *Bucuresti de odinioara in lumina sapaturilor arheologice*. Bucuresti, 1959, p. 127, 143, pl. CII.

55. Robinson, R.A.M. Tobacco Pipes of Corinth..., p. 165, 186-187, 197, pls. 56, 62 (A-19-21, C-93-99).
56. Heyes, J. Turkish Clay Pipes..., p. 7, тип X.
57. См. прим. 56. В краеведческом музее Белгорода-Днестровского была просмотрена коллекция из случайных находок с территории Аккермана. Рабинович М.Г. Московская керамика. // МИА, № 12. М., 1949, с. 71, рис. 6, с. 78; Розенфельдт Р.Л. Указ.соч., с. 56-57, табл. 19.
58. Станчева М., Николова Т. Указ.соч., с. 134.
59. Там же, с. 137, рис. 6; Станчева М. Колекцията от лули във Варненския музей..., с. 85.
60. Станчева М. Указ.соч., с. 85-86.
61. Пользуюсь случаем выразить благодарность В.Ю. Ковалю, ознакомившему меня с последними находками из раскопок в Москве: Р-1 МШ-90/яма 1, № 81 и др.
62. Розенфельдт Р.Л. Указ.соч., табл. 19.
63. Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост., ред., вступ. В.К. Гарданова/. Нальчик, 1974, с. 184.

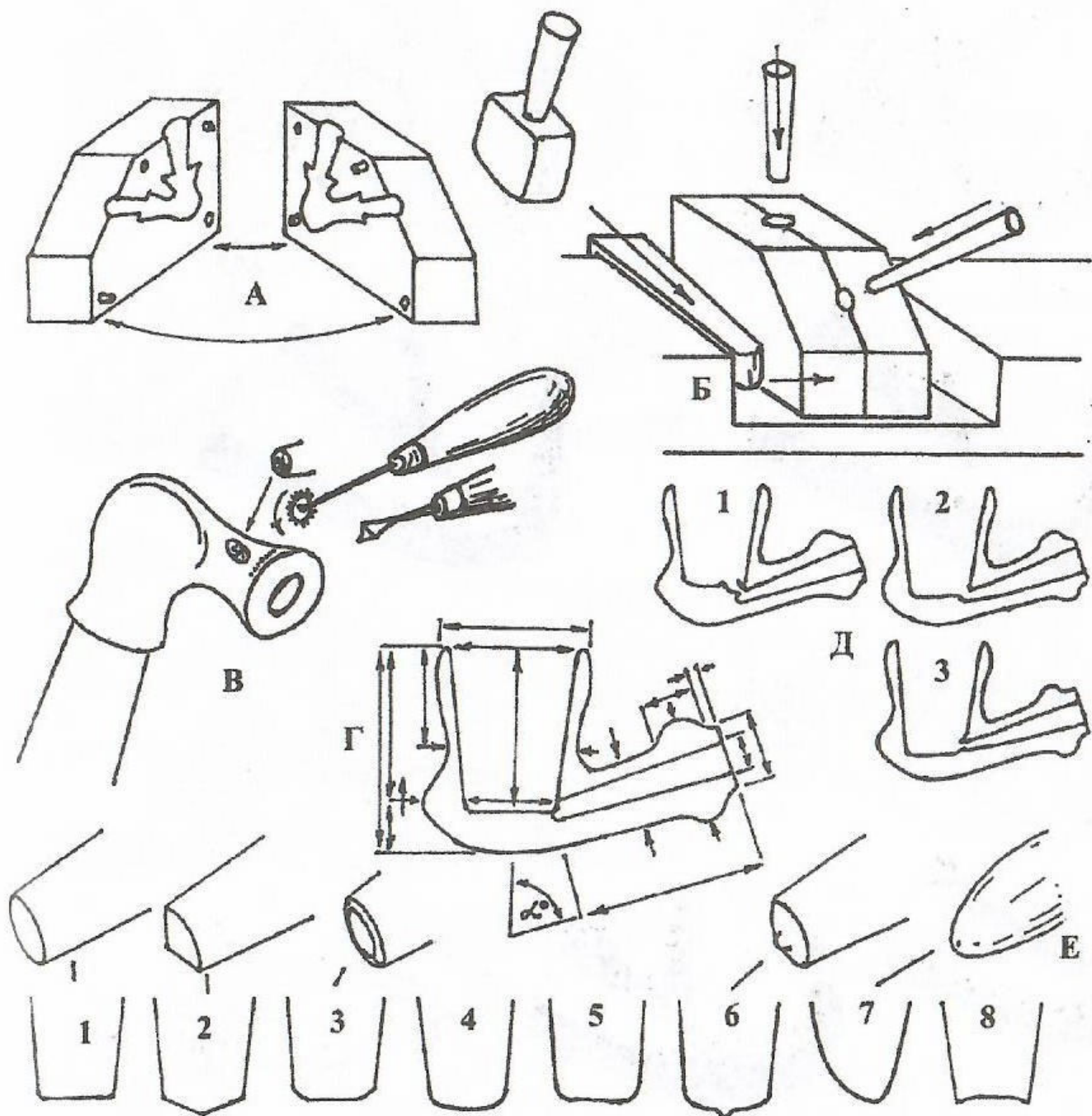

Рис. 1. А, Б, В - схема штамповки и орнаментации трубок; Г - схема обмера трубок для каталога; Д - варианты соединения полостей большого и малого клина (1 - нижнее, 2 - среднее, 3 - верхнее); Е - варианты формы окончания большого клина (1 - плоское, 2 - выпуклое коническое, 3 - выпуклое усеченно-коническое, 4 - выпуклое сегментовидное, 5 - выпуклое усеченно-сегментовидное, 6 - выпуклое сегментовидное с выступом в центре, 7 - выпуклое ассимметричное, 8 - вогнутое (с небольшим углублением по периметру и практически плоской основной поверхностью)).

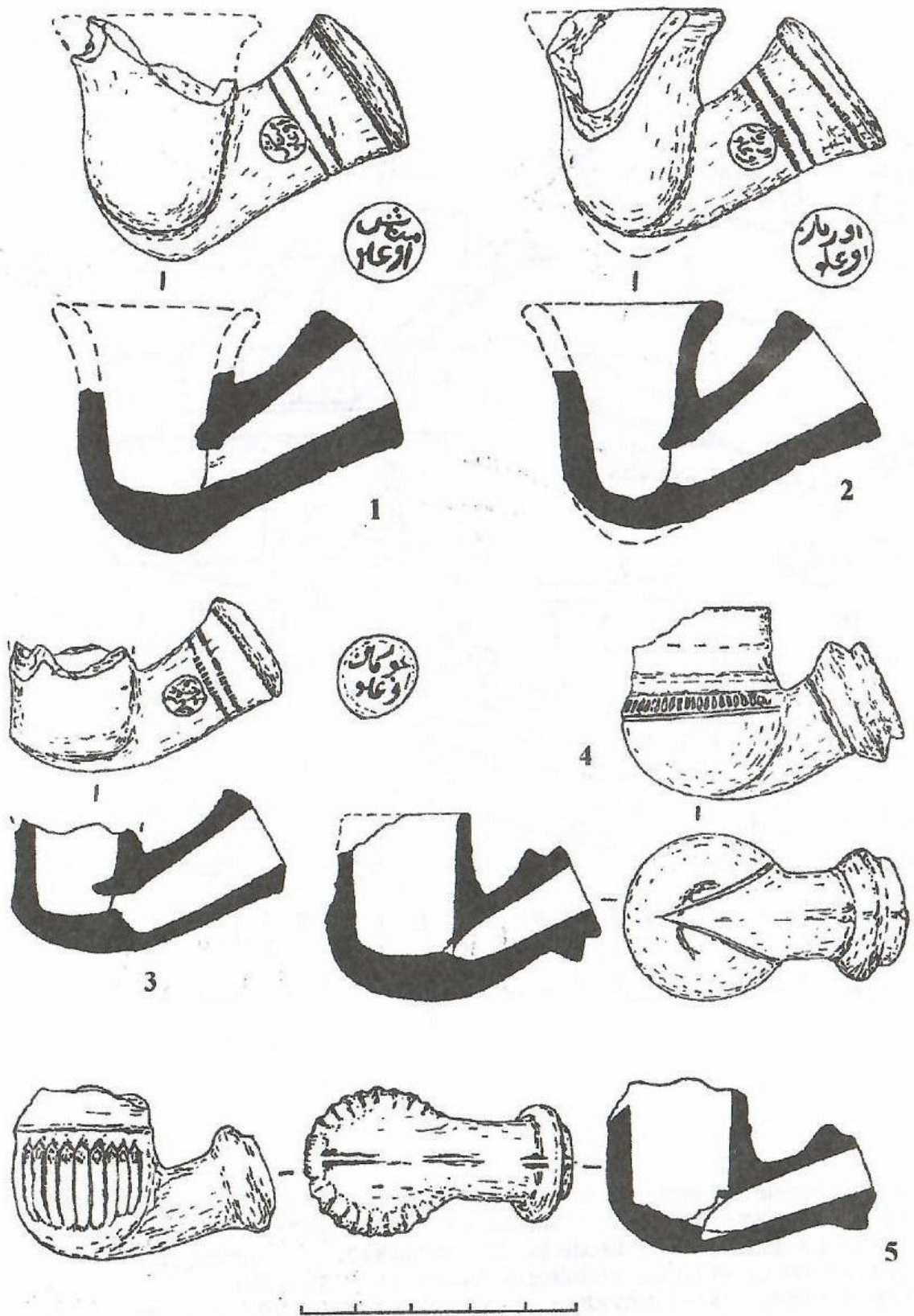

Рис.2 Курительные трубки
кат. №№ 1-5

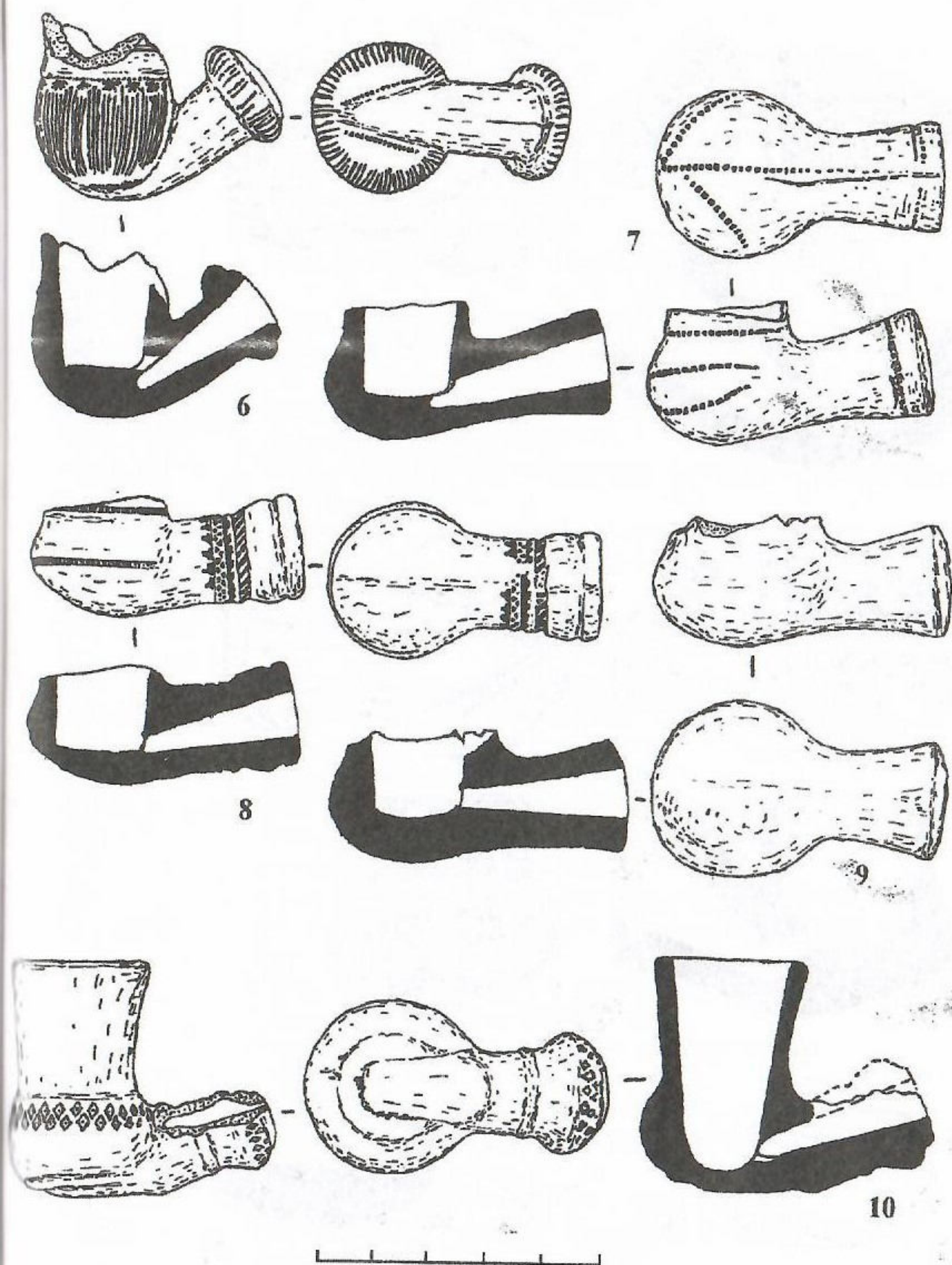
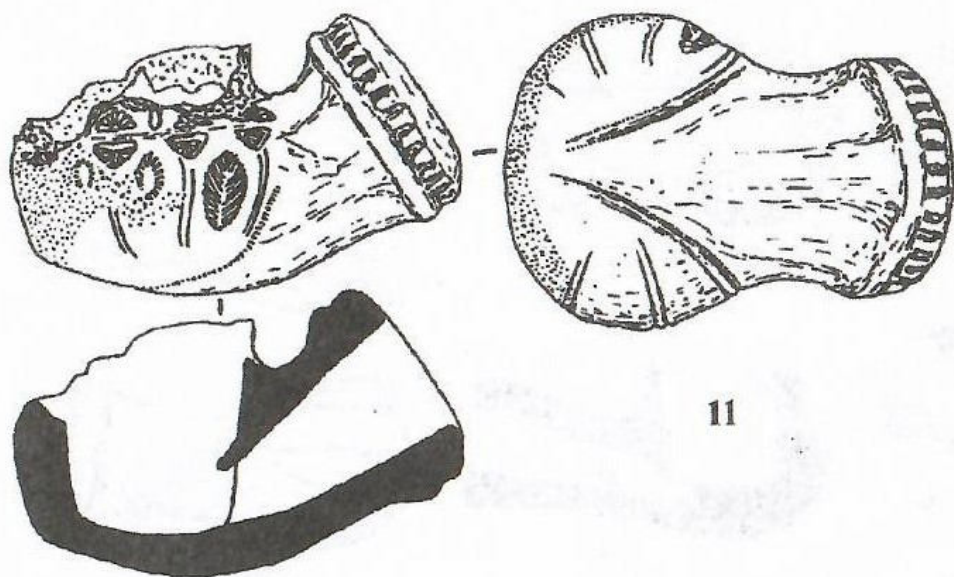
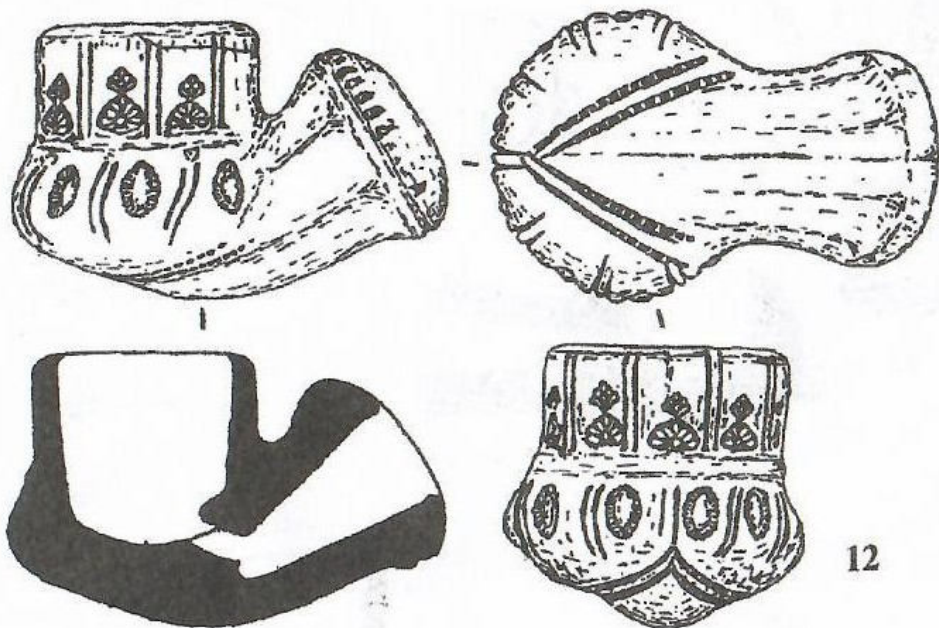

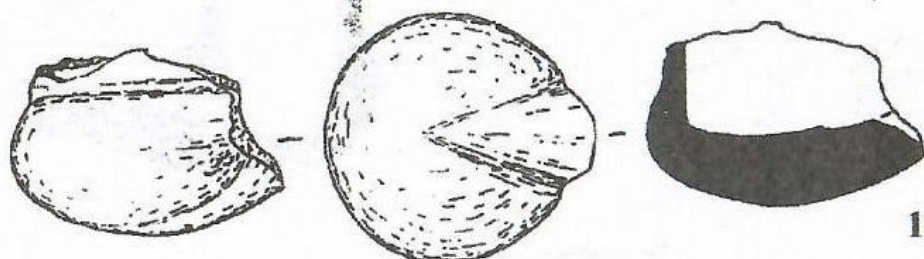
Рис. 3 Курительные трубки
кат. №№ 6-10

11

12

13

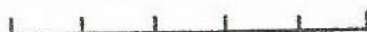

Рис. 4 Курительные трубки
кат. №№ 11-13

СОКРАЩЕНИЯ

АО	Археологические открытия
АРТ	Археологические работы в Таджикистане
АС	Археологический съезд
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВВА	Вопросы археологии Адыгеи
ВДИ	Вестник древней истории
ДАН	Доклады Академии Наук Азербайджанской ССР
Азерб.ССР	
ИАК	Известия Археологической Комиссии
ИАН	Известия Академии Наук Киргизской ССР
Кирг.ССР	
ИОАИЭКУ	Известия общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете
ИООН АН	Известия Отделения общественных наук Академии Наук
Тадж.ССР	Таджикской ССР
Изв.РОМК	Известия Ростовского областного музея краеведения
Изв.СКНЦВШ	Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы
Изв.ЧИНИИ	Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана
КАЭ ГМИНВ	Кавказская археологическая экспедиция Государственного Музея искусства народов Востока
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИЭ	Краткие сообщения Института этнографии
МАД	Материалы по археологии Дагестана
МАК	Материалы по археологии Кавказа
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НС ГМИНВ	Научные сообщения Государственного музея искусства народов Востока
ОАК	Отчет Археологической Комиссии
ОНУ	Общественные науки Узбекистана
ООН	Отделение общественных наук Академии Наук
АН Уз.ССР	Узбекской ССР
ПИИЭ	Полевые исследования Института этнографии
ПСЗРИ	Полное собрание законов Российской Империи
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СГМИИ	Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
СМАА	Сборник материалов по археологии Адыгеи
СМОМПК	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа

Тр.КАЭЭ	Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
ТИИ	Труды Института истории Академии Наук
АН уз.ССР	Узбекской ССР
ТОИПК	Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ТХАЭЭ	Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции
ТЧИННИИ	Труды Чечено-Ингушского научного-исследовательского института
Уч.зап.ЛГУ	Ученые записки Ленинградского государственного университета
BAR BS	British Archaeological Report British Series Oxford
BAR IS	British Archaeological Report Internationale Series Oxford
ГМ СБ	Годишник на музеите от Северна България
IJNA	International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration. N.Y.etc.
HMB	Народния Музей Варна
SA	Studia archaeologica
SBE	The Sacred Dooks of the East

ОГЛАВЛЕНИЕ

Трейнер У.И.	Проблемы изучения ритонов из Старой Нисы	3
Мкртычев Т.К.	Новые раскопки на Кара-тепе в Старом Термезе. История функционирования комплекса Е.	16
<u>Болелов С.Б.</u>	Погребения в пещерных склепах на юге Узбекистана.	39
Алпаткина Т.Г.	Парадный айван Варахши: Новые исследования.	61
<u>Вишневская Н.Ю.</u>	Космологическая композиция на хуме X в. городища Джигербент.	72
Иневаткина О.Н.	Фрагмент сюжетной живописи конца XII - начала XIII в. из цитадели Самарканда.	83
Войтов В.Е.	«Усыпальница I» - некрополь мусульман Каракорума.	91
Днепровский К.А.	Вытянутые костяки эпохи ранней бронзы в Закубанье.	130
Терехова Н.Н., Кожухов С.П.	Металлографическая характеристика кузнечных изделий из меотских погребений Ново-Вочепший- ского могильника.	145
<u>Кожухов С.П.</u>	<u>Закубанские катафрактары.</u>	159
Носкова Л.М.	Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинохабль в Адыгее.	191
Волков И.В.	Частная коллекция «Турецких» курительных трубок из Москвы.	226
Сокращения		253

Издательство «Компания Спутник +» приглашает к сотрудничеству авторов произведений любой тематики.

Издадим Вашу книгу, брошюру отдельным тиражом.

Выпускаем сборники научных трудов аспирантов, кандидатов и докторов наук

Обращайтесь по тел:

(095) 172-95-90

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОКА

Сборник статей

Редакторы: Носкова Л.М., Мкртычев Т.К.

Художественное оформление: Сурвилло Н.С., Куркина Е.А.

Технический редактор: Трейнер У.И.

ЛР №066478 от 30.03.99

Подписано в печать 14.09.99г. Формат 60х90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 16.

Тираж 200 экз. Заказ 178.

Издательство «Компания Спутник +»

113208, Сумской пр., д. 8, кор. 2

Тел. (095) 172-95-90

Отпечатано на оборудовании ООО «Печатник».

129278, г. Москва, а/я 25

